

Администрація
и
Общественное Мнѣніе

во Франціи передъ революціей.

Историческій очеркъ

Павла Ардашева,
Профессора Университета св. Владиміра.

Кіевъ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, № 22.
1905.

Администрація и Общественное Мнѣніе

во Франціи передъ революціей.

Историческій очеркъ

Павла Ардашева,
Профессора Университета св. Владиміра.

Кіевъ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, № 22.
1905.

Печатано съ разрѣшенія декана Историко-Филологическаго факультета Университета Св. Владиміра *Т. Флоринскаго*, 30 іюня 1905 г.

Настоящій очеркъ, хотя и написанный для спеціалистовъ и тѣхъ рѣдкихъ у насъ читателей, которыхъ не пугаетъ толщина томовъ, можетъ, думается намъ, представлять нѣкоторый интересъ и для читателей, не принадлежащихъ ни къ одной изъ этихъ двухъ категорій. Къ тому же онъ составляетъ, по своему содержанію, нѣчто цѣльное. Эти соображенія побудили насъ издать въ свѣтъ настоящій очеркъ, независимо отъ имѣющаго выйти въ скоромъ времени въ свѣтъ второго тома нашего изслѣдованія о „Провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“, — въ составъ котораго этотъ очеркъ имѣетъ войти въ качествѣ одной изъ главъ.

Павелъ Ардашевъ.

Кіевъ, 30-го августа 1905 г.

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей.

I. „Власть" общественнаго мнѣнія во второй половинѣ XVIII-го вѣка.—Свидѣтельства современниковъ.—II. Что разумѣли современники подъ *общественнымъ мнѣніемъ*?—III. Общественное мнѣніе въ офиціальной фразеологіи.—IV. Общественное мнѣніе, какъ реальная сила.—Парламенты и другіе высшіе трибуналы.—Ихъ remontrances, какъ апелляція къ общественному мнѣнію.—V. Обращеніе къ общественному мнѣнію путемъ печати со стороны офиціальныхъ учрежденій, корпорацій и частныхъ лицъ.—VI. Вліяніе общественнаго мнѣнія на правительство.—VII. Развитіе офиціальной прессы.—VIII. Офиціозная пресса.—IX. *Городъ и дворъ*; метаморфоза, происшедшая въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—X. Есть ли свобода публичнаго слова необходимое условіе существованія общественнаго мнѣнія?—„Общественная мимика".—XI. „Разговоръ", какъ факторъ общественнаго мнѣнія.—Салоны, литературные кружки, клубы, кафе.—XII. *Homme du monde* и *homme de lettres*.—XIII. Администрація и „литературная республика".—XIV. Литература и „публика"; пресса и разговоръ.—XV. Правовое положеніе печати.—Законодательство и практика.—XVI. Безсиліе цензуры и Бастиліи.—XVII. Ростъ книжной прессы.—XVIII. Развитіе злободневной прессы.—Періодическая пресса.—Характеръ современной публицистики.—XIX. Театръ.—XX. Ростъ прессы, какъ политической силы.—XXI. Вліяніе прессы на дѣятельность правительства.—XXII. Общественное мнѣніе и провинціальные интенданты.—Интендантъ, какъ *homme du monde* и *homme de lettres*.—XXIII. Сенакъ-де-Мейльянъ.—XXIV. Монтіонъ.—XXV.—Другіе интенданты *hommes de lettres*.—XXVI. Интендантъ—образованный человѣкъ.—XXVII. Секретари и субделегаты интенданта.—XXVIII. Общественное мнѣніе, какъ факторъ эволюціи учрежденія интендантства.—XXIX. Вліяніе общественнаго мнѣнія на дѣятельность интендантовъ.—XXX. Дѣло бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора.—Заключеніе.

I.

Если вѣрно, что, какъ говоритъ писатель-современникъ занимающей насъ эпохи, „мнѣніе управляетъ міромъ" [1]), то это должно

[1]) *Mercier*, le Nouveau Paris, t. I, p. 49: „L'opinion gouverne le monde".—Въ данномъ случаѣ Мерсье повторяетъ лишь то, что сорокъ лѣтъ тому назадъ было сказано маркизомъ д'Аржансономъ („мнѣнія управляютъ міромъ").—*В. Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1910, стр. 55.

быть особенно вѣрно относительно Франціи, которая, по выраженію одного изъ французскихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, „такъ ужъ устроена, что общественное мнѣніе играетъ въ ней господствующую роль“ [1]). Но если, дѣйствительно, „общественное мнѣніе имѣло всегда великую силу во Франціи“, какъ утверждаетъ и современникъ изучаемой эпохи [2]), то никогда еще не достигало оно такого могущества, какъ именно въ эту эпоху.

Въ пространномъ введеніи, которое онъ предпосылаетъ своему обширному трактату *Объ управленіи финансами Франціи*, напечатанному въ 1784 г., Неккеръ, бывшій и будущій министръ финансовъ, посвящаетъ цѣлый рядъ страницъ общественному мнѣнію [3]). Во Франціи—говоритъ онъ—существуетъ „трибуналъ, передъ которымъ обязанъ предстать всякій, на комъ (по его положенію) сосредоточены взоры общества“. „*Здѣсь, какъ бы съ высоты трона, общественное мнѣніе раздаетъ награды и вѣнки, создаетъ и разрушаетъ репутаціи.*

Не сразу однако достигла эта сила „высоты трона“. Она была неизвѣстна въ эпоху внутреннихъ смутъ, когда партійныя противоположности исключали какую бы то ни было внутреннюю общественную солидарность—необходимое условіе сильнаго общественнаго мнѣнія. Но хотя, съ воцареніемъ Людовика XIV, внутренній порядокъ упрочился въ странѣ, тѣмъ не менѣе проявленіе общественнаго мнѣнія долго еще парализовалось мощью, которой достигла королевская власть въ лицѣ „этого великаго монарха“, сумѣвшаго какъ бы сосредоточить въ своей личности всю общественную жизнь и окружить свою власть и свою особу такимъ ореоломъ и обаяніемъ, что „даже люди, достигшіе высокаго положенія и популярности своими талантами, добивались, какъ высшей чести, вниманія этого государя“.

Тѣмъ не менѣе, подготовленный этимъ блестящимъ царствованіемъ культурный подъемъ общества, тѣмъ самымъ создалъ благо-

---

[1]) *Dupont-White*, l'Administration locale en France et en Angleterre (*Revue des deux Mondes*, t. 45 (1863), p. 174): „La France est faite de telle façoqu'elle comporte l'opinion comme puissance dominante“.

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs et les Conditions en France avant la Révolution, Paris, 1862, p. 131: „L'opinion... a toujours eu un grand pouvoir en France“.

[3]) *Necker*, De l'Administration des finances de la France, Paris, 1784, t. I, Introduction, p. LVIII—LXXVI.

пріятную почву для „воцаренія общественнаго мнѣнія“. Снова задержанное въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи наступившимъ въ эпоху регентства „легкомысленнымъ индифферентизмомъ“ общества, „могущество общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ различныхъ благопріятныхъ условій, вскорѣ настолько возрасло, что въ настоящую пору его было бы уже трудно уничтожить: оно царитъ надъ умами, и даже государи съ нимъ считаются, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не отдаются на волю страстей. Одни изъ нихъ относятся съ извѣстнымъ вниманіемъ къ общественному мнѣнію добровольно, изъ желанія популярности; другіе, менѣе податливые, въ концѣ концовъ все-таки вынуждены подчиниться ему, незамѣтно для себя самихъ, благодаря тому вліянію, которое оказываютъ на нихъ окружающіе“. Замѣтивъ, что „эта власть общественнаго мнѣнія несравненно болѣе слаба въ другихъ странахъ, при другихъ правительственныхъ режимахъ“, Неккеръ продолжаетъ: „Вотъ почему *иностранцамъ въ большинствѣ случаевъ трудно составить себѣ вѣрное представленіе о той власти, которою обладаетъ во Франціи общественное мнѣніе*; *имъ трудно постичь эту невидимую державу, что безъ казны и вооруженной силы, предписываетъ законы столицѣ и двору и проявляетъ свою власть вплоть до ступеней трона.* И однако же это именно такъ“.

Не преувеличиваетъ ли однако Неккеръ значенія того „трибунала“, къ приговорамъ котораго онъ, какъ извѣстно, былъ лично особенно неравнодушенъ? Но Неккеру вторятъ въ одинъ голосъ такіе люди изъ числа его современниковъ, у которыхъ было очень мало общаго какъ съ нимъ, такъ и между собою.

Таковъ — бывшій подчиненный Неккера, его конкуррентъ по службѣ [1]) и постоянный литературный антагонистъ [2])— Сенакъ-де Мейльянъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ качествѣ валансьеннскаго интенданта при закрытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г., Сенакъ-де-Мейльянъ говоритъ между прочимъ: „*Никогда еще не достигала такого господства власть общественнаго мнѣнія* [3]).

---

1) Сенакъ-де-Мейльянъ, считавшій себя призваннымъ къ государственной дѣятельности, никогда не могъ простить Неккеру, который, по его мнѣнію, перебилъ у него мѣсто министра финансовъ. Сенакъ-де-Мейльянъ былъ интендантомъ въ ла-Рошели, Эксѣ и Валансьеннѣ.

2) Объ этомъ ниже, подраздѣленіе XXIII настоящей главы.

3) „Jamais l'empire de l'opinion, cette reine du monde, n'a été plus domi-

Таковъ—Мальзербъ, президентъ парижской Палаты пошлинъ и будущій министръ, который, будучи избранъ въ 1775 г. въ члены Французской академіи, обращается къ ней въ своей вступительной рѣчи между прочимъ съ такими словами: *„Возникъ трибуналъ, независимый отъ всѣхъ существующихъ властей, но всѣми властями уважаемый... И этотъ общественный трибуналъ признается всѣми за верховнаго судью надъ всѣми судьями“* [1]).

Очень мало общаго, какъ съ Мальзербомъ, такъ и съ Неккеромъ, которые оба были „друзьями философіи“, имѣлъ ихъ современникъ Бертранъ-де-Молльвилль [2]), не скрывавшій своего отрицательнаго отношенія къ „философіи“ и къ тому „общественному мнѣнію“, которое онъ считалъ ея „органомъ“. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ возникла, по его словамъ, „дерзкая и преступная секта, которая, подъ именемъ *философіи*, создала новую силу, органомъ которой она выступила, и которую назвала *общественнымъ мнѣніемъ*. Не имѣя опредѣленнаго мѣстопребыванія, послѣднее проявлялось лишь въ мятежныхъ сочиненіяхъ и дерзкихъ декламаціяхъ... *Оно вызывало къ своему трибуналу министровъ, генераловъ и всѣхъ носителей государственной власти, которыхъ оно ставило и низлагало. Въ царствованіе Людовика XVI эта новая верховная власть*, къ обладанію которой задорно объявляли себя призванными писатели и интриганы всѣхъ странъ, *стала еще болѣе страшной*“. Дошло до того, что „лже-философія насчитывала своихъ послѣдователей даже въ средѣ королевскаго совѣта“ [3]).

Любопытно, что съ Неккеромъ сходится въ данномъ вопросѣ даже Monsieur, братъ Людовика XVI (будущій Людовикъ XVIII),

---

nante“.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provisoire de la province de Hainaut,* Paris, 1788, in-4⁰.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/29.—*Pièces justificatives*, Nr. 126.—Сравн. *Correspondance secrète, politique et littéraire,* Préface: „Jamais l'histoire des événements... n'a été plus intimement liée avec celle des moeurs et des opinions que pendant la période de temps qu'embrasse cet ouvrage“.

1) *Lamoignon de Malesherbes,* Discours, prononcé dans l'Académie Française à sa réception. Paris, 1775.—*Quérard,* la France littéraire, t. IV, p. 500.—Цит. по *Bersot,* Etudes, p. 34.—Сравн. *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 41—42.

2) Онъ былъ бретанскимъ интендантомъ въ 1784—1788 г., затѣмъ морскимъ министромъ въ 1791—1792 г.

3) *Bertrand de Molleville,* Histoire de la Révolution de France, Paris, 1800, t. I, Introduction, p. 48—49.

который раздѣлялъ овладѣвшую въ то время многими коронованными особами страсть къ писательству. Въ 1776 г. онъ выпустилъ анонимный памфлетъ, въ которомъ высокопоставленный авторъ между прочимъ пишетъ: *„Нельзя не признать, что всякое общество управляется общественнымъ мнѣніемъ; что общественное мнѣніе есть противовѣсъ грубой силы; что имущество, права, наконецъ существованіе каждаго гражданина находятся подъ охраной общественнаго мнѣнія"* [1]).

Таковы завѣренія людей, такъ или иначе „дѣлавшихъ исторію" своего времени. Имъ вторятъ тѣ изъ современниковъ послѣднаго, которые играли роль любопытныхъ и наблюдательныхъ зрителей этой „исторіи". Таковъ, напримѣръ, современный писатель Мерсье, въ глазахъ котораго *общественное мнѣніе* является такою силой, *„которой не превозмогутъ никакія велѣнія въ мірѣ"* [2]).

II.

Но что такое *общественное мнѣніе*?

Это одно изъ тѣхъ понятій повседневнаго обихода, которыя кажутся такими ясными, и которымъ въ то же время такъ трудно дать сколько-нибудь удовлетворительное опредѣленіе. Впрочемъ для нашей задачи важно не столько то или другое опредѣленіе понятія общественнаго мнѣнія [3]), сколько вопросъ о томъ, какъ понимали

1) *Le Songe de Maurepas, ou les Machines du gouvernement français.* Памфлетъ этотъ перепечатанъ цѣликомъ у *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. III, p. 107—127, по которому и цитируемъ.

2) *Mercier*, Tableau de Paris, Amsterdam, 1782, t. IX, p. 64: „Tous les arrêts du monde ne prévaudront contre l'opinion publique".—Louis-Sébastien Mercier, avocat au parlement, впослѣдствіи депутатъ конвента, затѣмъ членъ совѣта пятисотъ, профессоръ исторіи въ центральной школѣ, членъ института, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей эпохи, авторъ фантастическаго „романа будущаго", *L'an 2440* (Amsterdam, 1770). род. въ 1740 г., слѣдовательно былъ на восемь лѣтъ моложе Неккера. — *Quérard*, la France littéraire, t. VI, p. 58—62.

3) См. *Holtzendorff*, Wesen und Werth der oeffentlichen Meinung, 2 Aufl., München, 1880. Переведено по-русски: *Гольцендорфъ*, Общественное мнѣніе, Петербургъ, 1895, изд. второе.—Впрочемъ, авторъ не даетъ *опредѣленія* общественнаго мнѣнія. Сравн. *G. Tarde*, l'Opinion et la conversation (*Revue de Paris*, 1899, t. IV, p. 689 et suiv). Тардъ даетъ слѣдующее опредѣленіе общественному мнѣнію (тамъ же, стр. 692): „L'Opinion est un groupe momentané et plus ou moins logique de jugements qui, répondant à des problèmes actuellement posés, se trouve reproduit en nombreux exemplaires dans des personnes du même pays, du même temps, de la même société".

сами современники то, чтò они называли *opinion publique*, *opinion générale*, или просто—*opinion*.

У нихъ мы и спросимъ объ этомъ.

Начнемъ съ одного изъ наиболѣе словоохотливыхъ среди нихъ, Неккера. Говоря о значеніи общественнаго мнѣнія во Франціи, Неккеръ видитъ въ этой „новой силѣ“ одно изъ существенныхъ препятствій для „злоупотребленій властью“. „Да, не иному чему, какъ именно общественному мнѣнію и тому уваженію, какимъ оно пользуется, нація обязана тѣмъ, что сохранила за собой извѣстное вліяніе, заключающееся въ правѣ награждать и наказывать—похвалой или презрѣніемъ“ [1]). Итакъ, субъектомъ общественнаго мнѣнія является въ пониманіи Неккера *нація*: общественное мнѣніе, это, стало быть, *мнѣніе націи*. Въ этомъ случаѣ Неккеръ опять-таки оказывается вѣрнымъ истолкователемъ общепринятыхъ въ его время представленій; не всѣ конечно разумѣли одно и то же подъ словомъ „нація“, но всѣ, повидимому, сходились въ пониманіи *общественнаго мнѣнія*, какъ *мнѣнія націи*.

Въ началѣ царствованія Людовика XVI вновь призванный къ власти министръ Морепа, желавшій возстановленія парламентовъ, старается склонить къ тому короля такимъ аргументомъ: „надо прислушиваться къ *общественному мнѣнію* и слѣдовать ему“ [2]). Убѣжденный доводами своего министра, Людовикъ, въ свою очередь, парируетъ всякія возраженія такимъ аргументомъ: „таково *желаніе народа*, а я хочу, чтобы народъ любилъ меня“ [3]). Далѣе, въ предисловіи къ своему эдикту, которымъ возстановлялся парижскій парламентъ, король мотивируетъ этотъ актъ, между прочимъ, желаніемъ „отмѣтить свое восшествіе на престолъ благимъ дѣломъ, которое ему представляется *общимъ желаніемъ его подданныхъ*“ [4]). Затѣмъ, въ торжественномъ королевскомъ засѣданіи парламента, посвященномъ регистраціи этого эдикта, первый президентъ, въ своемъ отвѣтѣ на прочитанную канцлеромъ рѣчь короля, обращаясь къ послѣднему,

---

[1]) *Necker*, op. cit., t. II, p. 65.

[2]) „Il faut écouter *l'opinion publique* et la suivre“.—*Fayard*, Aperçu historique sur le parlement de Paris, t. III, p. 248.

[3]) „C'était le *voeu du peuple*, et je veux être aimé“. — *Journal historique de la Révolution opérée par Maupeou*, t. VI, p. 301.

[4]) „Un bienfait qui nous a paru le *voeu général de nos sujets*“.—*Isambert*, eRcueil général, t. XXIII, p. 44.

говоритъ между прочимъ: „Возстановляя въ своихъ функціяхъ старинное, глубоко-чтимое судилище, вы уступили движенію вашего сердца еще въ большой степени, чѣмъ *общимъ пожеланіямъ всѣхъ чиновъ вашего государства*“ [1]). Наконецъ, на пріемѣ перваго президента въ Версалѣ, куда онъ явился, въ сопровожденіи высшихъ чиновъ парламента, чтобы принести соотвѣтствующія выраженія благодарности королю, королевѣ и членамъ королевской семьи,—королева высказавъ свое сожалѣніе по поводу утомленія, испытаннаго королемъ отъ продолжительнаго засѣданія, прибавила: „къ счастью, радость, которую чувствуетъ его величество, исполняя *желаніе націи*, предохранила его отъ всякаго недомоганія“ [2]).

Желаніе народа въ устахъ короля, *общее желаніе подданныхъ* въ текстѣ эдикта, *пожеланія всѣхъ сословій государства* въ рѣчи президента парламента, наконецъ—*желаніе націи* въ устахъ королевы,—всѣ эти выраженія представляютъ собою, очевидно, лишь различные перифразы того *общественнаго мнѣнія*, на которое ссылается министръ и которое, дѣйствительно, является ultima ratio отмѣченнаго законодательнаго акта [3]).

III.

Opinion publique, opinion générale, opinion du peuple, voeu de la nation и тому подобныя выраженія составляютъ, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ особенности въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, одинъ изъ постоянныхъ элементовъ офиціальной фразеологіи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ парламентамъ (и другимъ высшимъ трибуналамъ), которые въ своей борьбѣ съ королевскою властью искали и находили опору въ общественномъ мнѣніи. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ парламенты въ своихъ „представленіяхъ“ и „протестахъ“ часто категорически ссылаются на *общественное мнѣніе*. Въ своихъ „представленіяхъ“ по поводу задуманнаго канцлеромъ Мопу уничтоженія парламентовъ въ 1771 г. тулузскій парламентъ бросаетъ правительству упрекъ въ

---

[1]) „Cédant au mouvement de votre coeur plus qu'aux *voeux de tous les ordres de l'Etat*“...—*Fayard*, op. cit., t. III, p. 254.

[2]) „La joie que S. M. a ressentie, en remplissant le *voeu de la nation*, l'a garantie de toute indisposition“.—Ibidem, p. 257.

[3]) См. ниже, стр. 27, примѣч. 2, 3, 4.

„пренебреженіи къ *общественному мнѣнію*" [1]). Въ своихъ знаменитыхъ представленіяхъ 1775 г. парижская палата пошлинъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: „всѣ, въ чьихъ рукахъ находится та или другая частица верховной власти, должны подлежать тройному контролю: законовъ, высшей власти и *общественнаго мнѣнія*" [2]). „*Общественное мнѣніе* есть мощная сдержка противъ тиранніи чиновниковъ" [3]). Въ подкрѣпленіе своихъ возраженій противъ практики эвокацій [4]), палата рекомендуетъ королю „прислушаться ко *всеобщему голосу публики*" [5]), а въ подкрѣпленіе указаній на необходимость строгой бережливости въ расходованіи государственныхъ средствъ ссылается на „*всеобщее желаніе всей націи*" [6]). Въ засѣданіи парижскаго парламента 25-го сентября 1788 г. одинъ изъ его членовъ обвиняетъ бывшихъ министровъ де-Ламуаньона и Ломени-де-Бріення въ „попыткахъ завладѣть *мнѣніемъ народа* путемъ покровительства скандальнымъ и возмутительнымъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ магистратуры, и путемъ запрещенія печатать отвѣты на эти клеветы" [7]). По словамъ автора предложенія, къ названнымъ министрамъ предъявляются различныя обвиненія и со стороны *общественнаго мнѣнія* [8]).

---

[1]) *Extrait des Registres des délibérations du parlement de Toulouse*, du samedi 31 août 1771: „Considérant... *l'opinion publique* méprisée"...—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, Toulouse, 1879, t. XIV, p. 2312.

[2]) *Remontrances de la Cour des Aides de Paris*, du 6 mai 1775, art. 81: „Tous les dépositaires de la puissance souveraine doivent être soumis à trois sortes de freins, celui des lois, celui du recours à l'autorité supérieure, celui de *l'opinion publique*".—*Translations and Reprints from the original Sources of European History*, t. V, Nr. 2, Philadeplphia, 1899.

[3]) Ibidem, art. 78: „*L'opinion publique*... est un frein si puissant contre la tyrannie des subalternes".

[4]) См. *Ардашевъ*, Провинціальная администрація, т. I, стр. 566.

[5]) *Remontrances*, art. 23: „Mais Votre Majesté suppléera aisément à cet égard aux remontrances des Cours, en écoutant le *témoignage universel du public*".

[6]) Ibidem, art. 48: „Cette économie vous est demandée par *les voeux universels de toute la nation*".

[7]) *Récit fait par un des Messieurs, toutes les chambres assemblées, les pairs y séant*, le 25 septembre 1788: „D'après ces considérations, j'ai l'honneur de déférer à la Cour... leurs tentatives pour s'emparer de *l'opinion du peuple* en protégeant des écrits scandaleux et séditieux contre les magistrats, et en défendant... d'imprimer les réponses à ces calomnies" (цитируемъ по *Brette*, Recueil de documents, t. I, p. 29—39).

[8]) Ibidem.: „Ces deux ministres... sont également accusés par *l'opinion publique*"

Съ началомъ новаго царствованія, „общественное мнѣніе" проникаетъ и въ обиходъ правительственной фразелогіи. Призванные Людовикомъ XVI въ 1778 г. новые министры, Мальзербъ и Тюрго, „относятся благожелательно къ тому, что̀ они называютъ *господствующимъ мнѣніемъ*" [1]). Мальзербъ, какъ припомнимъ, впрочемъ, успѣлъ уже ранѣе формулировать офиціально свой взглядъ на значеніе общественнаго мнѣнія, какъ контролирующаго фактора по отношенію къ представителямъ власти [2]). Что касается Тюрго, то свое отношеніе къ общественному мнѣнію онъ формулировалъ въ одномъ изъ первыхъ же актовъ своей министерской дѣятельности. „Королевская власть—говоритъ онъ въ представленной имъ королю въ 1775 г. запискѣ о муниципалитетахъ—будетъ (въ случаѣ осуществленія проектируемой имъ реформы) освѣдомлена, но не стѣснена, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дано безъ всякаго риска *удовлетвореніе общественному мнѣнію* [3]). Тотъ же министръ въ своемъ докладѣ королю „объ ордерахъ на предъявителя" говоритъ, какъ о вещахъ, съ которыми необходимо считаться прежде всего правительству,—объ „общественной пользѣ" и о *„довѣріи народа"* [4]).

Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Тюрго, Неккеръ, въ своемъ докладѣ королю о необходимости преобразованія провинціальной администраціи въ смыслѣ учрежденія выборныхъ провинціальныхъ

---

[1]) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. II, Discours préliminaire, p. XXVI: „Malesherbes et Turgot avaient favorisé ce qu'ils appelaient l'opinion régnante".—Мальзербъ уже ранѣе успѣлъ заявить свое отношеніе къ общественному мнѣнію опубликованіемъ составленныхъ имъ *Remontrances de la Cour des aides* въ апрѣлѣ 1775 г. Что касается Тюрго, то еще въ бытность свою лиможскимъ интендантомъ онъ между прочимъ писалъ въ 1770 г. генералъ-контролеру аббату Террэ: „Je sais que vous n'adoptez pas *mes idées sur la nécessité de disсuter cette matière au tribunal du public*" (*Turgot*, Oeuvres, éd. Daire, t. II, p. 161).

[2]) Какъ авторъ упомянутыхъ выше *Remontrances de le Cour des Aides*.

[3]) *Mémoire au Roi, sur les Municipalités*, 1775.—*Turgot*, Oeuvres, éd. Daire, t. II, p. 502—550).

[4]) „Il est vrai, qu'il peut y avoir des dépenses légitimes qui, par des raisons d'Etat, doivent rester ignorées, mais ces cas sont très rares, et, ne pouvant avoir pour but que l'utilité publique, la *confiance des peuples* dans la justice du souverain n'en est pas altérée". — *Sémichon*, les Réformes sous Louis XVI, Paris, 1876, p. 369.—Отсюда видно, что не правъ Берсо, полагающій, что „Turgot, qui influa beaucoup sur l'opinion par son arrivée au ministère et par sa chute, ne songea jamais à elle". — *Bersot*, Etudes sur le XVIII siècle, Paris, 1855, p. 62.

собраній, въ 1778 г., подчеркиваетъ необходимость для правительства „слѣдовать по пути, намѣченному *общественнымъ мнѣніемъ*“ [1]). Три года спустя, тотъ же министръ, въ своемъ знаменитомъ *Отчетѣ*, настаиваетъ на важности того, чтобы даже „наиболѣе полезныя перемѣны находили также опору и въ *общественномъ мнѣніи*“ [2]).

„При Тюрго и въ особенности при Неккерѣ—говоритъ одинъ изъ цитируемыхъ уже нами современниковъ—новаторскія системы получаютъ въ административной фразеологіи, въ предисловіяхъ къ законамъ и въ (другихъ) офиціальныхъ бумагахъ, красивыя названія *господствующаго мнѣнія, общественнаго духа*“ [3]). Дѣйствительно, съ началомъ новаго царствованія королевскіе эдикты начинаютъ пестрѣть ссылками на „общественное мнѣніе“, на „всеобщія пожеланія націи“, или „народа“, и т. п Мы уже цитировали выше эдиктъ 1775 г. Ссылку на *opinion* находимъ также въ февральскомъ эдиктѣ 1776 г. объ упраздненіи цеховъ и гильдій [4]). Королевская декларація о реформѣ дорожной повинности въ 1787 г. прямо подчеркиваетъ, что король „удостовѣрился относительно *общаго желанія націи*“ [5]). Майскій эдиктъ 1788 г. о преобразованіи судовъ рекомендуетъ новое устройство послѣднихъ, какъ „наиболѣе способное внушить *всеобщее довѣріе народа*“ [6]). Другой майскій

[1]) *Necker*, Mémoire au Roi, sur l'établissement des assemblées provinciales (*Bibliothèque nat.*, Lb 39—288): „L'administration montre bien moins d'habileté lorsqu'elle veut exécuter tout à coup le plus grand bien qu'elle conçoit, que lorsqu'elle s'approche par degrés, mais plus sûrement *en suivant la route que l'opinion générale a le plus frayée*“.

[2]) *Necker*, Compte rendu au Roi, au mois de janvier 1781, Paris, 1781: „Il est donc très important que les changements les plus utiles soient encore appuyés par *l'opinion publique*“.

[3]) *Soulavie*, Mémoires, t. II, Discours préliminaire, p. XXV: „Sous Turgot et surtout sous M. Necker, les systèmes novateurs obtiennent, dans l'administration, dans les préambules des lois et dans les écrits officiels, les beaux noms d'*opinion régnante, d'esprit publique*“...

[4]) *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers.—Isambert*, Recueil général, t. XXIII, p. 370—386.

[5]) *Déclaration pour la conversion de la corvée en une prestation en argent*, 27 juin 1787: „Notre intention dans cet essai était de nous assurer encore davantage du voeu *général de la nation* en faveur de ce nouveau régime“. —Ibidem, p. 374.

[6]) „En conséquence, nous avons soin de les former de la manière la plus propre à inspirer une *confiance universelle à nos peuples*“.—Ibidem, t. XXXIII, p. 536.

эдиктъ того же года подчеркиваетъ выказанное парламентами противъ организаціи провинціальныхъ собраній противодѣйствіе, „котораго, казалось бы, не позволяло ожидать *желаніе націи*“ [1]). Постановленіе королевскаго совѣта отъ 5-го іюля 1788 г., которымъ возвѣщалось „намѣреніе короля созвать генеральные штаты своего королевства“, не вносило, стало быть, ничего новаго въ офиціальную фразеологію, когда заявляло о рѣшеніи короля запросить „*о мнѣніи своихъ подданныхъ*“, касательно организаціи созыва генеральныхъ штатовъ, „для того чтобы тѣмъ полнѣе было ихъ довѣріе къ *собранію поистинѣ національному*, какъ по своему составу, такъ и по своему значенію“ [2]).

Послѣ всего этого насъ не должно изумлять, если въ офиціальной перепискѣ и офиціальныхъ рѣчахъ провинціальныхъ интендантовъ [3]) мы встрѣтимся съ отголосками отмѣченныхъ сейчасъ особенностей офиціальной фразеологіи правительства, органами котораго они являются, и магистратуры, которая, какъ уже выше было замѣчено, наложила на нихъ глубокій отпечатокъ.

Въ представленной Неккеру въ 1778 г. запискѣ относительно предположенныхъ измѣненій въ территоріальномъ составѣ интендантства, беарнскій интендантъ старается подкрѣпить свою точку зрѣнія, между прочимъ, ссылкой на „*мнѣніе народа*“ [4]).

Эльзасскій интендантъ, въ офиціальной рѣчи своей при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ августѣ 1787 г., замѣтивъ, что этимъ учрежденіемъ осуществляется „желаніе націи“, прибав-

---

[1]) *Edit portant rétablissement de la Cour plénière*, mai 1788: „Notre édit concernant les assemblées provinciales... éprouve encore, dans quelques-uns de nos parlements, une résistance que l'utilité de ces assemblées et le *voeu de la nation* ne permettaient pas de présumer“.—Ibidem, p. 560.

[2]) *Arrêt du conseil concernant la convocation des Etats généraux du royaume*, 5 juillet 1788; „Sa Majesté... ne veut suppléer au silence des anciens monuments qu'en demandant, avant toute détermination, *le voeu de ses sujets*, afin que leur confiance soit plus entière dans *une assemblée vraiment nationale*, par sa composition comme par ses effets“. —*Brette*, Recueil de documents, t I, p. 19—20. Любопытно отмѣтить здѣсь (подробность эта ускользаетъ обыкновенно отъ вниманія историковъ революціи), что будущее названіе генеральныхъ штатовъ, *Assemblée nationale*, было подсказано уже королевскимъ актомъ о созывѣ собранія.

[3]) Провинціальный интендантъ соотвѣтствуетъ нашему губернатору.

[4]) *Archives nationales*, H 1411. Douet de la Boullaye à Necker, 23 janvier 1778: „A ces divers effets du démembrement en question il faut ajouter *l'opinion des peuples*“.

ляетъ, что въ данномъ случаѣ *„общественное мнѣніе* основано на разумѣ и справедливости“ [1]).

При открытіи „возстановленныхъ“ штатовъ области Дофинэ, въ г. Романсѣ, 10-го сентября 1788 г., гренобльскій интендантъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: „Единственно озабоченный благоденствіемъ своего народа, король ожидаетъ лишь *выраженія желанія націи*, для того чтобы обезпечить ему навсегда такое управленіе, которое бы сочетало его истинные интересы съ честью французскаго имени и съ народною любовью къ своему государю“. Далѣе, говоря о Неккерѣ, интендантъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Къ управленію финансами снова призванъ министръ, намѣченный *общественнымъ мнѣніемъ, этимъ надежнѣйшимъ путеводителемъ королей*“ [2]).

Валансьеннскій интендантъ около того же времени и въ аналогичной обстановкѣ говоритъ—точно такъ же въ офиціальной рѣчи—объ общественномъ мнѣніи, какъ о „царицѣ міра“ [3]). Ліонскій интендантъ, въ аналогичной обстановкѣ, говоритъ объ учрежденіи провинціальныхъ собраній, какъ объ „исполненіи *желанія націи*“ [4]).

Канскій интендантъ Кордье-де-Лопэ, припоминая въ офиціальной рѣчи „революцію Мопу“ и послѣдовавшее съ воцареніемъ Людовика

---

[1]) „Le Roi comble *les voeux de sa Nation*, en donnant à l'administration de son Royaume une nouvelle forme... Ici *l'opinion publique* est fondée sur la raison et la justice“.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale d'Alsace*, Strastbourg, 1787, in- 4⁰.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/3.

[2]) *Procès-verbaux des Assemblées générales des trois ordres et des Etats provinciaux du Dauphiné, tenus à Romans en 1788*, Lyon, 1888 (réimpression), p. 45. Discours de Caze de la Bove: „Le Roi, uniquement occupé du bonheur de ses peuples, n'ettend que de connaître *le voeu de la Nation*, pour lui assurer à jamais une administration qui concilie ses vrais intérêts avec l'honneur du nom Français et l'amour qu'elle porte à son Souverain. *Un Ministre désigné par l'opinion publique, le guide le plus sûr pour éclairer les Rois*, est appellé aujourd'hui à la tête des finances“.

[3]) „Le progrès des lumières a tout fait; il a découvert aux rois l'union intime de leur intérêt avec l'intérêt public. Jamais dans la monarchie française on n'a vu régner une aussi utile fermentation pour le bien général; *jamais enfin l' empire de l'opinion, cette reine du monde, n'a été plus dominante*“.—*Procès-verbal des séances de l'assembléé provisoire de la province de Hainaut*, Paris, 1788, in-4.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/29.

[4]) *Procès-verbal... de l'Assemblée provinciale de Lyon*, Lyon, 1787 — *Pièces justificatives*, Nr. 122.

XVI возстановленіе парламентовъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Если постигшая магистратуру опала бросила нѣкоторую тѣнь на конецъ царствованія Людовика XV, то первымъ шагомъ его преемника было пойти навстрѣчу *желанію Франціи*" [1]).

IV.

Можно однако задаться вопросомъ, насколько подъ этой обычной, скажемъ даже—модной фразеологіей, скрывалось реальное вліяніе „общественнаго мнѣнія"? Не было ли послѣднее простымъ стилистическимъ украшеніемъ офиціальной фразеологіи,—звукомъ пустымъ?

Такое предположеніе можетъ, дѣйствительно, явиться у всякаго, кто сталъ бы судить объ офиціальномъ языкѣ этой эпохи по наблюденіямъ надъ современностью. Про офиціальный же языкъ восемнадцатаго вѣка надо замѣтить, что ему совершенно чужда бóльшая часть тѣхъ условныхъ лжей, которыя составляютъ неотъемлемую особенность современнаго офиціальнаго стиля, французскаго или какого угодно другого. Языкъ восемнадцатаго вѣка—офиціальный, какъ и литературный,—это языкъ необыкновенно *наивный* въ лучшемъ смыслѣ этого слова: искренній, правдивый, откровенный, смѣлый, не боящійся называть вещи ихъ собственными именами,—языкъ въ высшей степени *безтактный* съ точки зрѣнія новѣйшей бюрократической выправки, языкъ, склонный скорѣе къ излишней выразительности, чѣмъ къ умолчаніямъ и затушевываніямъ,—языкъ, въ которомъ нѣтъ нужды читать между строкъ, а скорѣе нелишне иногда кое-что поубавивъ изъ наличныхъ строкъ, чтобы получить непреувеличенное—по крайней мѣрѣ съ нашей современной точки зрѣнія—выраженіе [2]). Для человѣка, хорошо знакомаго съ языкомъ эпохи, не можетъ быть въ данномъ случаѣ вопроса объ условной лжи; можетъ возникнуть лишь вопросъ о наличности извѣстнаго преувеличенія. Но ближайшее знакомство съ дѣломъ заставляетъ и на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно.

---

[1]) *Procès-verbal... de l'Assemblée provinciale de Caen*, Caen, 1788. – *Pièces justificatives.* Nr. 211.

[2]) О характерѣ офиціальнаго языка эпохи можно судить, напримѣръ, по многочисленнымъ выдержкамъ изъ различныхъ современныхъ офиціальныхъ актовъ у *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, Paris, 1876; у *Tocqueville*, l'Ancien régime et Révolution; у *Ону*, Наказы третьяго сословія, и др.

Начнемъ съ парламентской магистратуры, которая, въ силу извѣстныхъ уже намъ условій, во многихъ отношеніяхъ задавала тонъ правительству и администраціи, и выслушаемъ прежде всего свидѣтельство одного хорошо освѣдомленнаго и нелишеннаго проницательности современнаго наблюдателя. Вотъ въ какомъ видѣ представляется этому современнику роль, которую игралъ парламентъ въ послѣднюю пору стараго порядка.

„Пользуясь фактически, въ теченіе двухъ столѣтій, правомъ санкціонировать налоги, многократно выдержавъ борьбу съ королевскою властью въ защиту своей исключительной компетенціи въ этомъ отношеніи, парламентъ, *увлеченный потокомъ общественнаго мнѣнія*, въ одинъ прекрасный день отрекается отъ доктрины, которую онъ такъ долго отстаивалъ: онъ вдругъ объявляетъ во всеуслышаніе, что лишь нація, и одна только она въ правѣ соглашаться на установленіе налоговъ" [1]).

Другой наблюдательный современникъ, отмѣчая тотъ фактъ, что первыя атаки противъ королевской власти во Франціи исходили отъ „аристократическихъ корпорацій" (каковыми были парламенты въ позднѣйшую пору стараго порядка), объясняетъ его точно также вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которому—говоритъ онъ—часто люди подчиняются безсознательно и даже вопреки своимъ интересамъ [2]).

Приведенныя сейчасъ свидѣтельства современниковъ какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о роли парламентовъ во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка [3]). *Выступая въ роли выразителей общественнаго мнѣнія, парламенты, въ свою очередь, испытываютъ на себѣ вліяніе того самаго общественнаго мнѣнія, руководить которымъ они хотѣли; и чѣмъ болѣе крѣпнетъ сила общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе парламенты утрачиваютъ по отношенію къ нему роль руководителей,*

---

[1]) *Senac de Meilhan*, Des principes et de causes le la Révolution en France; Saint-Pétersbourg, 1791, p. 88.

[2]) *M-me de Staël*, Considérations sur la Révolution française, t. I, p. 43: „Ce sont les corps aristocratiques de France qui ont attaqué les premiers le pouvoir royal; non qu'ils voulussent renverser le trône, *mais ils étaient poussés par l'opinion publique;* or elle agit sur les hommes à leur insu, et souvent même contre leur intérêt".

[3]) *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, Paris, 1878; *Glasson*, le Parlement de Paris, son rôle politique, Paris, 1901, 2 vol.

и тѣмъ явственнѣе становится испытываемое послѣдними вліяніе его силы. Это становится особенно замѣтно въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI. Яркою иллюстраціей въ данномъ отношеніи можетъ служить поведеніе парижскаго парламента въ вопросѣ о протестантахъ. Какъ извѣстно, въ дѣлѣ легальнаго преслѣдованія протестантовъ парламенты всегда шли даже впереди правительства и его органовъ; о возвращеніи протестантамъ отнятыхъ у нихъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта гражданскихъ правъ парламенты не хотѣли и слышать. Но вотъ, когда въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, былъ наконецъ круто поставленъ вопросъ о возвращеніи протестантамъ гражданскихъ правъ, то парижскій парламентъ, видя невозможность бороться противъ общественнаго мнѣнія, скрѣпя сердце рѣшилъ самъ пойти навстрѣчу послѣднему; онъ не только воздержался отъ всякаго противодѣйствія готовившейся реформѣ, но даже обратился къ королю съ просьбой о ея дарованіи [1]). Этимъ шагомъ парламентъ, можно сказать, подписывалъ свою капитуляцію передъ „новой верховной властью“,—властью общественнаго мнѣнія.

Если въ извѣстные моменты парламенты дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на общество, то, съ другой стороны, и имъ самимъ передается возбужденіе „публики“; такъ, во время обостренія отношеній между парижскимъ парламентомъ и правительствомъ въ 1787 г., Мальзербъ, въ докладной запискѣ королю, прямо объясняетъ „возбужденное состояніе парламента—вліяніемъ публики“ [2]).

Что для парламентской магистратуры „общественное мнѣніе“ являлось не простою модною фразой, а вполнѣ реальною силой, съ которою она признавала необходимымъ серьезно считаться,—это видно какъ изъ приведенныхъ примѣровъ, такъ и изъ общаго характера „представленій“ и другихъ актовъ парламента, представляющихъ общественный интересъ. Акты эти, особенно же „представленія“, только по формѣ адресуются къ королю, по существу же они

---

[1]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 107 (12 février 1787): „Le redlement a délibéré de charger le premier président, de se retirer par devers sle eigneur roi, pour lui demander un état civil aux protestans. *Il n'a fait cette démarche que parce qu'il était accusé de s'opposer à cet acte de justice*“.

[2]) C'est le public qui échauffe le Parlement“.—*Mémoire de Malsherbes au Roi*, 1787, напечатанный у *Boissy-d'Anglas*, Essai sur la vie de Malesherbes, t. II (заимствуемъ цитату у *Floquet*, Histoire du Parlement de Normandie, t. VII, p. 118).

обращаются къ обществу, къ „публикѣ“. *Это не столько ходатайства передъ королевскою властью, сколько апелляція отъ нея къ общественному мнѣнію.* Представленія парижскаго парламента [1]), парижской палаты пошлинъ [2]) и провинціальныхъ парламентовъ [3]) во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, дѣйствительно, имѣютъ характеръ не столько офиціальныхъ актовъ, предназначенныхъ для короля и министровъ, сколько политическихъ трактатовъ и публицистическихъ памфлетовъ, предназначенныхъ для „публики“, и преслѣдующихъ главнымъ образомъ задачу—потрафить общественному мнѣнію. *Акты эти и на самомъ дѣлѣ предназначались гораздо больше для публики, чѣмъ для правительства,* и, несмотря на то, что по закону всѣ эти remontrances должны были оставаться секретомъ короля и представляющаго ихъ трибунала, онѣ обыкновенно немедленно же предавались печати, при благосклонномъ попустительствѣ, а то и почннѣ магистратовъ, и широко распространялись въ публикѣ при не менѣе благосклонномъ, хотя конечно и не „офиціальномъ“, содѣйствіи послѣднихъ [4]).

---

[1]) До сихъ поръ изданы только представленія парижскаго парламента за послѣднія два царствованія передъ революціей: *Flammermont*, Remontrances du parlement de Paris au XVIII-ème siècle, Paris 1888 et suiv., 3 vol. in- 4.

[2]) Особенно типичны въ данномъ отношеніи цитированныя выше *Remontrances de la Cour des Aides*, du 6 mai 1775.

[3]) Многочисленныя выдержки изъ нихъ можно найти въ спеціальныхъ монографіяхъ, напримѣръ, у *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie Rouen, 1840—1842, 7 vol. (одна изъ лучшихъ монографій этого рода).

[4]) *Mémoires secrets*, t. VIII (18 juilet 1775): „On vient d'imprimer les Remontrances de la Cour des aides“.—*Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 60: „Le Parlement de Normandie... avait rendu (le 23 juin 1777) un arrêt dont Versailles se devait vivement émouvoir, la circonstance le l'impression de l'affiche de cet arrêt, de sa publication en tous lieux n'ayant pu que le rendre plus odieux encore aux ministres“.—*Mémoires secrets* t. XI (23 mars 1778): „Les Remontrances du parlement de Paris. présentées au roi en février 1778, sur l'arrêt du conseil du 2 novembre précédent, sont imprimées avec la Réponse du roi“.—Ibidem, t. XXII (3 mars 1783): „Messieurs (du parlement de Grenoble), mortifiés du silence de la cour, laissent enfin percer des copies de leur arrêté“.—Ibidem, t. XXVI (15 juin 1784): „Les Remontrances (du parlement de Bordeaux) du sujet des corvées paraissent imprimées et sont très adroites par l'insertion qu'on y a faite de toute l'enquête contre l'intendant où l'on cite une foule d'horreurs“.—Тулузскій парламентъ предаетъ гласности, издавъ въ видѣ особой брошюры, свои „представленія“

V.

Обращеніе къ общественному мнѣнію путемъ печати получаетъ, съ легкой руки парламентовъ, широкое распространеніе въ въ особенности въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Городское управленіе Бордо, обращаясь въ 1778 г. къ королю съ жалобой на мѣстнаго податного инспектора королевскихъ доменовъ [1]), спѣшитъ предать ее тисненію: это—цѣлый трактатъ въ 33 страницы in-folio [2]). Беарнскіе штаты въ 1778 г. предаютъ печати обширную записку по вопросу о предположенныхъ измѣненіяхъ въ территоріальномъ составѣ ошскаго интендантства [3]). Такъ же точно поступаютъ въ 1780 г. бретанскіе штаты съ своею запиской въ защиту исконнаго права штатовъ выбирать свободно своихъ депутатовъ ко двору и въ счетную палату [4]),—права, котораго правительство сдѣлало попытку ихъ лишить [5]). Когда написанное отъ имени тѣхъ же штатовъ посланіе къ королю не было принято послѣднимъ (въ 1782 г.), то „наиболѣе усердные“ изъ депутатовъ предали это посланіе гласности путемъ печати [6]).

Старшины бургонскихъ штатовъ печатаютъ въ 1786 году обшир-

касательно вывоза хлѣба изъ области, и постановленіе королевскаго совѣта, которымъ эти „представленія“ кассировались.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc. t. XIII, p. 2416.—Въ парижской національной библіотекѣ имѣется большое собраніе подобныхъ печатныхъ remontrances и другихъ актовъ парламентовъ и прочихъ высшихъ трибуналовъ (рубрика Lb 37).

1) Receveur général des Domaines.

2) *Archives nationales*, H 92.

3) *Archives nationales*, H 1411. „L'évêque d'Acqs mande qu'il paraît, sous le nom des Etats de Béarn, un mémoire qui a répandu l'alarme dans son diocèse“...

4) *Mémoires secrets*, t. XVII (12 janvier 1781). Сравн. *Lafond*, Etudes sur la Commission intermédiaire des Etats de Bretagne. Nantes, 1902, p. 224.

5) *Archives départementales d'Ille-et-Vilarne*, C 2700.

6) *Mémoires secrets*, t. XXI (22 décembre 1782): „Les membres les plus zélés des Etats, sentant la nécessité de répandre dans le public des copies de leur lettre au roi, pour dissiper les fâcheuses impressions qui pourraient résulter contr'eux du refus de la présenter à S. M...“ Посланіе это перепечатано цѣликомъ у Башомона. Отдѣльный экземпляръ упомянутаго здѣсь изданія имѣется въ парижской національной библіотекѣ (рубрика Lk 14/46).

ную записку въ отвѣтъ на представленія парижской палаты пошлинъ [1]).

Вообще *въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ обнаруживается въ средѣ провинціальныхъ штатовъ ясно выраженное стремленіе къ гласности, до той поры совершенно чуждой этимъ учрежденіямъ* [2]). Починъ въ этомъ отношеніи былъ положенъ штатами Лангдока, которые начали печатать свои протоколы съ 1776 г. [3]). Съ 1778 г. печатаютъ свои протоколы штаты области Бигорръ [4]); съ 1783 г. штаты области Фуа [5]). Беарнскіе штаты спохватились нѣсколько поздно. Избранная ими 21-го января 1789 г. комиссія высказалась за печатаніе протоколовъ. По ея мнѣнію, „отъ гласности слѣдуетъ ожидать самыхъ благопріятныхъ результатовъ; она должна способствовать упроченію довѣрія къ представляющей націю корпораціи, поддержанію общественнаго духа, обусловливающаго привязанность всѣхъ обывателей области къ ея конституціи, распространяя во всѣхъ слояхъ населенія свѣдѣнія о мѣрахъ, принимаемыхъ штатами для ея сохраненія и огражденія отъ возможныхъ покушеній на ея цѣлость“ [6]).

---

[1]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3330. Mémoire pour les Elus généraux en réponse aux Remontrances de la Cour des aides de Paris, 130 p. in-folio.

[2]) Протоколы засѣданій не печатались, а то, что происходило въ засѣданіяхъ, считалось тайной. Засѣданія были искони и до конца остались закрытыми для публики и даже для королевскихъ комиссаровъ, которые имѣли право присутствовать лишь на открытіи и закрытіи сессій.

[3]) Собраніе этихъ печатныхъ протоколовъ сохранилось въ нѣсколькихъ экземплярахъ: въ Тулузѣ, въ архивѣ департамента Верхней-Гаронны; въ Монпеллье, въ такомъ же архивѣ департамента Hérault; въ парижской Національной библіотекѣ и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ другихъ архивахъ и библіотекахъ.

[4]) Собраніе ихъ имѣется въ департаментскомъ архивѣ Верхнихъ-Пиренеевъ, въ Тарбѣ, а также (неполное) въ парижскомъ Національномъ архивѣ.

[5]) *Archives nationales* H 1058. D'Ormesson à l'évêque de Pamiers, 2 mai 1783:... „les Etats de Foix ont délibéré que ce procès-verbal serait dorénavant imprimé, et c'est une disposition sage pour donner aux habitans du pays la connaissance de leurs affaires et les y intéresser davantage“. Собраніе печатныхъ протоколовъ названныхъ штатовъ имѣется въ г. Фуа, въ архивѣ департамента Ariège, а также въ Національномъ архивѣ (неполное) и въ Національной библіотекѣ (тоже).

[6]) *Archives nationales*, K 680. „La connaissance donnée au public... semble devoir produire les plus heureux effets; elle doit exciter de plus en plus la con-

Самовольно, безъ королевской созывной грамоты, собравшіеся въ 1788 г. штаты области Дофинэ [1]) печатаютъ свои протоколы (составленные Мунье, будущимъ депутатомъ національнаго собранія) въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, которые быстро распространяются по всей Франціи [2]).

Печатались также протоколы провинціальныхъ собраній, какъ тѣхъ, что были учреждены въ видѣ опыта при Неккерѣ въ Буржѣ и Монтобанѣ [3]), такъ и тѣхъ, которыя были введены въ 1787 г. во всѣхъ областяхъ, не имѣвшихъ провинціальныхъ штатовъ [4]).

Корпораціи и частныя лица возбуждая то или другое ходатайство передъ правительствомъ, спѣшать предать свое ходатайство гласности путемъ печати, какъ бы заранѣе апеллируя къ трибунаственнаго мнѣнія [5]).

Получаетъ широкое распространеніе обычай апеллировать къ общественному мнѣнію путемъ гласности въ судебныхъ тяжбахъ, несмотря на повторяющіяся многократныя „запещренія“ [6]), самая многократность которыхъ — наглядное доказательство ихъ безрезультат-

---

fiance pour un corps représentatif de la Nation..., soutenir l'esprit public qui attache tous les habitants à la constitution, en répandant dans toutes les classes la connaissance des mesures prises par les Etats pour la maintenir ou pour réparer les atteintes qu'elle pût avoir réçues".

[1]) Они не созывались съ 1623 г.—*Archives nationales*, II 441 (Mémoire, 1782).

[2]) *Sémichon*, les Réformes sous Louis XVI, p. 306; *Lansac de Laborie*, Mounier, Paris, 1887.

[3]) Впрочемъ, послѣ отставки Неккера въ 1781 г. правительство запретило печатать эти протоколы.—*Necker*, De l'administration des finances, t. II, p. 277—278.

[4]) Собраніе этихъ напечатанныхъ протоколовъ имѣется въ Національномъ архивѣ и въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ (рубрика Lk 15).

[5]) Такъ, напримѣръ, поступаютъ приходскіе священники Дофинэ, напечатавшіе въ подкрѣпленіе своего ходатайства объ увеличеніи жалованья особый *Mémoire à consulter et consultation pour les curés de Dauphiné, sur l'insuffisance de la portion congrue.—Isambert*, Recueil, t. XXVI, p. 329 (arrêt du conseil du 12 mai 1780).

[1]) Напр.: *Arrêt du Conseil qui défend l'impression des requêtes en cassation avant qu'elles soient communiqués*, 18 décembre 1775 (*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 289); *Arrêt du Conseil qui fait défenses à toutes personnes sans exceptions, autres que les avocats au Conseil du roi, de signer,, ni faire imprimer aucune requête, mémoire*, etc., *dans les affaires portées au Conseil*, etc., 2 juillet 1786 (ibidem, t. XXVIII, p. 209).

ности. Печатаются составленныя адвокатами сторонъ „консультаціи"[1]), „оправдательныя записки" [2]), „просьбы о кассаціи", показанія сторонъ [3]), рѣчи защитниковъ [4]), и т. д.—все это либо съ тѣмъ чтобы оказать давленіе на судъ [5]), либо для того. чтобы апеллировать отъ суда къ общественному мнѣнію [6]). Противная сторона обыкновенно не остается въ долгу, и параллельно съ судебнымъ разбирательствомъ (иногда и до него) между сторонами возгорается иногда настоящая полемика въ печати [7]).

IV.

Общественное мнѣніе становится во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка силой, воздѣйствіе которой частью сознательно, частью безсознательно испытываетъ на себѣ и правительство. Такая мѣра первостепенной государственной важности, какъ изгнаніе іезуитовъ въ 1762 г., является, дѣйствительно, „торжествомъ общественнаго мнѣнія", какъ выражается одинъ изъ новѣйшихъ историковъ [8]). Канцлеръ Мопу высказываетъ въ 1769 г. мысль, что для осуществленія крупныхъ реформъ, въ которыхъ нуждается государ-

[1]) Напр., *Consultation pour la demoiselle Roubel contre le sieur Roux, par Siméon et Desorgues, avocat à Aix*, 1774 (цит. по *Bonifas*, le Mariage des protestants, Paris, 1901, p. 177; исправляемъ явную опечатку: par la demoiselle, вм. pour la d.).

[2]) *Mémoires secrets*, t. XVI (23 juillet 1779); „On voit un *Mémoire pour le marquis de Brunoy*, qu'on dit avoit été imprimé, mais dont tous les exemplaires ont été saisis sauf un sur lequel on a fait des copies manuscrits. On parle d'un *Mémoire* imprimé pour la justification le M lle Sainval l'ainée".

[3]) Напр., *Interrogatoire de la demoiselle Roubel au sujet de son* „Memoire à consulter" *et autres faits résultant de la procédure*, Nîmes, 1774 (цит. по *Bonifas*, op. cit., p. 178).

[4]) Напр., *Discours de M Mazer, avocat du roi, dans la cause du sieur et la dame Boux*, Nîmes, 1774 (ibidem).

[5]) *Mémoires secrets*, t. XIV (16 août 1779): „M. le comte de Broglio, pour en imposer aux juges, avait fait répandre la veille du jugement *l'Exposé des motifs qui avaient nécessité la plainte du comte de Broglio.*"

[6]) *Mémoires, secrets*, t. VIII (6 juin 1775).

[7]) *Réplique pour la demoiselle Roubel, contre le sieur Roux*, Avignon, 1774; *Seçonde réplique pour demoiselle Roubel, contre le sieur Roux, par Me Maignaud-Layrac*, Nîmes, 1774; etc.—*Bonifas*, op. cit., p. 178.

[8]) *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 231: „En réalité, l'abolition des Jésuites ne fut le triomphe ni des parlements, ni des Jansénistes, ni des Philosophes; *elle fut le triomphe de l'opinion*".

ство, необходимъ энергичный и окруженный ореоломъ *государь, способный управлять общественнымъ мнѣніемъ* [1]). Въ предпринятой въ 1771 г. „революціи парламентовъ" канцлеръ Мопу, встрѣчаясь съ противодѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, стоявшаго на сторонѣ парламентовъ, старается вооружить его противъ послѣднихъ [2]).

И самъ Людовикъ XV, при всѣхъ своихъ абсолютистскихъ замашкахъ, вынужденъ былъ признать надъ собой эту вновь народившуюся силу. „Назначаю своихъ министровъ я—говорилъ онъ,—но отставку даетъ имъ нація" [3]).

Съ новымъ царствованіемъ общественное мнѣніе дѣлаетъ новый и крупный шагъ впередъ въ своемъ побѣдномъ шествіи. При Людовикѣ XVI общественное мнѣніе не только „даетъ отставку" министрамъ, но оно же подчасъ и „назначаетъ" ихъ. Такъ, прежде всего, было съ назначеніемъ Тюрго. „При восшествія короля—пишетъ современный наблюдатель—общественный голосъ былъ принятъ во вниманіе въ вопросѣ о выборѣ министровъ, и Тюрго былъ назначенъ морскимъ министромъ" [4]). Откликомъ на „общественный голосъ" было и послѣдовавшее вскорѣ назначеніе на постъ статсъ-секретаря королевскаго дома—„добродѣтельнаго Мальзерба" [5]), „друга философіи" [6]) и автора знаменитыхъ *Remontrances*, представленныхъ королю въ маѣ 1775 г. отъ имени парижской палаты пошлинъ [7]). Въ лицѣ

---

[1]) *Lebrun*, les Opinions, Paris, 1828 (цитируемъ по *Sorel*, l'Europe et la Révolution française. t. I, p 209). Charles-François Lebrun, inspecteur général des domaines, потомъ депутатъ генеральныхъ штатовъ 1789 г., род. въ 1739 г., умеръ въ 1824 г.—*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 32.

[2]) Такъ, на руанскій парламентъ онъ старается свалить вину за наступившую въ это время голодовку въ Нормандіи, приписывая ее разрѣшенному парламентомъ вывозу хлѣба.—*Floquet*, op. cit., t. VI, p. 638.

[3]) „C'est moi qui nomme mes ministres, mais c'est la nation qui les renvoie".—*Tocqueville*, Mélanges, p. 49; *Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1904, стр. 56 (вм. t. V, слѣдуетъ читать t. VIII).

[4]) *Senac de Meihan*, le Gouvernement, etc., p. 195: „A l'avènement du roi au trône, la voix publique fut consultée pour le choix des ministres. M. Turgot fut nommé secretaire d'Etat de la marine..."

[5]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. II, p. 69 (26 juillet 1775): „La joie que l'élévation de M. de Malesherbes a causée est universelle; cependant elle n'est qu'apparente chez les courtisans, les financiers et les gens d'affaires qui n'y voient qu'un surcroît de crédit pour M. Turgot".

[6]) *Soulavie*, Mémoires, t. II, p. 319: „Lamoignon de Bâville fut l'instrument du fanatisme, et Lamoignon de Malesherbes est aujourd'hui *l'ami de la philosophie*".

[7]) См. выше, стр. 12, примѣч. 2.

Неккера во главѣ финансоваго вѣдомства сталъ въ 1777 г. настоящій ставленникъ „общественнаго мнѣнія“ [1]). Въ 1780 г. Лютовикъ XVI принужденъ былъ дать отставку министрамъ де-Сартину и де-Монбаррэ, уступая „ясно выраженному голосу общественнаго мнѣнія“—говоритъ современникъ [2]).

Въ 1787 г. король былъ вынужденъ принести де-Калонна, къ которому лично питалъ довѣріе, въ жертву общественному мнѣнію, которое этотъ министръ успѣлъ противъ себя вооружить [3]). И если въ преемники де-Калонну Людовикъ XVI назначилъ Ломени-де-Бріенна, не смотря на глубокое недовѣріе, которое издавна внушалъ ему этотъ ловкій карьеристъ въ сутанѣ, то опять-таки въ силу того, что послѣдній сумѣлъ, по выраженію современника, до такой степени „овладѣть въ свою пользу общественнымъ мнѣніемъ“ [4]), что назначеніе его министромъ привѣтствовалось въ обществѣ, какъ начало „царства свѣта и честности“ [5]).

Удаленный въ 1781 г. отъ дѣлъ волею короля вопреки голосу общественнаго мнѣнія, Неккеръ возвращается въ 1788 г. къ власти волею общественнаго мнѣнія, наперекоръ королю [6]). Королевская

---

[1]) *Senac de Meihan*, le Gouvernement, etc., p. 216—240.

[2]) *Ségur*, Mémoires, Paris, 1859, t. I, p. 138: „L'opinion générale s'était si clairement manifestée contre eux de nos ministres que la cour sentit la nécessité de chosir des hommes assez habiles pour diriger la guerre avec activité qu'elle exigeait“.

[3]) *Sémichon* les Réformes sous Louis XVI. p. 196: „Devant l'opinion publique manifestée de cette manière Louis XVI dut abandonner son ministre“.

[4]) *Senac de Meilhan*, des Principes et des Causes de la Révolution, p. 85—86: „L'archevêque de Toulouse s'était acquis depuis longtemps une grande réputation dans les affaires et fixait l'attention du public, qui le regardait comme l'homme le plus capable d'administrer les finances... *Il avait usupré l'opinion publique*“.

[5]) *Les ure*, Correspondance secrète, t. II, p. 150: „Le ministère de M. de Brienne s'annooce comme l'époque du règne des lumières et de la probité... Le voeu général est rempli... La nation n'a pas vu avec moins de plaisir M de Malesherbes rentrer dans le ministère“.

[6]) *Lescere*, Correspondance secrète, t. II. p. 134 (25 avril 1787): „La nation demande à grands cris M. Necker, comme le seul homme qui peut rétablir le crédit et la confiance; mais les préventions que les Maurepas et les Vergenne ont inspirées au roi contre lui, s'opposent à un retour nécessaire et qui sera forcé“. Событія вскорѣ оправдали это предсказаніе.—Срв. тамъ же, стр. 137 (5 mai 1787): „La nation appelait M. Necker au timon des finances“.

власть принуждена была преклониться передъ властью общественнаго мнѣнія [1]).

Вліяніе этой „новой власти“ сказывается и на отдѣльныхъ актахъ правительственной дѣятельности. Первымъ крупнымъ законодательнымъ актомъ царствованія Людовика XVI было возстановленіе уничтоженныхъ канцлеромъ Мопу парламентовъ, и этотъ актъ былъ со стороны новаго правительства первымъ шагомъ навстрѣчу общественному мнѣнію. Такъ дѣло представляется новѣйшимъ историкамъ [2]), такъ же точно представлялось оно и современникамъ эпохи—одинаково и дѣйствующимъ лицамъ [3]), и стороннимъ наблюдателямъ [4]). Далѣе, такой крупный и чреватый послѣдствіями актъ, какъ вмѣшательство Франціи въ англо-американскую распрю, повлекшее за собою продолжительную и тяжелую для Франціи войну, былъ совершенъ правительствомъ точно такъ же подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія [5]). Предложенная Неккеромъ въ 1778 г. и отчасти проведенная при немъ реформа провинціальнаго управленія въ смыслѣ внесенія въ него элемента самоуправленія, была отвѣтомъ на давнишнія чаянія общества [6]), и настоятельность этой

---

[1]) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la Révolution. p. 105: „La volonté souveraine s'abaissa devant l'opinion publique. et le roi fut forcé de recevoir un ministre, qu'il avait, peu de temps auparavant, exilé. ..“

[2]) *R. Dareste*. le Rappel des parlements (*Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 89, p. 330 et suiv.—Сравн. *Fayard*, Aperçu historique sur le parlement de Paris, t. III, p. 257: „Cette première concession au voeu de la nation devait en amener une autre...“—*Flammermont*, le Chancelier Maupeou et les Parlements, p. 564. „Après le conseil le roi retomba sous l'influence de Maurepas et de la reine, qui etait tout à fait acquise aux idées du ministre par le désir de voir le roi recouvrer sa popularité compromise par le retard du rappel des parlements“.

[3]) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la Revolution, p. 32: „Le comte de Maurepas... vit dans le rétablissement des parlements un sûr moyen de se concilier l'affection publique“ —Сравн. также выше, стр. 127—128.

[4]) См., напр., мемуары Сегюра.

[5]) *Ségur*, Mémoires, souvenirs et anecdotes, Paris, 1859, t. I, p. 76: „Ainsi *l'opinion publique* se déclarant de plus en plus pour la guerre, la rendait inévitable, et *entraînait nécessairement un gouvernement trop faible pour résister à une telle impulsion*“.

[6]) Одинъ изъ современниковъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ свой восторгъ по поводу введенія провинціальнаго собранія въ буржскомъ генеральствѣ: „Les voeux de tous les bons patriotes sont enfin accomplis... L'exécution du plus beau, du plus sage et du plus bienfaisant projet...

реформы самъ Неккеръ мотивировалъ въ представленной по этому поводу королю запискѣ своей, между прочимъ, необходимостью для правительства искать опоры въ общественномъ мнѣніи [1]. Вообще вліяніе общественнаго мнѣнія на дѣятельность правительства становится особенно замѣтнымъ при Неккерѣ. Ставленникъ общественнаго мнѣнія и его поклонникъ, онъ не только призналъ „новую власть", но и преклонился передъ ней, какъ передъ божествомъ, и во все время своего нахожденія у власти онъ былъ, можно сказать, его вѣрнымъ жрецомъ [2]. Знаменитый *Compte-rendu* (1781 г.) является наиболѣе торжественнымъ, но не первымъ, какъ и не послѣднимъ изъ совершенныхъ имъ жертвоприношеній богинѣ общественнаго мнѣнія. Безъ излишней скромности, но нельзя сказать, чтобы безъ основанія, Неккеръ отмѣчаетъ опубликованіе своего отчета въ 1781 г., какъ начало новой эры въ финансовомъ управленіи Франціи [3].

Неккеръ ввелъ также опубликованіе ежегодныхъ отчетовъ парижскихъ госпиталей, „для того чтобы страхъ передъ взорами общества поддерживалъ въ нихъ духъ законности и бережливости" [4].

Страницы, посвященныя Неккеромъ общественному мнѣнію во введеніи къ своему трактату о французскихъ финансахъ, представляютъ собою настоящій гимнъ „благородной и разумной власти,

était réservée à ce siècle et à ce règne pour la gloire immortelle de notre auguste souverain et le bonheur inaltérable de ses fidèles sujets". — *Lettre d'un habitant de C. à M. de L. L., maire de la ville de B.*, Amsterdam, 1779, in-8. — *Bibliothèque nat.*, Lf 95/15.

[1]) См. выше, стр. 14.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ автобіографическихъ изліяній Неккеръ самъ признается, что „относился къ общественному мнѣнію съ религіознымъ благоговѣніемъ" („le respect que je lui ai religieusement rendu"). — *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. IV, p. 205 — Сравн. ibidem, t. VI, p. 326: „Depuis son élévation au ministère, il s'occupe uniquement à créer une *opinion* qu'il appelle *publique*, et qu'il oppose à nos anciennes institutions". - *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 223: „Parvenu au ministère, Necker ne s'occupa que des moyens d'éblouir le public et d'exciter l'enthousiasme.... Dévoré d'une soif inextinguible d'applaudissements, les moyens de sévérité ne coûtaient rien à son esprit".

[3]) *Necker*, De l'administration des finances, t I, Introduction, p. CX. — „Чѣмъ страшнѣе — говоритъ Неккеръ — публичные отчеты для нѣкоторыхъ администраторовъ, тѣмъ съ бóльшимъ правомъ можетъ нація считать полезнымъ для себя такой порядокъ" (ibidem. p. CXIII).

[4]) *Necker*, op. cit. t. I, Introduction, p. CXVII.

власти общественнаго мнѣнія, которое царитъ надъ людьми для того, чтобы питать въ нихъ любовь къ истинной славѣ, возбуждать ихъ къ великимъ дѣламъ перспективой почета и похвалъ и отклонять отъ всего низкаго и подлаго перспективой презрѣнія и позора“ [1]).

„Страсть къ славѣ и къ общественному мнѣнію—говоритъ Неккоръ—есть самая простительная изъ страстей“ [2]). Выраженіе это слишкомъ слабо, потому что, по убѣжденію Неккера, „страсть“ эта есть не столько слабость, сколько достоинство, не столько порокъ, сколько добродѣтель. Онъ не только не думаетъ скрывать или оправдывать свое преклоненіе передъ тѣмъ, что̀ онъ называетъ общественнымъ мнѣніемъ, но и ставитъ себѣ такое преклоненіе въ особую заслугу, возводя свое поведеніе въ этомъ отношеніи въ принципъ, въ идеалъ для всякаго, „кто выступаетъ на публичной сценѣ“. Въ особенности же „съ величайшимъ вниманіемъ слѣдуетъ относиться къ общественному мнѣнію министру финансовъ: горе ему, если онъ отнесется пренебрежительно къ общественному мнѣнію; но еще болѣе—горе государству, потому что, отказываясь, по нерадѣнію или же малодушію, отъ надежды на общественное уваженіе, министръ будетъ стараться снискать лишь ту популярность, которая пріобрѣтается угодничествомъ, и чтобы увеличить число своихъ союзниковъ и бороться противъ общественнаго презрѣнія, онъ будетъ приносить въ жертву и интересы дѣла и интересы государя“... Ничего добраго нельзя ожидать отъ того, кто относится высокомѣрно къ общественному мнѣнію; это вѣрный признакъ, что человѣкъ боится его суда и потому не желаетъ имѣть съ нимъ дѣла [3]).

Осуждая послѣдовавшее послѣ его отставки запрещеніе печатать протоколы провинціальныхъ собраній, Неккеръ въ числѣ прочихъ выгодъ существовавшей при немъ въ этомъ дѣлѣ гласности, указываетъ и на то, что, „благодаря этой гласности, администраторы могли получать моральную награду за свою дѣятельность—въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ вообще находитъ себѣ поощреніе всякій, кто отдается дѣятельности, сопряженной съ большой затратой труда, но безъ всякаго интереса или честолюбивыхъ видовъ“.

---

[1]) *Necker*, op. cit., Introduction. p. LXIII—LXIV.

[2]) *Necker*, op. cit., t. I, Introduction, p. CXX—CXXI: „...la plus pardonnable des passions, celle de la gloire et de l'opinion publique“.

[3]) *Necker*, op. cit., t. I, p. LXII—LXVI.—Сравн. *Soulavie*, Mémoires, t. IV, p. 199—205.

„Но одобреніе короля должно вполнѣ удовлетворять такихъ людей“— утверждаютъ министры, прекрасно знающіе, насколько это одобреніе находится подъ ихъ вліяніемъ. Безъ сомнѣнія, въ монархическомъ государствѣ, это такая награда, къ которой всякій стремится..., но плохими бы слугами короля оказались люди, не ставящіе ни во что общественное мнѣніе. Съ другой стороны—общественное мнѣніе лучше всякаго другого совѣтника въ состояніи наставить государя касательно талантовъ и нравственныхъ качествъ тѣхъ, кто облеченъ въ государствѣ какой-либо важною должностью. „Вотъ почему стѣсняя проявленіе общественнаго мнѣнія, заглушая его голосъ, королей лишаютъ возможности выслушивать совѣты самаго просвѣщеннаго, самаго безпристрастнаго и вмѣстѣ самаго неподкупнаго совѣтника“. „Вялость, проявляемая многими административными учрежденіями, обусловливается, какъ мнѣ думается, отсутствіемъ гласности. Они сразу бы воспрянули,если бы имъ пришлось предстать передъ трибуналомъ общественнаго мнѣнія“. „Безъ сомнѣнія, общественные взоры стѣсняютъ тѣхъ, кто ведетъ дѣло небрежно, но люди, одушевленные инымъ духомъ, желали бы окружить себя свѣтомъ; если они видятъ гдѣ затрудненія, то исключительно въ предразсудкахъ и невѣжествѣ“ [1]).

Попытка, сдѣланная королевскою властью послѣ разжалованія Неккера въ 1781 г.— эмансипироваться отъ власти общественнаго мнѣнія—потерпѣла, въ концѣ концовъ, полное крушеніе. Созывъ нотаблей и реформа провинціальнаго управленія въ 1787 г.,—затѣмъ—возвращеніе Неккера къ власти въ слѣдующемъ году,—отмѣчаютъ собою главнѣйшіе этапы побѣдоноснаго шествія общественнаго мнѣнія послѣ 1781 г., а созывъ генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. является его тріумфальнымъ завершеніемъ.

VII.

Однимъ изъ косвенныхъ, но тѣмъ не менѣе наглядныхъ проявленій вліянія общественнаго мнѣнія на правительство во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка является небывалое дотолѣ развитіе въ эту пору - въ особенности же въ царствованіе Людовика XVI—официціальной и полуофиціальной (офиціозной) правительственной прессы.

Что касается офиціальной прессы, то къ ней слѣдуетъ отнести

[1]) *Necker*, op. cit., t. II, p. 278—279.

прежде всего такъ-называемыя *предваренія (préambules),* родъ предисловій, которыя, въ силу исконнаго обычая, предпосылались эдиктамъ и другимъ актамъ королевской власти, и содержали въ себѣ краткую мотивировку данной законодательной или правительственной мѣры. Заключавшаяся въ „предвареніи“ мотивировка, какъ будто мало вязавшаяся съ обычною заключительною формулою королевскихъ эдиктовъ—„ибо таково наше изволеніе“ (*car tel est notre plaisir*) [1],—представляетъ собою, такъ сказать, традиціонную дань „старой французской свободѣ“ со стороны „новаго деспотизма“ [2]).

Предваренія къ законодательнымъ актамъ—говоритъ Неккеръ—составляютъ особенность Франціи. Въ странахъ, гдѣ господствуетъ деспотическій режимъ, правительство либо не удостоиваетъ освѣдомлять подданныхъ, либо боится пріучить ихъ размышлять и разсуждать. Что касается свободныхъ странъ, въ родѣ Англіи, то, при господствующей тамъ системѣ предварительнаго обсужденія всякаго новаго закона въ собраніи представителей, народъ оказывается достаточно освѣдомленнымъ относительно законовъ; всякій желающій имѣетъ возможность ознакомиться съ мотивами каждаго изъ нихъ въ собраніи парламентскихъ дебатовъ или въ прессѣ. „Но во Франціи, гдѣ не существуетъ національныхъ собраній, но гдѣ власть относится съ извѣстнымъ вниманіемъ къ національному характеру, что находитъ себѣ выраженіе между прочимъ въ признаніи необходимости регистраціи государевыхъ законовъ въ державныхъ трибуналахъ,—во Франціи, гдѣ сами министры на каждомъ шагу ощущаютъ потребность въ одобреніи общества,—было признано существенно-важнымъ объяснять мотивы монаршей воли, когда послѣдняя предъявляется народу въ формѣ ли эдиктовъ, или же въ формѣ простыхъ постановленій государева совѣта“ [3]).

Словомъ, *предваренія къ королевскимъ актамъ представляли*

---

[1]) Отнюдь не „car tel est notre *bon plaisir*“, какъ приводятъ эту традиціонную формулу нѣкоторые историки. Терминъ *bon plaisir*—позднѣйшаго происхожденія; онъ совершенно неизвѣстенъ до-революціонной Франціи. *Tel est notre plaisir* было лишь перифразой другой традиціонной и стереотипной формулы королевскихъ актовъ: *voulons et nous plaît.*

[2]) „En France, c'est la liberté qui est ancienne, et c'est le despotisme qui est nouveau“—по мѣткому и, съ извѣстными оговорками, исторически вѣрному выраженію г-жи де-Сталь.

[3]) *Necker,* De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXX—LXXI.

собою во Франціи, такъ сказать, суррогатъ политической свободы и дань тому общественному мнѣнію, которое, по выраженію Сенакъ-де-Мейльяна, „было всегда великою силой во Франціи“ [1]).

Естественно, что вмѣстѣ съ ростомъ этой „силы“ возрастаютъ и размѣры воздаваемой ей „дани“. Въ царствованіе Людовика XVI, до тѣхъ поръ обыкновенно краткія и сухо-офиціальныя „предваренія“ разростаются иногда до размѣровъ настоящихъ трактатовъ. Починъ этой „эволюціи“ принадлежитъ Тюрго [2]), то-есть, тому министру, который впервые сдѣлалъ попытку ввести въ правительственную практику „благожелательное отношеніе къ общественному мнѣнію“ [3]). Предваренія, предпосланныя этимъ министромъ знаменитымъ февральскимъ эдиктамъ 1776 г. [4]), представляютъ собою настоящія политико-экономическія диссертаціи, наполовину академическаго, наполовину публицистическаго характера. Тутъ отъ имени законодателя не только подробно обосновывается разумность, необходимость и цѣлесообразность данныхъ мѣръ, но и излагается, такъ сказать, исторія вопроса, при чемъ воспроизводятся мнѣнія, которыя были высказаны по даннымъ вопросамъ въ прессѣ, и опровергаются тѣ изъ нихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ точкою зрѣнія законодателя. Словомъ, законодатель—въ лицѣ Тюрго—не ограничивается, по традиціи, краткою мотивировкою даннаго законодательнаго акта, но старается *убѣдить* въ его разумности и необходимости.

Если предваренія, написанныя Тюрго, напоминаютъ собою научно-публицистическія „диссертаціи“, разсчитанныя на доказатель-

[1]) См. выше, стр. 6, примѣч. 2.—Съ этой точки зрѣнія предваренія къ королевскимъ актамъ были разсмотрѣны въ небольшой статьѣ Альбера Бабо, хотя, по нашему мнѣнію, недостаточно обстоятельно, въ особенности по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ.—*A. Babeau*, les Préambules des ordonnances royales et l'opinion publique (*Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 146 (1896), p. 797—858).

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement etc.: „Ce ministre (Turgot), quoiqu'il fût attaché invariablement au régime monarchique, a le premier substitué les raisonnements à l'énoncé simple et précis des intentions du souverain. *Les préambules des édits qui ont paru sous son ministère, sont des dissertations sur les objets auxquels ils s'appliquaient*“.

[3]) См. выше, стр. 13.

[4]) *Edit portant suppression de la corvée* (*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 358—370); *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers* (ibidem, p. 370—386); *Edit portant suppression des offices*, etc., (ibidem, p. 386—390).

ность и убѣдительность, то предваренія, принадлежащія перу его преемника [1]), Неккера, который, какъ мы видѣли, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Тюрго, придавалъ значенія общественному мнѣнію [2]), и вдобавокъ обладалъ жилкой оратора, и какъ истый ораторъ, вѣрилъ въ могущество слова [3]),—представляютъ собою нѣчто въ родѣ ораторскихъ произведеній, задача которыхъ не столько доказать, сколько произвести впечатлѣніе, не столько убѣдить, сколько увлечь [4]).

У Неккера на этотъ счетъ своя теорія, которая находится въ органической связи съ его культомъ общественнаго мнѣнія. Внимательность къ послѣднему, обязательная для каждаго государственнаго человѣка, вмѣняется, какъ мы видѣли, Неккеромъ въ особую обязанность „министру финансовъ". Въ соотвѣтствіи съ этимъ, особенное значеніе имѣютъ, по его мнѣнію, предисловія къ „финансовымъ законамъ", которые имѣютъ въ виду столько же будущее, сколько и настоящее; безъ обстоятельнаго объясненія мотивовъ, они будутъ, по мнѣнію Неккера, казаться большинству „чѣмъ-то въ родѣ іероглифовъ". И пускай не отговариваются тѣмъ, что власть не имѣетъ надобности въ подобныхъ объясненіяхъ: „подобныя идеи граничили бы съ деспотизмомъ". Безъ сомнѣнія, въ монархіи, какова Франція, нетрудно добиться повиновенія; но неужели же власть утратитъ свое очарованіе отъ того, что повиновеніе это не будетъ слѣпо? Если не принижать націю, неужели отъ этого пострадаетъ величіе государя? Да, наконецъ, развѣ ничего не стоитъ довѣріе на-

---

[1]) Хотя и не непосредственнаго; Неккера отъ Тюрго отдѣляютъ два кратковременныя министерства де-Клюньи и Табуро-де-Рео (съ мая 1776 по іюнь 1777 г.).

[2]) По словамъ *Soulavie,* op. cit., t. IV, p. 199: „Necker adopta, le premier, le mot de *l'opinion publique,* dans la pratique comme dans les ouvrages théoriques de l'administration".

[3]) *Necker,* De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXXII: „Ce n'est point une vaine puissance que celle de la parole; souvent on y obéit, souvent on est déjà son esclave, lorsqu'on ne croit céder qu'à sa propre réflexion".

[4]) *Mémoires secrets,* t. XV, p. 250 (4 août 1780): „Les préambules en général sont très séduisants, mais surtout ceux de ce directeur général des finances, habile dans l'art du prestige oratoire, qu'il est en état d'opérer lui-même, quand il veut s'en donner la peine, mais au moins de revoir, de rectifier et d'embellir, d'après les Thomas, les Suard, les Chastellux et autres académiciens à ses ordres".

ціи и ея любовь? „Развѣ покорность и страхъ—единственныя чувства, которыхъ стоитъ желать?“ [1]).

Хотя преемники Тюрго и Неккера по большей части и не раздѣляли „благожелательнаго отношенія“ этихъ министровъ къ общественному мнѣнію, тѣмъ не менѣе вліяніе послѣднихъ въ данномъ отношеніи не осталось безслѣднымъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ довольно пространнаго предисловія къ майскому эдикту 1788 г. о возстановленіи Cour plénière. „Эти соображенія—говорится здѣсь, между прочимъ, отъ имени короля—, долгое время занимавшія нашу мудрость, *должны убѣдить нашъ народъ, какъ они убѣдили насъ самихъ*, въ необходимости единаго и общаго трибунала для регистраціи законовъ, также общихъ для всего королевства“ [2]). Въ обширномъ предвареніи къ постановленію королевскаго совѣта отъ 20-го іюня 1788 г. „король въ своемъ совѣтѣ“, между прочимъ, полемизируетъ противъ парламентовъ, которые старается дискредитировать въ общественномъ мнѣніи, упрекая ихъ въ систематическомъ противодѣйствіи „благодѣтельнымъ мѣропріятіямъ правительства“, направленнымъ къ облегченію податного бремени неимущихъ классовъ, и обвиняя ихъ въ стремленіи сохранить существующій податной режимъ „къ ущербу для народа“ [3]).

При помощи печати правительство старается иногда предать наивозможно широкой гласности тѣ или другіе офиціальные акты, въ цѣляхъ произвести желаемое впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Такъ, въ одномъ случаѣ правительство спѣшитъ опубликовать и распространить постановленіе совѣта, имѣющее, такъ сказать, полемическій характеръ [4]); въ другомъ случаѣ, „г. Неккеръ, для

---

[1]) *Necker,* De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXXI—LXXII.

[2]) *Edit portant rétablissement de la Cour plénière,* mai 1788: „Ces considérations ont longtemps occupé notre sagesse; *elles doivent convaincre nos peuples, comme elles nous ont convaincu nous-même,* qu'il est nécessaire que les lois communes à tout le royaume soient enregistrées dans une cour qui soit aussi commune à tout le royaume“.—*Isambert,* Recueil général, t. XXVIII, p. 561.

[3]) *Arrêt du Conseil portant supression des délibérations et protestations des cours et autres corps et communautés faites depuis la publication des lois portées au lit de justice du 8 mai dernier,* 28 juin 1788.—*Isambert,* Recueil, t. XXVIII, p. 584—588.

[4]) Характерный образчикъ въ данномъ отношеніи находимъ въ актахъ старшинъ бургонскихъ штатовъ (*Archives départementales de la Côte-d'Or,*

того, чтобы парализовать въ общественномъ мнѣніи вліяніе направленныхъ противъ него памфлетовъ, не преминулъ немедля же напечатать въ *Gazette de France* предвареніе къ послѣдней королевской грамотѣ" [1]).

Иногда правительство прибѣгаетъ къ помощи офиціальной прессы для того, чтобы позондировать общественное мнѣніе касательно той или другой предположенной мѣры. Такъ, подготовляя реформу дорожной повинности, правительство опубликовало составленный, по порученію особой комиссіи, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ея членовъ, интендантомъ Шомонъ-де-ла-Галезьеромъ, трактатъ по этому вопросу—„въ цѣляхъ открыть всѣмъ гражданамъ свободное поле для различныхъ внушенныхъ усердіемъ къ дѣлу соображеній, и возможность свободно высказать свое мнѣніе" [2]). Въ результатѣ было, дѣйствительно, появленіе нѣсколькихъ брошюръ за и противъ офиціальнаго проекта [3]).

Опубликованіе въ 1787 г., по распоряженію Калонна, конфиденціальныхъ докладовъ королю, въ которыхъ министръ ставилъ ребромъ жгучій вопросъ о „реформѣ злоупотребленій", какъ онъ назы-

---

Registres des délibérations des Elus généraux), гдѣ, между прочимъ, указывается случай, когда одно постановленіе королевскаго совѣта (отъ 28-го іюня 1776 г.), направленное противъ этихъ старшинъ, было неожиданно для послѣднихъ опубликовано въ Дижонѣ въ тысячѣ экземпляровъ, „немедленно разосланныхъ по всему королевству".

[1]) *Mémoires secrets,* t. XV, p. 250 (4 août 1780): „M. Necker, pour compenser dans l'esprit du public la mauvaise opinion que les pamphlets répandus contre lui y auraient introduite, n'a pas manqué de faire insérer très promptement dans la *Gazette de France* le préambule des dernières lettres patentes".

[2]) Въ парижской Національной библіотекѣ имѣются два экземпляра этого въ настоящее время крайне рѣдкаго изданія: *Mémoire sur les corvées,* 1785, 52 p. in—8. *Bibliothèque nat.,* Lf 93—22. Авторъ одной изъ вызванныхъ этимъ трактатомъ брошюръ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ этотъ шагъ правительства: „Cette sage précaution annonce les vues bienfaisantes du souverain; elle a pour but d'ouvrir à tous les citoyens un champs libre à des observations dictées par le zèle, de leur donner la liberté de dire leur avis".—*Lettre d'un propriétaire a l'auteur de la Réponse au Mémoire sur les corvées,* Londres, 1786.—*Bibliothèque nat.,* Lf 93—24.

[3]) Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи сочиненія, можно отмѣтить: *Réponse au Mémoire sur les corvées,* Londres, 1785, 33 p. in—8, (противъ офиціальнаго проекта); *Des Corvées, nouvel examen de cette question,* s. l. n. d. (Paris, 1787), 82 p. in—8 (въ пользу проекта).—(*Bibliothèque nat.,* Lf 93—23, 25.

валъ привилегіи дворянства и духовенства, было *настоящей апелляціей къ общественному мнѣнію противъ представлявшаго интересы привилегированныхъ сословій собранія нотаблей* [1]).

Однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ явленій въ области офиціальной прессы въ до-революціонной Франціи было опубликованіе министромъ Ломени-де-Бріеннемъ финансоваго отчета въ 1788 г. [2]).

Прибавимъ, что иногда тотъ или другой, по формѣ конфиденціальный актъ, но въ сущности предназначенный для возможно широкаго распространенія, попадалъ въ печать „безъ вѣдома" правительства, хотя, по всей вѣроятности, не безъ благосклоннаго попустительства съ его стороны. Для примѣра можно указать на обширный циркуляръ барона де-Бретейля, статсъ-секретаря королевскаго дома, къ интендантамъ по поводу *lettres de cachet,* отъ 25-го октября 1784 г. Хотя и нѣтъ основаній заподозривать искренность этого документа, но позволительно думать, что онъ былъ писанъ по меньшей мѣрѣ столько же для „публики", сколько и для интендантовъ; объ этомъ ясно говоритъ и стиль и общій тонъ документа, равно какъ и та быстрота, съ какою онъ сдѣлался достояніемъ публики, сначала въ рукописныхъ спискахъ, а затѣмъ и черезъ посредство нецензурной прессы [3]).

VIII.

Что касается *офиціозной прессы,* то уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ правительство дѣлаетъ попытку создать противовѣсъ растущей оппозиціонной прессѣ—въ офиціозной *Gazette de France.* Въ этихъ видахъ правительство пытается расширить кругъ читателей газеты, сдѣлавъ ее болѣе содержательной и интересной. Къ сотрудничеству предполагалось привлечь провинціальныхъ интендантовъ, которые, при помощи своихъ субделегатовъ, должны были со-

---

1) *Jobez,* la France sous Louis XVI, t. III, p. 180.

2) *Compte rendu au Roi, mars 1788,* Paris, 1788.—Это былъ первый случай опубликованія финансоваго отчета со времени знаменитаго *Отчета* Неккера (1781 г.).

3) Текстъ этого любопытнаго документа, сохраненный „секретными мемуарами" Башомона, воспроизведенъ нами цѣликомъ въ *Pièces justificatives,* Nr. 285 (напечатано отдѣльнымъ томомъ).

общать редакціи обо всемъ, что случится въ той или другой области интереснаго и заслуживающаго опубликованія [1]).

Правительственная газета, однако, успѣха не имѣла, и изъ указанной попытки ничего не вышло. Впервые серьезнымъ орудіемъ воздѣйствія на общественое мнѣніе офиціозная пресса сдѣлалась въ рукахъ канцлера Мопу, въ началѣ семидесятыхъ годовъ [2]), въ эпоху предпринятой имъ парламентской реформы [3]). Для того, чтобы парализовать эффектъ, производимый многочисленными, направленными противъ него памфлетами и пасквилями, канцлеръ просто-на-просто сталъ нанимать писателей съ бойкимъ перомъ и покладистой совѣстью, съ тѣмъ, чтобы тѣ отгрызались за него отъ нападающихъ, а при случаѣ и сами переходили въ наступленіе, поражая враговъ министра ихъ же оружіемъ [4]).

Развитіе офиціозной прессы, вызванное въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV острою борьбою правительства съ парламентами, не прекратилось съ перемѣной короля, хотя и приняло, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нѣсколько иной, такъ сказать, мирный характеръ, такъ какъ первые годы новаго царствованія ознаменованы были господствомъ взаимнаго „довѣрія“ между королемъ и „націей“. Новые министры, Тюрго и Мальзербъ, относив-

---

[1]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 1—2; *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 325—326; *Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, p. 100—101.

[2]) Правда, уже въ шестидесятыхъ годахъ „Даламберъ едва поспѣваетъ сообщать Вольтеру названія подкупленныхъ журналовъ и статей, продиктованныхъ въ министерскихъ канцеляріяхъ“ (*Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 131); но позволительно думать, что въ списки Даламбера попало немало и такихъ „статей“ (вѣрнѣе—брошюръ), которыя были результатомъ свободнаго почина писателей противоположнаго „философамъ“ лагеря и къ „министерскимъ канцеляріямъ“ имѣли не болѣе отношенія, чѣмъ и произведенія самого Даламбера. Извѣстно, что оппозиція всегда склонна заподозривать искренность своихъ противниковъ и обвинять ихъ въ корыстномъ подслуживаніи къ правительству.

[3]) *Flammermont*, le Chancelier Maupeou et les Parlements, Paris, 1885.

[4]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 78 (8 avril 1771): „M. le Chancelier, pour contrebalancer l'effet que pourront produire les divers écrits publiés contre la réformation des Parlements, fait composer d'autres ouvrages en faveur des derniers édits“.—Срв. *Rocquain*, op. cit., p. 291: „Maupeou se défendit par des brochures que rédigeaient des écrivains à ses gages et qui, avant la fin de 1771, dépassèrent le chiffre de cent“.

шіеся съ уваженіемъ къ тому, что они называли „общественнымъ мнѣніемъ“ [1]), охотно прибѣгали къ помощи прессы, какъ для предварительнаго освѣдомленія и подготовленія умовъ въ пользу тѣхъ или другихъ подготовлявшихся правительствомъ законодательныхъ мѣръ [2]), такъ равно и для оправданія мѣръ уже приведенныхъ въ исполненіе [3]), наконецъ—для защиты правительственныхъ мѣропріятій противъ нападокъ оппозиціонной прессы [4]).

Съ нарушеніемъ первоначальной гармоніи между правительствомъ и обществомъ, которой была отмѣчена заря новаго царствованія, и съ развитіемъ оппозиціонной прессы, оживаетъ вновь и офиціозная публицистика. Въ 1777 г. мы наблюдаемъ интересную попытку основать, подъ видомъ нецензурнаго, офиціозное періодическое изданіе за границей, подъ заглавіемъ *Analectes politiques*. Изданіе это предназначалось служить яко бы „дополненіемъ“, на самомъ же дѣлѣ—„противоядіемъ“ противъ издававшагося за границей эмигрантомъ Linguet довольно ядовитаго журнала *Annales politiques* [5]).

---

[1]) См. выше, стр. 13.

[2]) *Mémoires secrets,* t. IX (24 fevrier 1776): „...la cabale opposée à M. Turgot s'y est encore distinguée; on a dénoncé un ouvrage produit sous les auspices de ce ministre, et *tendant à éclairer les esprits, à les disposer à une nouvelle loi qu'il voudrait établir:* il a pour titre les Inconvénients des droits féodaux“. Дѣло идетъ объ извѣстномъ трактатѣ Бонсера, одного изъ друзей и единомышленниковъ Тюрго.—Сравн. ibidem, t. VIII, p. 47 (23 mai 1775): „On parle beaucoup des *Remontrances de la Cour des aides,* concertées entre M. Turgot et M. de Malesherbes, et dont l'objet est de donner ouverture aux projets du premier relativement à la finance et à son amélioration, mais surtout à la réforme des abus“.

[3]) Такъ, парижскій хроникеръ отмѣчаетъ въ іюлѣ 1776 г. появленіе брошюры подъ заглавіемъ *Lettre d'un cultivateur de province à un citoyen de Paris,* представляющей собою „апологію операцій Тюрго и Сенъ-Жермэна“. Врядъ ли брошюра эта появилась безъ вѣдома и даже безъ извѣстнаго участія заинтересованныхъ министровъ.—*Mémoires secrets,* t. IX, p. 162 (12 juillet 1776).

[4]) Таковъ принадлежащій перу Кондорсэ, друга Тюрго, анонимный памфлетъ, вышедшій въ 1776 г. въ отвѣтъ на сочиненіе Неккера о хлѣбной торговлѣ, и въ защиту политики Тюрго, стремившагося къ освобожденію хлѣбной торговли отъ всякихъ стѣсненій: *Lettre d'un laboureur de Picardie à M. N...* (Necker), *auteur prohibitif à Paris,* Paris, 1775. Хотя и помѣченная 1775 годомъ, брошюра эта появилась въ публикѣ лишь въ апрѣлѣ 1776 г.—*Jobez,* la France sous Louis XVI, Paris, 1877, p. 483; *Quérard,* op. cit., t II, p. 269.

[5]) *Mémoires secrets,* t. X, p. 195 (10 août 1777); „Un anonyme, pour faire

Въ 1778 г. директоръ главнаго управленія по дѣламъ печати ведетъ, въ формѣ анонимныхъ брошюръ, оживленную полемику съ анонимными авторами направленныхъ противъ него, какъ виновника изданныхъ въ 1777 г. королевскимъ совѣтомъ постановленій касательно печати [1]).

Генералъ-контролеръ де-Калоннъ оживилъ въ восьмидесятыхъ годахъ традиціи канцлера Мопу по части наемной прессы. Молва, циркулировавшая въ парижскихъ салонахъ, называла въ числѣ писателей, продавшихъ будто бы министру свое перо, графа Мирабо [2]). Когда въ 1784 г. былъ напечатанъ, не смотря на принятыя противъ этого де-Калонномъ мѣры, трактатъ Неккера о французскихъ финансахъ, заключавшій въ себѣ довольно прозрачную критику финансоваго управленія де-Калонна, то, сообщая объ этомъ, современный хроникеръ прибавляетъ: „Г. де-Калоннъ, безъ сомнѣнія, найдетъ себя вынужденнымъ выступить съ своей стороны въ печати. *Скоро необходимо будетъ быть профессіональнымъ писателемъ, для того*

---

sa cour, sans doute, au ministère de France, propose par souscription des *Analectes politiques, civiles et littéraires,* pour servir de supplément aux *Annales* de M. Linguet... Ce supplément, ainsi qu'on le conjecture aisément, est un prétendu contrepoison imaginé pour guérir des morsures du journaliste".

[1]) *Mémoires secrets,* t. XI, p. 79 (30 janvier 1778): „On parle d'une réponse que M. Camus de Neville a fait faire à la Lettre à un Ami, pour défendre les arrêts du Conseil".—Ibidem, p. 85 (3 février 1778): Seconde lettre à un Ami sur les affaires actuelles de la librairie.—Ibidem, p. 137 (8 mars 1778): „Il paraît une Troisième lettre à un Ami concernant les affaires de la librairie".— Сравн. Ibidem, t. X, p. 273 (8 novembre 1777); p. 314 (18 décembre 1777); t. XI, p. 67 (20 janvier 1778); p. 71 (24 janvier 1778); p. 83 (2 février 1778); t. XIII, p. 314 (15 mars 1779); t. XIV, p. 101—103 (30 juin - 1 juillet 1779).—Въ 1788 г. директоръ отдѣла промышленности въ генеральномъ контролѣ (intendant du commerce) Дюпонъ полемизируетъ, въ формѣ анонимной брошюры, противъ опубликованной руанской торговой палатой записки касательно заключеннаго съ Англіей въ 1786 г. торговаго договора, какъ причины упадка нѣкоторыхъ видовъ мѣстной промышленности.—*Dupont,* Lettre à la chambre du commerce de Normandie sur le Mémoire qu'elle a publié relativement au traité de commerce avec l'Angleterre, Paris, 1788.—*Levasseur,* Histoire des classes ouvrières, Paris. 1901, t. II, p. 564.

[2]) *Mémoires secrets,* t. XXIX, p. 105 (6 juillet 1785): „Il paraît que M. le comte de Mirabeau a vendu absolument sa plume au ministre des finances; on en juge par la nature des ouvrages qui l'occupent aujourd'hui et qu'il avoue lui-même être hors de son genre".

чтобы занимать мѣсто въ администраціи [1]). Де-Калоннъ, дѣйствительно, „нашелъ себя вынужденнымъ“ выступить на свою защиту съ тѣмъ же оружіемъ печатнаго слова, сначала анонимно, а также при помощи чужихъ, частью доброхотныхъ, частью оплаченныхъ перьевъ, а со времени созыва натаблей въ 1787 г. онъ вступаетъ уже въ открытую печатную полемику съ Неккеромъ [2]), которая, послѣ отставки перваго въ апрѣлѣ 1787 г., пріобрѣтаетъ еще болѣе ожесточенный характеръ, при чемъ попутно бывшій министръ обращается и „къ королю“, и „къ націямъ“, и „къ публикѣ“, стараясь оправдать „свою администрацію“ и, насколько возможно, дискредитировать въ общественномъ мнѣніи своихъ противниковъ съ Неккеромъ во главѣ [3]).

Впрочемъ личное участіе министровъ въ печатной полемикѣ не является особенной неожиданностью послѣ того, что старшій братъ короля (и самъ будущій король) записался въ число публицистовъ,

---

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII (1 janvier 1785): „*Considérations sur les finances de la France,* par M. Necker... M. de Calonne se verra sans doute forcé d'écrire de son côté. *Bientôt il faudra être homme de lettres, auteur, pour entrer dans l'administration*“.

[2]) Lettre de M. Necker à M. le Calonne, au sujet du future discours de celui-ci à l'Assemblée de Notables, 29 janvier 1787; Réponse de M. de Calonne à M. Necker, 30 janvier 1787; Lettre de M Necker à M. de Calonne, 7 février 1787; Billet de M. de Calonne à M. Necker, en lui envoyant un exemplaire de son discours aux Notables, 28 février 1787; Lettre de M. Necker au roi en lui envoyant une copie de sa correspondance avec M. de Calonne, 6 mars 1787.

[3]) Requête au Roi, Londres, 1787; Réponse de M. de Calonne à l'écrit de M. Necker, publié en avril 1787, contenant l'examen des comptes de la situation des finances rendus en 1774, 1776, 1783 et 1787, Londres, 1788; Compte rendu aux Nations, Dresde, 1788, Motif pour différer jusqu'à l'assemblée des Etats généraux la réfutation du nouvel écrit que M. Necker vient de publier, 1789; Note sur le Mémoire remis par M. Necker au Comité des subsistances, Londres, 1789; Lettre adressée au Roi, par M. de Calonne, le 9 février 1789; Londres, s. d.; Seconde lettre au roi, 5 avril 1789; Lettre de M. de Calonne à l'évêque de Blois sur le cahier de Madon, 1789.—*Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 228 (8 février 1788): „Le nouveau mémoire de M. de Calonne commence à se répandre. Il traine M. Necker dans la boue et l'accuse d'avoir menti effrontement dans son *Compte rendu*“.—Ibidem, p. 230 (16 février 1788): „Le dernier mémoire de M. de Calonne a fait beaucoup de sensation et augmenté le nombre de ses partisans“.—*Quérard,* la France littéraire, t. II, p. 25—26; *Young,* Voyages en France, t. I, p. 114. — *Bibliothèque nat.*, Lb 39/347; 39/1489; 39/1836.

сочинялъ памфлеты противъ министровъ короля и занимался распространеніемъ ихъ на ряду съ другими авторами произведеній нелегальной прессы [1]).

Въ эпоху второй „парламентской революціи", въ 1788 г., правительство, въ лицѣ министровъ Ломени-де-Бріення и де-Ламуаньона, снова дѣлаетъ попытку—и отчасти не безъ успѣха—оживить традиціи канцлера Мопу, противопоставивъ, при помощи цѣлой фаланги „наемныхъ пасквилянтовъ", потоку противоправительственныхъ памфлетовъ парламентской партіи цѣлую литературу (также нелегальную по виду) контръ-памфлетовъ и контръ-пасквилей [2]), направленныхъ къ оправданію правительства и опельмованію парламентской магустратуры въ глазахъ общественнаго мнѣнія [3]), а также, если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ современниковъ, — къ поддержанію притязаній третьяго сословія противъ дворянства, привилегіи котораго находили себѣ энергичную поддержку въ парламентской магистратурѣ [4]). При этомъ правительство не скупилось

---

[1]) По словамъ Сулави, графъ Провансскій былъ авторомъ памфлета *Songe de M. de Maurepas,* одного изъ многочисленныхъ произведеній нелегальной прессы, направленныхъ противъ Тюрго и отчасти способствовавшихъ его паденію. — *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. III, p. 107—127) (анализъ содержанія этого памфлета).—Въ 1774 г., когда былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи парламентовъ, графъ Провансскій выступилъ противъ предположеннаго возстановленія въ анонимной брошюрѣ подъ заглавіемъ *Mes idées.—Floquet,* op. cit., t. VII, p. 5.—Сравн *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 213: „4 octobre 1783. Dans le *Journal de Paris* du 3 octobre il y a une lettre assez gaie qu'on attribue à Monsieur".

[2]) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 270 (5 juillet 1788): „On publie un arrêt du conseil qui casse et annule les arrêtés pris par les corps et communautés. C'est une maladresse, et une autre plus grande est celle d'autoriser le débit de toutes les ordures littéraires *des libellistes stipendiés qui écrivent sur les affaires actuelles en faveur de l'administration".*

[3]) Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ, формулированныхъ въ засѣданіи парижскаго парламента 25 сентября 1787 г. однимъ изъ присутствовавшихъ членовъ противъ бывшихъ министровъ Ломени-де-Бріення и де-Ламуаньона, фигурируетъ между прочимъ (пунктъ 8) обвиненіе ихъ въ „*tentatives pour s'emparer de l'opinion du peuple en protégeant des écrits scandaleux et séditieux contre les magistrats".—Brette,* Recueil de document, t. I, p. 30.—Сравн. *Floquet,* Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 320—321, 445; *Sallier,* Annales françaises, Paris, 1813, p. 188—189; *Weber,* Mémoires, t. I, p. 228, 238.

[4]) *Weber,* Mémoires, t. I, p. 238: „Loménie de Brienne... conçut, dès ce

—если вѣрить современному хроникеру—на „гонораръ“, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ извѣстнымъ „перомъ“ [1]).

Въ числѣ этихъ „наемныхъ пасквилянтовъ“ различные современники называютъ графа Мирабо, аббата Мореллэ, адвоката Лэнгэ, Ривароля [2]), Вольнея [3]), Мангури [4]), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были будто бы командированы въ различныя области (Вольней въ Бретань, Мирабо—въ Провансъ) для организаціи на мѣстѣ официозно-революціонной прессы [5]).

---

moment (mai 1788), l'idèe de soulever le tiers contre les deux premiers ordres et d'en faire un rempart autour du trône... Il employa dès lors toute son influence à susciter les prétentions du tiers contre l'ordre de la noblesse, et les principaux dépositaires de l'autorité du gouvernement eurent l'ordre de diriger les esprits vers ce mouvement et de former une alliance entre le peuple et la couronne“ (цит. по *Granier de Cassagnac,* Histoire des causes de la Révolution, t. II, p. 391 et suiv.).—*Bouillé,* Mémoires, t. I, p. 75: „*Des écrivains connus par leurs talents, par leur esprit factieux et révolutionnaire, furent envoyés dans les provinces* pour enflammer le peuple, par leurs discours et leurs écrits... A cet effet, Mirabeau fut en Provence, Volney fut en Anjou et en Bretagne; d'autres, moins connus, se répandirent dans différentes provinces. Paris était inondé d'écrits incendiaires et révolutionnaires, tolérés par le gouvernement, et dont les auteurs étaient ouvertement protégés“ (ibidem).—*Sallier,* Annales françaises, Paris, 1813, p. 189: „Dès lors (1788) jusqu'à l'ouverture des Etats généraux, on va voir le roi sur la même ligne que les factieux, professer leurs principes, corrompre l'opinion publique et appeler le peuple à la sédition“.

1) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 272 (6 juillet 1788): „L'abbé Morellet s'est jeté dans la mêlée des combattants du parti royaliste: il a écrit un petit pamphlet de quelques pages, et ce dévouement héroïque lui a valu un bénéfice de 18.000 livres de rente“.

2) Въ вышедшемъ въ это время противоправительственномъ памфлетѣ въ формѣ комедіи, *la Cour plénière,* въ уста министра Ломени-де Бріення влагаются, между прочимъ слѣдующія слова: „J'ai fait recrue des plus beaux esprits du siècle. Linguet, Rivarol, et le banal Mirabeau ont reçu des arrhes“ (цит. по *Granier de Cassagnac,* Histoire des causes de la Révolution, t. II, p. 301 et suiv).

3) См. черезъ два примѣчанія выше.

4) Mangourit, lieutenant criminel au présidial de Rennes, издатель газеты *le Héraut le la Nation,* которой, по рукописному заявленію самого издателя, „покровительствовали министры Бріеннь и Ламуаньонъ“. Идейная программа изданія формулируется издателемъ въ видѣ слѣдующихъ положеній: „point d'ordres privilégiés, plus de parlements, la Nation et le Roi“.—*Quérard,* op. cit., t. V, p. 491—492.

5) См. черезъ четыре примѣчанія выше.

IX.

Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ симптомовъ прогрессивнаго роста общественнаго мнѣнія и его могущества во Франціи является постепенная эмансипація „города“ отъ „двора“, Парижа отъ Версаля. При Людовикѣ XIV „дворъ“ даетъ тонъ „городу“, который почтительно и внимательно прислушивается къ его голосу. Дворъ является высшимъ образцомъ и критеріемъ по части „вкуса“, модъ, нравовъ, даже идей. Во всемъ этомъ Версаль задаетъ тонъ Парижу, и „городъ“ съ почтительнымъ вниманіемъ прислушивается къ камертону „двора“. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ первый постепенно эмансипируется отъ этого моральнаго и интеллектуальнаго холопства передъ послѣднимъ. Престижъ двора настолько же падаетъ, насколько возрастаетъ вліяніе „города“. При Людовикѣ XVI и уже въ послѣдніе годы предыдущаго царствованія „дворъ“, по словамъ Сенакъ-де-Мейльяна, не имѣлъ болѣе прежняго престижа въ глазахъ „города“, бывшаго когда-то слѣпымъ подражателемъ тона и манеръ двора [1]). „Слово *дворъ*—говоритъ другой современникъ, Мерсье—не импонируетъ болѣе намъ, какъ бывало во времена Людовика XIV. Не отъ двора уже исходятъ господствующія мнѣнія, не онъ создаетъ репутаціи въ какой бы то ни было области. Теперь ужъ не услышишь болѣе этой смѣхотворно-напыщенной фразы: *такъ высказался дворъ!* Приговоры двора кассируются...“ [2]).

Престижъ двора настолько падаетъ, престижъ „города“, диктующаго „господствующія мнѣнія“, настолько возрастаетъ, что Парижъ и Версаль какъ бы мѣняются ролями. Теперь уже не „дворъ“ даетъ тонъ „городу“, а наоборотъ. Теперь уже не послѣдній прислушивается къ тому, какъ „высказался дворъ“ въ томъ или другомъ случаѣ, а уже дворъ „съ большимъ вниманіемъ прислушивается къ рѣчамъ парижанъ“. „Что говорятъ лягушки?—задаютъ часто другъ другу вопросъ принцы. И когда лягушки хлопаютъ въ ладоши при ихъ появленіи въ театрѣ или по дорогѣ къ св. Женевьевѣ, они очень довольны. Иногда ихъ наказываютъ молчаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, по тому, какъ держитъ себя народъ при ихъ появленіи, они имѣютъ возможность угадывать, каково его настроеніе на ихъ

---

1) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 88.

2) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153.

счетъ. Общественное ликованіе, или же, наоборотъ—равнодушіе, слишкомъ замѣтны. Увѣряютъ, что они очень чувствительны къ пріему, какой имъ оказываетъ столица, потому что они чувствуютъ смутно, что въ этой людской массѣ есть и здравый смыслъ, и умъ, есть и люди, способные дать оцѣнку и имъ и ихъ дѣйствіямъ, а эти люди оказываютъ какимъ-то образомъ рѣшающее вліяніе на сужденія массы" [1]). *„При Людовикѣ XIV дворъ былъ образованнѣе города; теперь городъ образованнѣе двора.* Идеи того и другого рѣдко сходятся... *Относительно многихъ вопросовъ дворъ хранитъ молчаніе, не только изъ осторожности, но также и изъ робости.* Городъ говоритъ обо всемъ безъ умолку и самымъ увѣреннымъ тономъ... Городъ, гдѣ сосредоточены вся образованность, всевозможныя искусства и знанія, сила которыхъ увеличивается отъ ихъ соединенія, рѣшаетъ смѣло, потому что чувствуетъ свою силу, и къ тому же онъ болѣе увѣренъ въ своемъ выдержавшемъ столько испытаній тактѣ. Дворъ, съ своей стороны, смутно сознаетъ, что ему не хватаетъ многихъ данныхъ для того, чтобы настоять на своемъ мнѣніи. Словомъ, дворъ потерялъ свое былое вліяніе на искусства, на литературу и на все, что относится къ этой области. Въ прошломъ вѣкѣ ссылались на мнѣніе придворнаго барина, принца, и никто не осмѣливался возражать" [2]). Теперь, наоборотъ, дѣло дошло до того, что „дворъ не осмѣливается высказаться категорически о какой-либо новой книгѣ, театральной пьесѣ, произведеніи искусства, наконецъ—просто о какомъ-либо выдающемся событіи: онъ ожидаетъ приговора столицы, о которомъ онъ тщательно заранѣе освѣдомляется, чтобы не скомпрометировать свой приговоръ, который бы потомъ могъ подвергнуться кассаціи" [3]). Дѣйствительно, какъ пишетъ г-жа де-Сталь въ 1786 г., „Парижъ, со своимъ республиканскимъ духомъ, обыкновенно апплодируетъ пьесамъ, провалившимся при дворѣ" [4]), и наоборотъ—успѣхъ пьесы на придворной сценѣ обыкновенно плохое предзнаменованіе для нея въ „городѣ" [5]).

---

[1]) *Mercier,* Tableau de Paris. t. I, p. 37.

[2]) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153—154.

[3]) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153—154.

[4]) „Paris, avec son esprit républicain, applaudit ordinairement ce qui est tombé à Fontainebleau" (Lettre de M-me de Staël, du 17 semptembre 1786, цит. по *Taine,* les Origines, t. I, p. 416).

[5]) *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 237 и слѣд. (глава о *публикѣ, театральной цензурѣ и актерахъ).*—Сравн. *Tilly,* Mé-

Что касается министровъ, то вмѣсто, того, чтобы стараться подчинить „городъ“ „двору“, они сами идутъ навстрѣчу „мнѣніямъ, господствующимъ во вліятельныхъ общественныхъ кружкахъ, которые являются верховными вершителями репутацій“, и въ частности—репутацій государственныхъ людей [1]).

Мало того, въ эту пору даже придворные, по выраженію одного изъ ихъ среды, „фрондировали версальскія власти и ухаживали за властями *Энциклопедіи*“ [2]). Что это не пустая фраза, показываетъ хотя бы случай, имѣвшій мѣсто въ 1770 г, когда герцогъ де-Шуазель подвергся королевской опалѣ. Сосланнаго въ свое имѣніе министра демонстративно, цѣлой гурьбой, навѣщаютъ представители высшей знати, такъ что замокъ опальнаго министра превращается въ настоящій маленькій дворъ, такъ сказать въ анти-Версаль [3]). Подобная же исторія повторяется одиннадцать лѣтъ спустя съ другимъ опальнымъ министромъ, Неккеромъ. Его „отель“ въ Сентъ-Уанѣ, близъ Парижа, послѣ его отставки, буквально осаждается представителями „лучшаго“ парижскаго и версальскаго общества, „носителями наиболѣе уважаемыхъ во Франціи именъ“ [4]).

X.

Самъ собою однако напрашивается вопросъ: какимъ образомъ общественное мнѣніе могло получить подобную силу въ такомъ обществѣ, которое было лишено легальной свободы публичнаго слова, какъ печатнаго, такъ и устнаго? Разсуждая *a priori*, можно даже прійти къ категорическому отрицанію самаго существованія общественнаго мнѣнія во Франціи въ изучаемую нами эпоху, какъ это, дѣйствительно, и дѣлаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ: въ старой Франціи не было свободы публичнаго слова, слѣдовательно

---

moires, éd. Barrière, Paris, 1862, p. 233: „En opposition au sentiment de la reine, il (de Hénin) s'était prononcé à Fontainebleau en faveur de je ne sais quelle pièce qui tomba à plat.–Eh bien! M. de Henin, votre pièce est tombée.—Oui, Madame, à la cour: c'est pour cela qu'elle réussira à Paris“.

[1]) *Senac de Meihan,* le Gouvernement, etc., p. 88.

[2]) *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 97: „Jamais, il n'y eut à la cour plus de magnificence, de vanité et moins de pouvoir. On frondait les puissances de Versailles, et on faisait sa cour à celles de *l'Encyclopédie*“.

[3]) *Senac de Meilhan,* Des principes et des causes de la Révolution, p. 29.

[4]) *Bersot,* Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 85—86.

въ ней не могло быть и общественнаго мнѣнія[1]). Такое апріорное сужденіе не выдерживаетъ, какъ мы видѣли, очной ставки съ исторической дѣйствительностью, которая предъявляетъ намъ фактъ, отрицаемый этимъ сужденіемъ. Ясно, что посылки, на которыхъ основывается приведенное заключеніе, нуждаются въ провѣркѣ. Попробуемъ произвести эту провѣрку.

Вѣрно ли, что свобода публичнаго слова есть—какъ утверждаетъ вторая (подразумѣваемая) посылка приведеннаго силлогизма—необходимое условіе существованія общественнаго мнѣнія? Это было бы конечно такъ, если бы тò, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, было продуктовъ, изготовляемымъ въ типографіяхъ и публичныхъ залахъ, а не чѣмъ-то гораздо болѣе сложнымъ по своему происхожденію и болѣе деликатнымъ по своей природѣ. Намъ кажется, что тò, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ, слагается, въ томъ или иномъ сочетаніи, изъ индивидуальныхъ „мнѣній“ отдѣльныхъ людей[2]). Но что такое представляютъ собою эти индивидуальныя мнѣнія? Это—въ высшей степени сложный продуктъ того, что можно назвать *воспитаніемъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣя подъ нимъ *совокупность всѣхъ факторовъ, участвующихъ въ выработкѣ міросозерцанія каждаго отдѣльнаго индивидуума*. То, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, вырабатывается, быть можетъ, не столько въ редакціяхъ газетъ и журналовъ и въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, сколько въ семьѣ и школѣ, у домашняго очага, въ тиши рабочаго кабинета, наконецъ—въ пріятельской бесѣдѣ и повседневномъ разговорѣ. *Разговоръ*, этотъ простой, повседневный, непринужденный, не стѣсняемый никакой цензурой обмѣнъ свѣдѣній, наблюденій, мнѣній, возраженій и т. д., между приходящими въ непосредственное повседневное или случайное соприкосновеніе людьми, интересующимися и способными интересоваться чѣмъ-либо кромѣ чисто „дѣловыхъ“ вопросовъ и связанныхъ съ мелкою „борьбою за существованіе“ интересовъ,—не есть ли, въ концѣ концовъ, такой „разговоръ“—могущественный и, во всякомъ случаѣ, выражаясь словами Тарда, „наиболѣе постоянный и наиболѣе универсальный факторъ общественнаго мнѣнія“?[3]). Иногда общественное мнѣніе

---

[1]) Такова, напримѣръ, точка зрѣнія авторовъ введенія къ *Archives parlementaires*.

[2]) Сравн. опредѣленіе, даваемое Тардомъ (см. выше, стр. 9, прим. 3).

[3]) „Le facteur de l'opinion... le plus continu et le plus universel... la con-

есть, быть можетъ, не столько то, что печатается во всеобщее свѣдѣніе или говорится публично, сколько то, что высказывается въ дружеской бесѣдѣ; а подчасъ, это, быть можетъ, не столько то, что говорятъ, сколько то, о чемъ молчатъ. „Мнѣніе“, хотя бы и не высказанное публично, но составляющее достояніе болѣе или менѣе многочисленныхъ членовъ даннаго общества, уже представляетъ собою важный элементъ общественнаго мнѣнія, хотя и въ скрытомъ состояніи.

Спрашивается однако, можетъ ли такое „скрытое“ общественное мнѣніе обнаружиться безъ помощи публичнаго слова? Отчего же нѣтъ? Развѣ индивидуальное мнѣніе не можетъ выражаться сплошь да рядомъ и помимо слова—въ жестахъ, въ мимикѣ, въ игрѣ физіономіи? Но своего рода физіономія вѣдь есть и у общества, какъ есть у него и своего рода мимика и жесты, при помощи которыхъ оно точно такъ же можетъ и безъ словъ вполнѣ удобопонятно выражать свое настроеніе, свое отношеніе къ тому или другому событію, къ тому или другому лицу,—словомъ высказывать свое „мнѣніе“. Аплодисменты театральнаго зала, подчеркивающіе ту или другую сцену, ту или другую фразу, заключающія въ себѣ намекъ на то или другое современное событіе или лицо, шумно-восторженный или же, напротивъ, мрачно-молчаливый пріемъ, оказанный „публикой“ на улицѣ, на площади, въ публичномъ собраніи—королю, министру или какому-либо другому общественному дѣятелю,—развѣ все это не достаточно выразительная „общественная мимика“? Извѣстно, что нѣмые достигаютъ поразительной виртуозности въ языкѣ жестовъ и мимики; подобной же виртуозности можетъ достигнуть въ дѣлѣ „общественной мимики“, общество, лишенное свободы публичнаго слова. Французское общество до революціи представляетъ собою наглядную и яркую иллюстрацію подробнаго явленія. Въ 1762 г. одинъ изъ придворныхъ аристократовъ, Брольи, подвергся королевской опалѣ и былъ сосланъ, въ силу *lettre de cachet*, „въ свои земли“. На другой день идетъ въ театрѣ *Танкредъ* Вольтера. Лишь только артистка, исполнявшая роль Аменаиды, начала декламировать жалобу героини на изгнаніе Танкреда, имя Брольи мгновенно пролетѣло изъ устъ въ уста по зрительному залу, и бурные аплодисменты прервали монологъ. На слѣдующій день *Танкредъ* былъ

---

versation“.—*Tarde,* l'Opinion et la Conversation“ (*Revue de Paris,* 1899, t. IV, p. 702—703).

снятъ съ репертуара по распоряженію правительства [1]). Когда въ эпоху „парламентской революціи“ Мопу [2]) какъ-то шла въ театрѣ комедія Расина *les Plaideurs*, театральный залъ разразился апплодисментами послѣ фразы одного изъ героевъ: „у насъ нѣтъ ни одного адвоката“, и тѣмъ выразилъ свое отрицательное отношеніе къ непопулярной мѣрѣ канцлера Мопу [3]). Пьесу хотѣли запретить, подобно *Танкреду*.

Особенно типиченъ въ данномъ отношеніи спектакль, имѣвшій мѣсто во Французскомъ театрѣ 20-го мая 1781 г., когда въ Парижѣ только-что разнеслась вѣсть объ отставкѣ Неккера [4]). Пьеса *une Partie de chasse de Henri IV*, по случайному совпаденію, какъ нельзя болѣе подходила къ волновавшей общество злобѣ дня: дѣло шло объ опалѣ герцога Сюлли, оклеветаннаго передъ королемъ придворными интриганами. Спектакль превратился въ сплошную и шумную манифестацію единодушныхъ симпатій по адресу подвергшагося наканунѣ опалѣ министра. „Каждый апплодисментъ, казалось, отличался особымъ характеромъ, какъ бы выражая различные оттѣнки чувства, одушевлявшаго публику. Это были апплодисменты сожалѣнія и печали, благодарности и уваженія, и всѣ эти чувства были до такой степени искренни, правдивы, такъ ярко выражены, что самое слово не могло сообщить имъ болѣе живого выраженія... Какимъ взрывомъ рукоплесканій встрѣченъ былъ отвѣтъ герцога Белльгарда лицамъ, дерзающимъ клеветать на государственнаго человѣка, котораго они считаютъ въ опалѣ! „Извольте говорить съ почтеніемъ о великомъ министрѣ!...“ Съ какимъ захватывающимъ волненіемъ привѣтствовала публика моментъ, когда Белльгардъ опровергаетъ слухъ объ отставкѣ... Съ какимъ мрачнымъ молчаніемъ внимали зрители фразѣ герцога Сюлли, которую раньше всегда покрывали апплодисменты: „Ваше Величество, со всякимъ другимъ государемъ, кромѣ васъ, я считалъ бы себя погибшимъ“. Сколько слезъ смѣшалось съ рукоплесканіями, съ особенною силой подчеркнувшими столь правдивое восклицаніе Генриха, послѣ того какъ онъ раскрылъ интригу: „Жестокіе люди! какъ они меня об-

[1]) *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 322; *Mémoires secrets*, t. I (20 février 1762).

[2]) Уничтоженіе парламентовъ въ 1771—1772 гг.

[3]) Въ видѣ протеста противъ нея, адвокаты забастовали.—*Ивановъ*, тамъ же стр. 323.

[4]) Имѣвшей мѣсто наканунѣ.

манули!..“ „При этихъ словахъ—говоритъ другой очевидецъ—изъ партера раздался чей-то возгласъ: *да, да, да,* вмигъ подхваченный тысячью голосовъ“. „Какой ропотъ негодованія пробѣжалъ по залѣ при упоминаніи о подпольныхъ пасквиляхъ, которыми пытались погубить доблестнаго мужа въ глазахъ короля. Не было пропущено ни единаго слова, которое могло служить для публики поводомъ къ выраженію своихъ чувствъ къ Неккеру“. Манифестація вышла слишкомъ выразительной, чтобы пройти не замѣченной, кѣмъ слѣдуетъ; у организаторовъ спектакля потребовали объясненій, но оказалось, что пьеса стояла въ репертуарѣ за недѣлю до представленія, и послѣднее не могло, слѣдовательно, быть предвамѣреннымъ въ смыслѣ происшедшей манифестаціи. Тѣмъ не менѣе, прессѣ было запрещено что-либо печатать по этому поводу [1]).

Такимъ образомъ, поведеніе театральной публики было для правительства, какъ для всѣхъ и каждаго, однимъ изъ хорошихъ способовъ освѣдомленія относительно настроенія общественнаго мнѣнія [2]). Приведенные примѣры, дѣйствительно, показываютъ, что истинный смыслъ театральныхъ манифестацій не ускользалъ отъ того, кому это интересно было знать.

Что и внѣ театральнаго зала „публика“ умѣла, гдѣ находила нужнымъ, выразить безъ словъ свое „мнѣніе“, нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить слѣдующій передаваемый современникомъ случай, связанный также съ именемъ Неккера. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своей отставки Неккеръ появился на художественной выставкѣ въ Луврѣ. „Какъ только его замѣтили—разсказываетъ современникъ—, всѣ картины были забыты, и всѣ лица повернулись въ его сторону. Минута почтительнаго молчанія, потомъ—взрывъ энтузіазма. Кто-то произнесъ: „вотъ—возстановитель финансовъ; да здравствуетъ Неккеръ!“ Раздались аплодисменты и сочув-

---

[1]) *Correspondance littéraire,* t. XIII, 511—512.—*Correspondance secrète,* t. IX, p. 280.—*Mémoires secrets,* t. XVII (23 mai 1781).—Цитаты и переводъ ихъ заимствуемъ (съ незначительными стилистическими измѣненіями) у *Иванова,* Политическая роль французскаго театра, стр. 524—525.

[2]) Говоря о подобныхъ манифестаціяхъ, авторъ „литературной корреспонденціи“ замѣчаетъ: „après tout, loin de nuire, ne servent-elles pas à éclairer le gouvernement sur l'opinion du peuple?“—*Correspondance littéraire,* t. X, p. 398 (цит. по *Иванову,* стр. 313).

ственные возгласы. Неккеръ нашелъ себя вынужденнымъ удалиться изъ Лувра, при чемъ столпившаяся публика—болѣе двухъ тысячъ человѣкъ--проводила его до экипажа. „За недѣлю передъ тѣмъ—прибавляетъ хроникеръ—всѣ министры посѣтили выставку вмѣстѣ, и никто не подумалъ даже шляпы снять передъ ними“ [1]).

Насколько хорошо умѣли понимать лица, которыхъ это касалось, подобныя проявленія „общественной мимики“, можно судить хотя бы по тому, что какъ-то, въ 1785 г., стоило Маріи-Антуанетѣ сдѣлать небольшую прогулку по Парижу, чтобы тотчасъ же замѣтить происшедшее въ публикѣ охлажденіе къ своей особѣ [2]).

XI.

Что касается *разговора*, то при той высокой степени развитія „вкуса къ обществу“ (goût de la société) и „общительности“ (esprit de société), какую мы наблюдаемъ во Франціи восемнадцатаго столѣтія [3]), онъ становится могучимъ орудіемъ обмѣна свѣдѣній и мыслей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выработки общественныхъ идей и настроеній,—орудіемъ зачастую болѣе могучимъ, чѣмъ печатная книга или газета, принужденныя считаться съ аргусомъ цензуры, отъ бдительности котораго, наоборотъ, совершенно ускользала свободная „непечатная пресса“ живого тысячеустаго „разговора“. *„Непечатная проза“ повседневнаго разговора пріобрѣтаетъ особенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ часть ея, очищенная отъ мелкихъ будничныхъ интересовъ и повседневныхъ дѣловыхъ отношеній, сдѣлалась предметомъ спеціальной культуры—въ салонахъ.* Салонная жизнь, эта характерная особенность французской общественности семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, возникшая изъ сочетанія придворной культуры и культуры городской (точнѣе—парижской), является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ продуктовъ и вмѣстѣ—однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ той французской „общительности“ и того

---

1) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XII, p. 64 (21 septembre 1781).

2) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (8 juin 1785: „Pendant le dernier voyage de la reine à Paris, le peuple a montré si peu d'empressement que cette princesse, dont le coeur est si bon, en a été affectée, et qu'elle a dit avec douleur, en rentrant à Tuileries: „Mais que leur ai-je donc fait?“—Сравн. выше, стр. 160.

3) См. объ этомъ *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 120—127.

„вкуса къ обществу", которые составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей французской культуры XVII—XVIII вѣковъ. Именно, въ *салонной жизни* находитъ себѣ наиболѣе полное удовлетвореніе „вкусъ къ обществу", а „общительность" находитъ свое наиболѣе совершенное выраженіе въ *салонномъ разговорѣ (conversation, causerie).* Съ развитіемъ салонной жизни, естественно, возрастаетъ и значеніе разговора, какъ фактора общественнаго мнѣнія [1]). *Разговоръ*, сдѣлавшійся почвою для культурнаго сближенія между различными слоями образованнаго общества, въ особенности между представителями аристократіи—съ одной стороны, и представителями литературы—съ другой, сходившимися въ салонахъ на равную ногу [2]), становится настоящимъ *занятіемъ*, серьезнымъ дѣломъ для тогдашняго образованнаго общества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественнаго мнѣнія. *Разговоръ получаетъ значеніе важной общественной функціи, средоточіемъ которой являются салоны.* Послѣдніе становятся настоящими очагами разговора, и число этихъ очаговъ постоянно возрастаетъ. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, на ряду съ салонами традиціоннаго типа, группирующимися вокругъ той или другой femme d'esprit—будь то grande dame изъ высшей аристократіи [3]) или изъ финан-

[1]) *De Barante,* op. cit., p. 313: „Par le progrès des moeurs, la société et la conversation avaient acquis une grande influence. Le plaisir de communiquer ses idées à mesure qu'elles naissent, de leur donner plus de rapidité, et de jouir plus vite et plus complètement de leur effet, avaient propagé ce mode de communication. Les journaux mirent la conversation en commun entre milliers d'hommes".—Сравн. *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XV, p. 3 (23 juillet 1783); *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 98; *M-me de Genlis,* Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, etc., t. I, p. 82; *Mercier,* Tableau de Paris, t. VI, p. 185; *Lescure,* Rivarol et la Société française, p. 328.

[2]) Именно, въ салонахъ главнымъ образомъ происходило то „постоянное треніе между различными соціальными слоями", которое, по выраженію Сенакъ-де-Мейльяна, „сглаживало существовавшія шероховатости". Находившій себѣ здѣсь удовлетвореніе „вкусъ къ обществу" заглушалъ сословную гордость и сглаживалъ въ повседневной жизни „различіе ранговъ"; послѣднее отодвигалось здѣсь на второй планъ, стушевываясь передъ образованностью, умомъ и свѣтскимъ лоскомъ. Почетное мѣсто возлѣ себя хозяйка отводитъ обыкновенно не тому изъ гостей, кто имѣетъ передъ остальными преимущество знатности, а „тому, кого она находитъ наиболѣе любезнымъ".—*Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 120—121.

[3]) Таковы были, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, салоны: маркизы du Deffand († 1789), герцогини de Luxembourg, герцогини de Mirepoix,

совой знати [1]), будь то просто dame du monde изъ парламентской или административной магистратуры [2]), наконецъ — изъ дворянъ средней руки или изъ полудворянской буржуазіи [3]), будь то артистка, художница, жена академика и т. д. [4])—, на ряду съ такими традиціоннаго типа салонами появляется во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка цѣлый рядъ писательскихъ кружковъ, „философскихъ синагогъ", которыя группируются вокругъ того или другого гостепріимнаго писателя или просто „просвѣщеннаго" любителя литературы, имѣющаго вдобавокъ къ своимъ услугамъ хорошаго повара [5]).

герцогини d'Enville, маркизы de Créquy († 1803), герцогини de Polignac, маркизы de Beauharnais.

[1]) Таковы, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, салоны: M-me d'Epinay, M-me Dupin, M-me du Bocage (женъ государственныхъ откупщиковъ).

[2]) Таковы салоны: M-me Necker, жены министра, M-me Doublet de Persan, M-me Trudaine, M-me de Vaines (женъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля). Сюда же можно отнести и салонъ маркизы de Condorcet, такъ какъ ея мужъ, извѣстный „философъ", занималъ высокое положеніе въ финансовой администраціи, въ качествѣ inspecteur des monnaies.

[3]) Таковы салоны: M-me Geoffrin (самый вліятельный изъ салоновъ своего времени, 1740—1777 гг.), M-lle de Lespinasse, M-me de Graffigny, M-me de Marchais.

[4]) Таковы салоны: артистокъ M-lle Quinault († 1759) и M-lle Guimard († 1816), художницы Vigée-Lebrun, жены академика M-me Saurin и т. д.

[5]) Важнѣйшими изъ этихъ кружковъ были тѣ, которые собирались у энциклопедистовъ Гельвеція и барона Гольбаха и у „экономиста" маркиза Мирабо. Кромѣ того, писательскія собранія имѣли мѣсто у академика Choiseul-Gouffier, у писателя и гастронома Grimod de la Reynière, у государственныхъ откупщиковъ Pelletier, Corancez de la Popelinière и др.—Съ салонною жизнью во Франціи знакомятъ насъ многочисленные современные мемуары и письма современниковъ; важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ перечислены у *Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t. VI, p. 444—446. Дополнимъ этотъ списокъ указаніемъ на *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 93 et suiv. У Petit de Julleville можно найти и довольно обстоятельную библіографію новѣйшихъ трудовъ объ этомъ предметѣ, которую можемъ дополнить указаніями еще на слѣдующія сочиненія: *Chasles,* les Salons français et la Société anglaise au XVIII-e siècle (*Revue des deux Mondes,* 1845); *Bidoire,* la Société française au XVIII-e siècle (ibidem, 1847); *de Witt,* la Société française au XVIII-e siècle (ibidem, 1864); *du Bled,* de l'Isle, le salon de la duchesse de Polignac (ibidem, 1890); *Caro,* la Fin du XVIII-e siècle, Paris, 1880 (Paris et la Société française de 1765 à 1775, d'après Horace Walpole, перепечатано изъ *Revue des deux Mondes,* 1772); *Perey* et *Maugras,* la Jeunesse de M-me d'Epinay, les dernières années de M-me d'Epinay, son salon et ses amis, d'après des lettres et des do-

Когда сколокъ съ придворной культуры [1])—салоны постепенно, главнымъ образомъ съ половины восемнадцатаго столѣтія, демократизировались, или лучше сказать—деаристократизировались, тогда и „разговоръ" конечно пошелъ другой въ этихъ салонныхъ кружкахъ. Но значенія своего, какъ фактора общественнаго мнѣнія, „разговоръ" отъ этого отнюдь не потерялъ; быть можетъ, даже—напротивъ. Спустившись съ верхнихъ этажей общественнаго зданія въ средніе этажи, гдѣ было менѣе просторно и болѣе людно,—гдѣ поэтому температура стояла на гораздо болѣе высокихъ градусахъ, чѣмъ это было въ верхнихъ, менѣе людныхъ этажахъ, *разговоръ пріобрѣлъ небывалую мощь, какъ факторъ общественности*: его поле дѣйствія необычайно расширилось, его содержаніе стало не въ примѣръ богаче; разговоръ сталъ и многостороннѣе и жизненнѣе. Литературно-эстетическія, художественныя и свѣтскія темы, преобладавшія въ болѣе раннихъ салонахъ, постепенно отступаютъ въ позднѣйшихъ на второй планъ передъ вопросами соціальными и политическими; изъ *bureaux d'esprit* [2]), салоны превращаются постепенно въ нѣчто въ родѣ „генеральныхъ штатовъ въ миньятюрѣ" [3]).

Когда на ряду съ салонами традиціоннаго типа и болѣе упрощенными „философскими синагогами", въ послѣдніе годы передъ революціей стали возникать, „на англійскій манеръ", *клубы* [4]), пред-

---

cuments inédits, Paris, 1882—1883, 2 vol.; *Perey,* les Figures du temps passé: Comment on crée un salon, Paris 1900; *Guillois,* la Marquise de Condorcet, sa famille, son salon, ses amis, Paris, 1897; *Doumic,* la Marquise de Condorcet (*Revue des deux Mondes,* février 1897).

[1]) Таковъ, какъ извѣстно, первый „салонъ"—„отель Рамбулльe".

[2]) *Mercier,* Tableau de Paris, t. VI. p. 175: „*Bureaux d'esprit.* On appelle ainsi toute maison où la maîtresse affiche son goût pour la littérature, fait profession d'en parler, et se pique de s'y connaître".

[3]) *Bézenval,* Mémoires, t. I, p. 368 (цит. по *Rocquain,* l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 288).

[4]) *Mémoires secrets,* t. XXIII (4 juillet 1783): „Depuis quelque temps il s'est élevé un *Club,* sous le nom de *Société philantropique;* elle est composée de citoyens de tous les ordres de l'Etat.."—Ibidem, t. XXV (23 avril 1784): „C'est à l'instar du fameux *Club littéraire* du café de Saint-James, établi à Londres par Willis, Steele, Adisson, Swift, où a été composé le fameux *Spectateur,* que M. Bussy veut instituer le *Lycée de Paris...* Il y aura quatre salles pour le service des membres, la première pour la lecture, la seconde pour l'étude, la troisième pour les conférences, et la dernière pour les exercices..."—Ibidem, t. XXVIII (11 janvier 1785): „Après les *Clubs,* les *Musées,* les *Lycées* etc. il (M.

ставляющіе собою дальнѣйшую и послѣднюю стадію упрощенія и дезаристократизаціи салонной культуры,—температура „разговора", естественно, еще болѣе повысилась [1]). Наконецъ, многіе изъ парижскихъ *кафэ* сдѣлались въ это время настоящими клубами, которые имѣли своихъ завсегдатаевъ, сходившихся сюда не столько для питья, сколько для разговора [2]).

XII.

Салоны, писательскіе кружки, „англійскіе" клубы, кафе являлись настоящими конторами ежедневныхъ свѣтскихъ, литературныхъ и политическихъ новостей, гдѣ путемъ обмѣна мыслей по ихъ поводу, индивидуальныя „мнѣнія" незамѣтно переработывались въ органическіе элементы „общественнаго мнѣнія".

Являясь однимъ изъ существенныхъ факторовъ выработки послѣдняго, существовавшіе многочисленные очаги общественнаго „разговора" играли въ то же время и роль посредниковъ между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, которое, при ихъ посредствѣ, имѣло возможность постоянно быть au courant господствующихъ общественныхъ теченій и настроеній. Какимъ образомъ? Да очень просто: вѣдь представители правительства, какъ мы видѣли, составляли органическую часть той же самой соціальной семьи, которая составляла главное ядро тогдашняго образованнаго общества: это все то же „государственное дворянство", включавшее

Champcenets) parle du *Mariage de Figaro,* etc.".—Ibidem, t. XXIX (9 août 1785): „Ce ne sont que *Musées,* que *Clubs* de tous côtés..."—Сравн. ibid., t XXVIII, p. 44 (17 janvier 1785).

1) *Senac de Meilhan,* Des principes et des causes de la Révolution, p. 79—80 „On laissa établir dans Paris des *clubs* à la manière anglase, sans prévoir que des assemblées de gens de tout état, choisis d'après la convenance des personnes et de leurs sentiments, inviteraient, comme en Angleterre, à discuter toutes les questions relatives au gouvernement, feraient circuler promptement les opinions et les nouvelles, et que rien n'était plus propre à enflammer les esprits".—*Mercier,* Tableau de Paris, t. X, p. 132 et suiv.: „...Ce sont presque partout des *clubs,* où la musique et quelquefois l'instruction président... Le goût des *cercles,* inconnu à nos pères et copié des Anglais, a commencé à se naturaliser à Paris. Dans ces sortes d'assemblées on s'instruit en s'amusant ...Les cafés regorgent d'hommes dont la seule occupation, toute la journée, est de débiter ou d'entendre des nouvelles..."

2) См. послѣднюю цитату въ предыдущемъ примѣчаніи

въ себя и высшую знать и дворянскую аристократію, и средніе слои дворянства и парламентско-муниципальную магистратуру, и финансовую знать. Правда, на ряду съ представителями различныхъ слоевъ государственнаго дворянства мы находимъ въ салонахъ также представителей литературы и науки. Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности во второй его половинѣ, грань, отдѣляющая міръ „свѣтскаго общества" и міръ „литературной республики", успѣла до такой степени стушеваться, что часто въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно распознать, гдѣ кончается „свѣтскій человѣкъ" (homme du monde) и гдѣ начинается „человѣкъ литературы" (homme de lettres),— гдѣ кончается знатный баринъ или „магистратъ", и гдѣ начинается писатель или ученый. Въ этотъ „просвѣщенный вѣкъ" почти всякій баринъ, всякій магистратъ или финансистъ въ то же время немножко (а иногда и много) и писатель, и наоборотъ — большинство писателей въ эту пору принадлежатъ, по своему соціальному положенію, къ различнымъ слоямъ все того же государственнаго дворянства.

Представители чистой *roture* въ литературѣ этого времени сравнительно немногочисленны. Въ числѣ ихъ встрѣчаются, правда, такія звѣзды первой величины, какъ „женевскій гражданинъ" Жанъ-Жакъ Руссо, какъ сынъ часовщика Каронъ-де-Бомаршэ, какъ сынъ слесаря Дидро; но другая сторона, не уступая ни въ чемъ качествомъ, во много превосходитъ количествомъ. Начать съ самого „патріарха философовъ": Вольтеръ, сынъ нотаріуса Аруэ, вышелъ какъ извѣстно, изъ судейскаго дворянства (noblesse de robe) и, несмотря на свою постоянную войну противъ всякихъ „предразсудковъ", въ томъ числѣ и сословныхъ, никогда не могъ забыть о своемъ дворянскомъ званіи [1]). Одинъ изъ столповъ *Энциклопедіи*, д'Аламберъ, имѣлъ чисто аристократическое, хотя и незаконное происхожденіе [2]). Авторъ *Духа законовъ* принадлежалъ къ верхнему слою парламентской магистратуры по своему положенію и къ старинному дворянству по своему происхожденію [3]). Его сверстникъ

[1]) Чѣмъ подавалъ поводъ Фридриху II смѣяться надъ собой. См. *Desnoirresterres*, Voltaire et Frédéric, Paris, 1870.

[2]) Онъ былъ, какъ извѣстно, незаконнымъ сыномъ знаменитой маркизы de Tencin отъ chevalier Destouches-Canon.

[3]) Именно, къ старинной гюэнской фамиліи Secondat. Онъ носилъ титулъ барона de la Brède et de Montesquieu и былъ сначала совѣтникомъ, потомъ президентомъ à mortier въ бордоскомъ парламентѣ.

маркизъ д'Аржансонъ принадлежалъ къ парламентской магистратурѣ по своему происхожденію и къ магистратурѣ административной по своему положенію (интендантъ, потомъ министръ) [1]. То же самое— Тюрго, одинъ изъ выдающихся „философовъ-экономистовъ" своего времени [2]. Кондорсэ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи и занималъ высокое положеніе въ администраціи (въ качествѣ inspecteur des monnaies) [3]. Бюффонъ происходилъ изъ провинціальной парламентской магистратуры [4]. Академикъ Дюкло—изъ провинціальной же муниципальной магистратуры (сынъ мера города Динана) [5]. Академикъ Сорэнъ былъ одно время адвокатомъ при парламентѣ [6]. Серванъ и Дюпати были генеральными адвокатами—первый гренобльскаго, второй бордоскаго парламента [7]. Флоріанъ принадлежалъ къ старой дворянской фамиліи [8]. Дворянскаго же происхожденія были Ривароль и chevalier de Jaucourt, одинъ изъ главнѣйшихъ работниковъ *Энциклопедіи* [9]. Экономистъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ вышелъ изъ рядовъ парламентской магистратуры, къ которой принадлежалъ и по своему положенію (въ качествѣ совѣтника парижскаго парламента [10]). „Философъ" Гальвецій, знаменитый химикъ Лавуазье и драматургъ Nivelle de la Chaussée принадлежали, по своему положенію, а частью и по своему происхожденію, къ финансовой знати [11], и т. д.

Еще не такъ давно прикосновенность къ писательству была

---

1) *Armand Brette*, la France au milieu du XVII-e siècle d'après le Journal du marquis d'Argenson, Paris, 1898 (см. въ концѣ *Généalogie sommaire de la famille de Voyer d'Argenson*).

2) См. выше, стр. 42, примѣч. 2.

3) *Chaudon et Delandine*, Nouveau dictionnaire historique, Lyon, 1804, t. II, p. 568; *Lalanne*, op. cit, p. 575—576.

4) Отецъ его былъ совѣтникомъ дижонскаго парламента.—*Petit de Julleville*, Histoire de la littérature française, t. VI, p. 208.

5) *Chaudon et Delandine*, op. cit., t. IV, p. 372.

6) *Bersot*, Etudes, p. 79—80; *Carré*, la France sous Louis XV, p. 158—160.

7) *Quérard*, la France littéraire, t. VIII, p. 472.

8) *Chaudon et Delandine*, op. cit., t. V, p. 134.

9) *Quérard*, op. cit., t. VIII, p. 59; *Chaudon et Delandine*, t. VI, p. 454; *Petit de Julleville*, op. cit.

10) *Quérard*, op. cit., t. V, p. 140.

11) Гельвецій и Лавуазье были оба государственными откупщиками; Нивелль-де-ла-Шоссэ—племянникомъ откупщика.—*Lalanne* op. cit., p. 977—1103; *Chaudon et Delandine*, op. cit., t. IX, p. 76.

чѣмъ-то зазорнымъ для человѣка „извѣстнаго ранга“. „Опубликованіе сочиненія—говоритъ Сенакъ-де-Мейльянъ—, доставляя литературную извѣстность знатному человѣку, дѣлала его до извѣстной степени смѣшнымъ въ глазахъ лицъ его круга. Наука и умъ были еще въ нѣкоторомъ родѣ дѣломъ не-дворянскимъ. Вступая въ ряды писателей, человѣкъ извѣстнаго ранга, казалось, спускался въ нѣкоторый низшій классъ. Качество писателя было почти неодолимымъ препятствіемъ для сколько-нибудь выдающейся карьеры“ [1]). Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка этотъ „готическій и нелѣпый предрасудокъ“ [2]), „достойный эпохи варварства“ [3]), безвозвратно сданъ въ архивъ. „Будь у меня къ тому талантъ—заявляетъ одинъ знатный баринъ—, я завтра же принялся бы писать комедію, а подзадорь меня немножко, я пустился бы самъ же ее разыгрывать“ [4]). Стоитъ ли этому удивляться, послѣ того, что, съ легкой руки Фридриха II, коронованныя особы не только стали ухаживать за писателями, но и самолично „опускаться“ до роли простыхъ гражданъ „литературной республики“? [5]).

XIII.

Если было время, когда писательство могло повредить чиновной карьерѣ, то при Людовикѣ XVI дѣло измѣнилось настолько, что у современнаго хроникера, какъ мы видѣли, вырывается замѣчаніе: „Скоро придется быть писателемъ для того, чтобы занять мѣсто въ администраціи“ [6]). Дѣйствительно, писательство успѣло въ это вре-

1) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 168—169.

2) „Préjugés gothiques et absurdes sur la culture des lettres“—выраженіе, цитируемое, со словъ Тилли, *Тэномъ,* les Origines, t. I, p. 409.

3) *Senac de Meilhan,* op. cit., p 168: „Qui croirait que dans la patrie des Corneille et des Montesquieu il existât un tel préjuge, digne des temps de barbarie?“

4) *Taine,* op. cit., t. I, p. 419.

5) Если во Франціи король самъ и не выступаетъ въ печати, то это дѣлаютъ—при Людовикѣ XVI—его братья: графъ Прованскій, графъ д'Артуа, а также герцогъ Орлеанскій.—*Bersot,* Etudes, p. 87 et suiv.—Впрочемъ, по словамъ д'Аламбера, въ пятидесятыхъ годахъ, „malgré cette lumière générale dont se glorifie notre siècle philosophe, il est encore bien des gens, et bien plus qu'on ne croit, pour qui la qualité d'auteur ou d'homme le lettres n'est pas un titre assez noble“.—*D'Alembert,* Oeuvres philosophiques, Paris, 1805, t. III, p. 75 (*Essai sur la société des gens de lettres*).

6) См. выше, стр. 40.

мя стать, если и не необходимымъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко не безполезнымъ въ этомъ отношеніи.

Наглядное тому свидѣтельство—Неккеръ и его министерская карьера. Своимъ примѣромъ Неккеръ „восторжествовалъ надъ предразсудкомъ, который не позволялъ лицамъ, призваннымъ по своему рожденію или положенію къ видной общественной роли, опубликованія своихъ идей“ [1]). Неккеръ былъ уже писателемъ съ громкой извѣстностью [2]) въ то время, когда получилъ постъ министра. Онъ „первый посвятилъ вопросамъ администраціи пышность краснорѣчія и цвѣты воображенія“ [3]). Во всякомъ случаѣ, его писательская извѣстность занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ числѣ факторовъ его возвышенія на постъ министра. Но, и сдѣлавшись министромъ, онъ продолжалъ свою писательскую дѣятельность, которая достигла особенно высокаго напряженія послѣ первой отставки [4]).

Тюрго, хотя и менѣе плодовитый, является однако еще болѣе

---

[1]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 168.

[2]) Достаточно сказать, что выпущенное имъ въ 1775 г. сочиненіе на одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ современности—*De la législation et du commerce des grains* -выдержало въ короткое время до двадцати изданій.— *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 393.

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 217 et suiv.

[4]) Сочиненія, напечатанныя Неккеромъ до перваго министерства: Réponse au Mémoire de l'abbé Morellet sur la Compagnie des Indes, Paris, 1769; Eloge de Colbert, discours qui a remporté le prix de l'Académie française, Paris, 1773; Sur la législation et le commerce des grains, Paris, 1775.—Сочиненія, напечатанныя во время перваго министерства: Mémoire présenté au Roi en 1778; Compte rendu, présente au Roi au mois de janvier 1781, Paris, 1781.—Сочиненія, вышедшія послѣ отставки Неккера въ 1781 г.: Sur le bonheur des sots, Paris, 1782; De l'administration des finances de la France, Paris, 1784, 3 vol.; Défense contre M. de Colonne, 1787; Mémoire d'avril 1787; De l'importance des opinions religieuses, Paris, 1788; Aperçu de la situation des finances, Paris, 1789, Discours dans l'assemblée des Etats-généraux, 1789; Lettre à M. le président de l'Assemblée nationale, 1789; Mémoire lu à l'Assemblée nationale le 14 novembre 1789; Observations sur l'avant-propos du Livre rouge, 1790; Sur l'administration de M. Necker, par lui-meme, Paris, 1791; Du pouvoir exécutif dans les grands Etats, 1792; Réflexions présentées à la nation française sur le procès intenté à Louis XVI, 1792; de la Révolution française, 1796, 4 vol.; Cours de morale religieuse, Genève, 1800, 3 vol.—Собраніе сочиненій Неккера было издано его внукомъ, барономъ Сталемъ въ 1820—1821 г. въ 15 томахъ. Въ это изданіе вошли также нѣкоторыя не изданныя ранѣе сочиненія Неккера.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 392—395.

крупнымъ писателемъ, чѣмъ Неккеръ. Хотя про него и нельзя сказать, чтобы своею служебною карьерой онъ былъ обязанъ своему писательству, тѣмъ не менѣе, онъ не оставлялъ послѣдняго въ теченіе всей свой административной и государственной дѣятельности —сначала въ качествѣ лиможскаго интенданта, потомъ въ качествѣ генералъ-контролера [1]).

Если Тюрго и Неккеръ одни лишь среди министровъ Людовика XVI могутъ быть названы выдающимися писателями, то прикосновенности къ писательству въ большей или меньшей степени не чужды [2]) и многіе изъ ихъ „собратьевъ". Назовемъ: Мальзерба [3]), де-Калонна [4]),

---

1) *Anne-Robert-Jacques Turgot,* le Conciliateur, ou Lettres d'un ecclésiastique à un magistrat, Rome, 1754 (см. черезъ одно примѣчаніе ниже) (написано, по Керару, совмѣстно съ Ломени де-Бріенвемъ); Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, 1766; les Trente-Sept vérités opposées aux Trente-sept impiétés de Bélisaire, censurées par la Sorbonne, par un bachelier ubiquiste, Paris, 1867; Lettres sur les émeutes populaires occasionnées par la cherté des grains, 1769 (*Quérard,* op. cit., t. IX, p. 577: „Une note manuscrite attribue cet ouvrage à Turgot. Barbier considère ce renseignement comme douteux"); Lettres sur les grains écrites à Turgot, 1788; Mémoire qui contient les principes de l'administration politique sur la propriété des carrières et des mines, 1790.—Тюрго напечаталъ также цѣлый рядъ крупныхъ статей въ *Энциклопедіи* (важнѣйшія изъ которыхъ: *Foires et Marchés, Fondation* и *Fondations*): но бóльшая часть сочиненій Тюрго была напечатана лишь послѣ его смерти, частью отдѣльно, но главнымъ образомъ въ полномъ собраніи сочиненій Тюрго, изданномъ въ 1808—1811 г. въ 9 томахъ его сотрудникомъ и другомъ Дюпономъ, а также въ болѣе новомъ изданіи Дэра въ 1844 г. въ двухъ большихъ томахъ (въ *Collection des principaux économistes*). Въ оба эти изданія вошли также многіе изъ офиціальныхъ актовъ административной и государственной дѣятельности Тюрго.

2) Или же сдѣлались причастными позднѣе.

3) *Lamoignon de Malesherbes,* Discours prononcé dans l'Académie française, à sa réception, Paris, 1775; Mémoire sur le mariage des protestants, 1785; Second Mémoire, 1787, Lettre sur la révocation de l'Edit de Nantes, 1788; Mémoire; sur la liberté de la presse; Mémoire sur les moyens d'accélerer l'économie rurale en France; Idées d'un agriculteur patriote sur le défrichement des terres incultes, 1791; Mémoire pour Louis XVI, 1794; Mémoire sur la liberté de la presse, Paris, 1809.—*Quérard,* la France littéraire, t. IV, p. 500—501.—Кромѣ того, Мальзербъ былъ авторомъ напечатанныхъ въ 1775 г. *Remontrances de la Cour des aides de Paris* (см. выше, стр. 129, примѣч. 2).

4) *Ch.-A. de Calanne,* Tant mieux pour elle, conte plaisant, 1760 (*Quérard,* op. cit., t. II, p. 26: „Opuscule que quelques personnes ont attribué a l'abbé de Voisenon, et que d'autres ont assuré être la première production de Calonne");

Ломени-де-Бріення [1]), де-Монбаррэ [2]), де-Сенъ-Жермена [3]), де-Сартина [4]), де-Верженния [5]).

При такомъ положеніи вещей представляется очевиднымъ, что *между правительственными сферами—съ одной стороны, и обществомъ—съ другой, не было никакой глухой стѣны:* *люди*, кото-

---

Mémoires concernant la navigation des rivières de la province des Trois-Evêchés, 1773; Observations et jugements sur les coutumes d'Amiens, d'Artois, de Boulogne, de Porthieu, sur plusieurs matières de droit civil et du droit coutumier, 1784; Lettre d'un avocat au défenseur du comte de Ch.., 1786; Correspondance de Necker avec Calonne, 1787; Requête au Roi, Londres, 1788; Réponse de Calonne à l'écrit de Necker, Londres, 1788; Comte rendu aux nations, Dresde, 1788; Motif pour différer jusqu'à l'assemblée des Etats généraux la refutation du nouvel écrit que Necker vient de publier, 1789; Note sur le *Mémoire* remis par M Necker au comité des subsistinces, Londres, 1789; Lettres de Calonne au Roi, Londres, 1790; De l'état de la France présent et à venir, Londres, 1790; Observations sur les finances, Londres, 1790; Esquisse de l'état de la France, 1791; Lettre d'un publiciste de France à un publiciste d'Allemagne, 1791; Mémoire contre le décret rendu le 14 février 1791 par l'assemblée soit-disant nationale, Venise et Paris, 1791; Lettre au citoyen auteur du Rapport prétendu fait à S. M. Louis XVIII (par Montyon), 1796; Tableau de l'Europe en novembre 1795, Londres 1796; les Finances publiques de la France, Londres, 1797; Lettre à l'auteur des Considérations sur l'état des affaires publiques au commencement de l'année 1798, Londres, 1798.—*Quérard,* op. cit., t. II, p. 26: „On attribue aussi à Ch.-Alex. de Calonne une *Réponse à Montyon,* des *Remarques sur l'Histoire des révolutions de Russie,* par Rhulière, et un *Traité sur la police pour* (?) *l'Angleterre*".

[1]) *Etienne-Charles Loménie de Brienne,* le Conciliateur, ou Lettres d'un Ecclésiastique à un Magistrat, Rome, 1754 (*Quérard,* op. cit., t. V, p. 344: „On croit que le cardinal de Loménie est, avec Turgot, l'auteur de cet ouvrage"); Oraison funèbre de Dauphin, 1766; Compte rendu au Roi, Paris, 1788.—*Quérard,* l c.: „On lui doit encore plusieurs rapports et discours insérés dans les procès-verbaux des assemblées du clergé".

[2]) *Le prince de Monbarrey,* Mémoires, Paris, 1826—1827, 4 vol.—*Quérard,* op. cit., t VI, p. 232: „La *Biographie universelle* dit que le prince de Montbarrey est aussi auteur des *Mémoires sur différentes parties de l'art militaire,* qui fixèrent sur lui l'attention du conseil de guerre où il fut admis en 1776".

[3]) *Le comte de Saint-Germain,* Correspondance particulière, Londres, 1789, 2 vol.—*Quérard,* op. cit, t. VIII, p. 336.

[4]) *De Sartine,* Discours prononcé au Châtelet de Paris à l'occasion de la retraite de M. d'Argouges.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 461.

[5]) *Le comte de Vergennes,* Mémoire historique et politique sur la Louisiane, Paris, 1802.—*Quérard,* op. cit., t. X, p. 108.—Обходимъ здѣсь молчаніемъ Бертранъ-де-Молльвилля, который, хотя и былъ министромъ, но уже послѣ 1789 г.

рые толпились въ парижскихъ салонахъ, литературныхъ кружкахъ и клубахъ, и люди, которые занимали министерскіе кабинеты и наполняли министерскія канцеляріи, принадлежали, за немногими исключеніями, къ одной и той же соціальной семьѣ. Даже болѣе того: зачастую это были въ обоихъ случаяхъ *одни и тѣ же люди.* Тюрго былъ своимъ человѣкомъ въ салонахъ M-me du Deffand, M-me Geoffrin, и др. [1]) Неккеръ самъ фигурируетъ въ качествѣ хозяина (хотя и уступающаго первенствующую роль хозяйкѣ) одного изъ наиболѣе видныхъ „философскихъ салоновъ" своего времени[2]). Трюдэнь и Кондорсэ, видные сановники центральной администраціи, не только фигурируютъ въ числѣ посѣтителей различныхъ парижскихъ салоновъ, но и „держатъ" свои собственные салоны. Въ числѣ посѣтителей различныхъ салоновъ встрѣчаемъ также Гурнэ и Дюпона, которые съ своимъ высокимъ положеніемъ въ финансовомъ вѣдомствѣ (оба они были „интендантами коммерціи") соединяли и званіе писателей-„экономистовъ" [3]).

XIV.

Салоны служили также однимъ изъ главныхъ орудій, при помощи которыхъ общество оказывало свое воздѣйствіе на печать. Книги писались въ ту пору, главнымъ образомъ, для „публики" салоновъ [4]) и даже, „такъ сказать, подъ ея диктовку", по характерному выраженію историка и почти современника эпохи [5]).

---

[1]) Въ томъ числѣ въ „философской синагогѣ" Гельвеція.

[2]) Въ числѣ его посѣтителей встрѣчаемъ: Дидро, д'Аламбера, аббатовъ Галіани и Морелле, Бюффона, Гримма, Томà, Сюара, Сенъ-Ламбера и др.— *Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t VI, p. 415—419. Сравн. *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc: „M-me Necker, espèce d'érudite qui avait eu besoin de s'instruire pour subsister, avait fait de sa maison un bureau d'esprit".

[3]) *Quérard,* la France littéraire, t. II, p. 228, 706.

[4]) „Point de livres qui ne soient écrits pour les gens du monde, et même pour les femmes du monde" (выраженіе Тэна, цитируемое у *Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française t. VI, p. 386—387).

[5]) *De Barante,* De la littérature française pendant le XVIII-e siècle, Paris, 1824, p. 215: „Les livres n'ont pas seulement reçu l'influence du public; ils ont, pour ainsi dire, été écrits sous sa dictée".—Le baron de Barante, родившійся въ 1782 г., можетъ, слѣдовательно, считаться младшимъ современникомъ дѣятелей восьмидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія.

Дѣйствительно, если, вообще говоря, *литература* въ конкретной дѣйствительности не отдѣлима отъ *общества*, котораго она есть плоть отъ плоти и кость отъ кости, такъ какъ вѣдь писатели сами составляютъ органическую часть общества и дышать одною съ нимъ духовною адмосферой,—то это особенно вѣрно по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ, когда высокая степень развитія салонной общественности до такой степени тѣсно спаяла между собою свѣтское общество и литературу, что во многихъ случаяхъ, какъ уже было замѣчено, трудно было сказать, гдѣ кончается *homme du monde*, и гдѣ начинается *homme de lettres*, и наоборотъ.

Въ особенности сильное вліяніе „публики“ испытывала злободневная пресса, являвшаяся въ значительной своей части отраженіемъ и отчасти даже просто воспроизведеніемъ салоннаго „разговора“. Дѣло не столько въ періодической прессѣ, этомъ „разговорѣ между тысячами собесѣдниковъ“—она сравнительно мало еще была развита въ ту пору,—сколько въ тѣхъ частью крупныхъ, но въ огромномъ большинствѣ мелкихъ произведеніяхъ—по большей части нелегальной прессы, которыя служили тогда главнымъ органомъ текущей злобы дня. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ собою всѣ эти памфлеты, разнаго рода „словари“, „катехизисы“, „альманахи“, „афиши“, иногда печатные, часто рукописные летучіе листки [1]), *nouvelles à la main* [2]), эти ходячіе анекдоты, эпиграммы, *mots, couplets, chansons* [3]), которые по боль-

[1]) *Mémoires secrets*, t. XII, p. 162 (13 novembre 1778): „Cet article est extrait d'une gazette manuscrite très accréditée dans Paris et dans les provinces“.—Одинъ изъ такихъ рукописныхъ листковъ, вышедшій въ началѣ 1776 г. изъ кружка маршала де-Ришелье, и направленный противъ Тюрго, напечатанъ цѣликомъ у *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. III, p. 431—435.

[2]) Нѣкоторыя изъ рукописныхъ *nouvelles à la main* второй половины восемнадцатаго вѣка напечатаны въ различныхъ научно-историческихъ сборникахъ, напр., въ многократно нами цитированномъ собраніи документовъ *Hippeau*, le Gouvermement de Normandie, въ *Travaux de la Société... de l'Eure*, 5-e série, t. V, p. 90—102, и друг.

[3]) „En France, tout finit par des chansons“—гласитъ ходячее выраженіе.—Сравн. *Taine*, les Origines, t. I, p. 164: „Alliances, batailles, impôts, traités, ministères, coups d'Etat, on a toute l'histoire du siècle en épigrammes et en chansons“. Для восемнадцатаго вѣка имѣется превосходное собраніе chansons: *Recueil Clairambault-Maurepas, Chansonnier historique du XVIII-e siècle*, Paris, 1879—1884, 10 vol.

шей части не нуждались даже въ посредничествѣ не только типографскаго станка, но и пера, для того чтобы стать общимъ достояніемъ „публики“, – что такое представляютъ собою всѣ эти явленія прессы, въ которой иногда трудно сказать, гдѣ кончается устная рѣчь и гдѣ начинается печатное слово,—что такое они представляютъ собою, какъ не брызги живого тысячеустаго „разговора“ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ,—разговора салоновъ и клубовъ, разговора кафе и бульваровъ?... Иногда эти мелкія произведенія, суммируясь, образуютъ объемистые повременные, хотя и безъ строгой періодичности, сборники, наиболѣе виднымъ и типичнымъ образчикомъ которыхъ являются такъ называемые *секретные мемуары Башомона*; послѣдніе, дѣйствительно, представляютъ собою не что иное, какъ сшитый бѣлыми нитками, въ хронологическомъ порядкѣ, сборникъ *nouvelles à la main*, а эти послѣднія представляли собою не что иное, какъ рукописное (иногда предававшееся печати) воспроизведеніе или résumé салонныхъ „разговоровъ“, съ прибавкою того, что при этихъ разговорахъ читалось (какъ-то: мелкихъ памфлетовъ, chansons, писемъ изъ провинціи, и т. п.)[1]).

XV.

Послѣ всего, что мы видѣли, становится очевиднымъ, что *свобода публичнаго слова не являлась необходимымъ условіемъ какъ для выработки общественнаго мнѣнія во Франціи занимающей насъ эпохи, такъ и для его внѣшняго выраженія*. Такимъ образомъ, вторая посылка силлогизма, о которомъ идетъ рѣчь [2]), какъ оказывается, не выдерживаетъ исторической провѣрки. Посмотримъ, насколько выдерживаетъ подобную провѣрку первая посылка того же силлогизма, утверждающая отсутствіе свободы публичнаго и въ частности печатнаго слова въ дореволюціонной Франціи.

Легальное положеніе прессы во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка опредѣлялось, между прочимъ, королевскими декларація 16-го апрѣля 1757 г., 23-го марта 1764 г. и 1767 г. Первымъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ воспрещалось „сочинять, печатать и распространять въ публикѣ сочиненія, направлен-

---

[1]) О происхожденіи *Мемуаровъ Башомона* см. *Hatin*, Histoire de la presse en France, Paris, 1859, t. III, p. 453—510.

[2]) См. выше, стр. 46.

ныя противъ религіи, королевской власти и общественнаго спокойствія", и это—*подъ страхомъ смертной казни* [1]). Второй изъ этихъ актовъ воспрещалъ „отнынѣ печатать что-либо касательно государственнаго управленія и финансовъ" [2]). Послѣдній изъ названныхъ актовъ предписывалъ полное молчаніе касательно всего, что относится къ религіи [3]). Наконецъ, въ самые послѣдніе годы передъ революціей, именно въ 1785 г., королевскимъ совѣтомъ было издано запрещеніе печатать въ періодическихъ изданіяхъ „разсужденія, письма и что бы то ни было относительно вопросовъ законодательства и юриспруденціи" [4]).

Возможно ли при такомъ положеніи дѣла говорить о какой бы то ни было „свободѣ слова"? Возможно ли даже вообще выраженіе какой-либо критической мысли? Возможно ли, наконецъ, при подобномъ режимѣ существованіе какой бы то ни было прессы? Да, возможно ли это?... И правда ли, что къ эпохѣ господства этого режима относится „сооруженіе" *Энциклопедіи*, этого „величайшаго памятника восемнадцатаго столѣтія"? Правда ли, что къ этой эпохѣ относится та „литература просвѣщенія", которая произвела переворотъ въ европейской мысли? Правда ли, что въ это именно время жили и писали Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, „экономисты"? Или, быть можетъ, Вольтеръ не написалъ ни строчки противъ религіи, Руссо не затрогивалъ вопросовъ государственнаго управленія, энциклопедисты не касались вопросовъ законодательства, а „экономисты" не заикались о финансахъ? Или, быть можетъ, всѣ эти писатели, или, по крайней мѣрѣ, добрая половина ихъ, съ Вольтеромъ во главѣ, и въ компаніи съ своими издателями и книгопродавцами, сложили свои головы на эшафотѣ во исполненіе королевской декларація 1757 г.?..

Всѣ эти и подобные имъ недоумѣнные вопросы разрѣшаются однако очень просто, если мы припомнимъ то, что было въ своемъ мѣстѣ сказано о той пропасти, которая въ до-революціонной Фран-

---

1) *Isambert,* Recueil, t. XXII, p. 272—274; *Tocqueville,* l'Ancien régime, p. 104; *Rocquain,* op. cit., p. 204; *Anna Soederhjelm,* le Régime de la presse, p. 11.

2) *Isambert,* Recueil, t. XXII, 400—410; *Rocquain,* op. cit., p. 244; *Anna Soederhjelm,* op. cit., p. 11.

3) *Isambert,* op. cit., t. XXII, p. 467; *Anna Soederhjelm,* l. c.

4) *Isambert,* op. cit., t. XXVIII, p. 17; *Guyot,* Traité des droits, t. III, p. 235; *Anna Soederhjelm,* l. c.

ціи отдѣляла законодательную норму отъ конкретной дѣйствительности [1]).

Въ данномъ случаѣ, пропасть, раздѣлявшая законъ и практику, углублялась еще вслѣдствіе того, что законодательная норма шла слишкомъ въ разрѣзъ съ общественными вѣяніями и настроеніями эпохи, которыя успѣли подчинить себѣ и тѣхъ людей, на которыхъ лежала офиціальная задача блюсти за осуществленіемъ этихъ нормъ. Какъ они въ этомъ случаѣ блюли свою задачу, яркая тому иллюстрація—образъ дѣйствій Мальзерба, стоявшаго во главѣ управленія печатью съ 1750 до 1763 г., по отношенію къ начавшемуся при немъ изданію *Энциклопедіи.* Съ первыхъ же томовъ послѣдняя, какъ извѣстно, вызвала яростныя нападки со стороны духовенства, особенно іезуитовъ, которые нашли себѣ поддержку съ одной стороны—при дворѣ, съ другой—со стороны парламентовъ. Мальзербъ, принадлежавшій къ числу „просвѣщенныхъ людей" своего вѣка, проникнутыхъ идеями „философіи", былъ въ душѣ преданъ дѣлу *Энциклопедіи*, и, насколько позволяло ему его офиціальное положеніе, старался спасти послѣднее отъ происковъ его многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ. Уступая настояніямъ послѣднихъ, Мальзербъ нашелъ себя однажды вынужденнымъ предписать арестовать всѣ бумаги Дидро. Наканунѣ ареста Мальзербъ вызываетъ къ себѣ Дидро и предупреждаетъ его о готовящемся обыскѣ. Дидро въ отчаяніи: какъ ему спасти свои рукописи?... „Пришлите ихъ ко мнѣ"—отвѣтилъ Мальзербъ. И рукописи были „спасены" отъ сыщиковъ... Мальзерба [2]).

Въ качествѣ неофиціальнаго защитника *Энциклопедіи*, Мальзербъ находилъ себѣ поддержку и со стороны нѣкоторыхъ изъ министровъ; таковы были д'Аржансонъ, Берни, Шуазель, которые всегда старались по возможности ослабить тѣ удары, которые направлялись противъ *Энциклопедіи* ея противниками [3]), сильными уже тѣмъ, что законъ былъ на ихъ сторонѣ... Но за-то противъ нихъ былъ „духъ времени": это былъ „вѣкъ просвѣщенія", и надъ „варварскимъ" *закономъ* торжествовалъ „просвѣщенный" *про-*

---

[1]) См. выше, т. I, стр. 115.

[2]) *Bersot,* Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 31.—Объ управленіи Мальзерба см. *Brunetière,* Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, Paris, 1897, 2-e série, p. 144—223 *(la Direction de la librairie sous M. de Malesherbes).*

[3]) *Petit de Julleville,* op. cit., t. VI, p. 342.

изволъ. Въ дѣлѣ свободы прессы при Мальзербѣ Франція, по выраженію Вольтера, „стала наполовину Англіей“ [1]). Съ той только существенной разницей, что у англичанъ была свобода, основанная на законѣ, а у французовъ — свобода, основанная на просвѣщенномъ произволѣ. Произволъ былъ слишкомъ въ нравахъ старой Франціи, а, съ другой стороны, — „просвѣщеніе“ сдѣлало настолько широкія завоеванія въ правительственно-административныхъ сферахъ, что перемѣны въ личномъ составѣ министерствъ и управленія дѣлами печати послѣ Мальзерба не измѣнили уже сущности дѣла; данное Мальзербомъ управленію печати направленіе было слишкомъ въ духѣ времени и въ то же время слишкомъ гармонировало съ исконными административными навыками, чтобы измѣнить свой курсъ. Канцлеръ Мопу, высшее начальство по дѣламъ печати, негласно покровительствуетъ ввозу во Францію изданныхъ за границею „наиболѣе нечестивыхъ сочиненій“ Вольтера [2]). По закону, заграничныя изданія должны были поступать предварительно въ синдикальныя камеры книготорговли, и уже оттуда выпускаться въ продажу по ихъ разсмотрѣніи цензурой. Цензура конечно не пропуститъ „нечестивыхъ сочиненій“ „безбожнаго философа“. Но дѣло можетъ быть устроено проще. Пусть „нечестивыя сочиненія“ адресуются на имя канцлера, который будетъ передавать ихъ по принадлежности — книгопродавцу Мерлэну. И вотъ, книгопродавецъ пользуется этимъ удобствомъ для того, чтобы выписывать заодно и различныя другія сочиненія, запрещенныя во Франціи, „и ихъ можно получить у него съ такою же легкостью, и въ такомъ же богатомъ выборѣ, какъ въ Голландіи“ [3])... Совершенно въ духѣ Мальзерба, только еще размашистѣе; но вѣдь и по своему положенію канцлеръ важнѣе начальника управленія по дѣламъ печати, который есть лишь его подчиненный.

Начало новаго царствованія было, какъ нельзя болѣе, благопріятно для прессы. Во главѣ двухъ министерствъ стали искренніе „друзья философіи“ и убѣжденные сторонники свободы мысли и слова: Мальзербъ и Тюрго. Эти министры дали почти небывалый про-

---

1) „Nous étions déjà à moitié chemin des Anglais“ (14 octobre 1763) (цит. по *Bersot,* Etudes, p. 31).

2) Успѣвшаго снискать благоволеніе канцлера своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ парламентамъ и сочувствіемъ къ реформѣ Мопу (уничтоженіе парламентовъ).

3) *Bersot,* Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 81.

сторъ прессѣ, доходившій, по выраженію современнаго хроникера, до „позволенія излагать свой образъ мыслей относительно высокопоставленныхъ лицъ“ (чего—замѣчаетъ онъ—раньше никогда не бывало) и „оглашать во всеобщее свѣдѣніе свои мысли объ улучшеніи различныхъ сторонъ финансоваго управленія“ [1]).

Послѣ Мальзерба и Тюрго—Неккеръ, тоже „другъ философіи“ и самъ гордящійся своей принадлежностью къ „литературной республикѣ“. Наступившая было послѣ отставки Неккера реакція не могла не отразиться и на прессѣ, но она была уже безсильна сдвинуть послѣднюю съ того пути, по которому ее направилъ „просвѣщенный произволъ“ въ лицѣ Мальзерба, и по которому ее гнали все болѣе и болѣе крѣпчавшія „вѣянія времени“.

Постановленіе совѣта 3-го іюня 1785 г. было послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ этой реаціи. Вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ созыва „націи“, въ іюлѣ 1788 г., прессѣ была впервые предоставлена „временно“ широкая легальная свобода; но этому „временному“ освобожденію предстояло получить въ 1789 г. значеніе окончательно санкціонированнаго закономъ порядка вещей.

XVI.

Итакъ, *не смотря на полное отсутствіе свободы, санкціонированной закономъ, печать пользовалась въ занимающую насъ эпоху извѣстною фактическою свободой, основанной на „просвѣщенномъ произволѣ“*. О многомъ писать было запрещено, но обо всемъ этомъ все-таки сотни и тысячи перьевъ писали, а затѣмъ десятки и сотни типографскихъ станковъ предавали написанное тисненію. „Пресса—говоритъ современный наблюдатель, вспоминая о занимающей насъ эпохѣ,—не была свободна de jure, и однако это не мѣшало тому, что de facto печаталось все, что угодно“ [2]). Авторовъ „безбожныхъ“ и „противогосударственныхъ“ сочиненій конечно не казнили: ихъ сажали время отъ времени въ Бастилію или какой-либо другой изъ „коро-

---

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. IV, p. 171 (22 février 1777): „Dans aucun temps il n'a été permis chez nous de mettre au jour sa façon de penser sur les gens en place, mais sous le ministère de M. Turgot chaque citoyen avait la liberté de publier ses idées sur les moyens d'amélioration des différentes parties de la finance“.

[2]) *Pasquier,* Mémoires, t. I, p. 43 et suiv: „La presse n'était pas libre de droit, cependant tout s'imprimait, tout se colportait aves audace“.

левскихъ замковъ“. Эти непріятныя приключенія не мѣшали однако этимъ писателямъ продолжать свою писательскую дѣятельность въ томъ же духѣ, подобно тому, какъ въ наше время желѣзнодорожныя крушенія не мѣшаютъ продолжать ѣздить по нимъ пассажирамъ. Кары, постигавшія писателей, не только не парализовали ихъ писательской дѣятельности, но зачастую—наоборотъ, подогрѣвали ее, увеличивая ихъ популярность—съ одной стороны, съ другой—изощряя ихъ въ „искусствѣ высказывать *все*, такъ чтобы не попасть въ Бастилію въ странѣ, гдѣ не дозволено *ни о чемъ* говорить“ [1]). Это „искусство“, въ которомъ тогдашніе писатели достигали, дѣйствительно, поразительной виртуозности [2]), они ставили такъ высоко, что они почти готовы были открещиваться отъ свободы прессы, „установленной эдиктомъ“, такъ какъ такая свобода положила бы конецъ этому „искусству“ [3]).

Что касается легальныхъ каръ, постигавшихъ то или другое произведеніе печати, въ родѣ „запрещенія“ (suppression) отъ королевскаго совѣта, или сожженія рукою палача по приговору парламента [4]), то это оказывалось по большей части болѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ для преслѣдуемаго сочиненія, которое, благодаря публичной карѣ, пріобрѣтало разомъ и извѣстность и вмѣстѣ—притяга-

---

[1]) Выраженіе аббата Галіани, приводимое *Bersot*, Etudes, p. 13, изъ его корресподенціи.

[2]) Въ одномъ журналѣ было напечатано въ 1777 г. объявленіе о новомъ романѣ подъ заглавіемъ *l'Impuissant et la Coquette*. Оказалось, что въ дѣйствительности такой книги вовсе не выходило, а ея яко бы заглавіе заключало въ себѣ коварный намекъ на короля и королеву.—*Mémoires secrets*, t. X, p. 100 (14 avril 1777).

[3]) „Dieu vous préserve de la liberté de la presse établie par édit! Rien ne contribue davantage à rendre une nation grossière, à détruire le goût, à abâtardir l'éloquence et toute sorte d'esprit“. — *L'abbe Galiani*, Corresdondance, Paris, 1818 (цит. по *Bersot*, op. cit., p. 13). — Какъ далеки были отъ истиннаго пониманія свободы слова даже наиболѣе передовые и свободолюбивые изъ писателей того времени, показываетъ примѣръ d'Аламбера, который въ 1756 г. обратился къ Мальзербу, тогда начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, съ просьбой пріостановить издаваемую Врерономъ *l'Année littéraire* за то, что въ этомъ изданіи была допущена рѣзкая выходка противъ *Энциклопедіи*.—*Petit de Julleville*, Histoire de la langue et de la littérature française, t. VI, p. 337.

[4]) *Сожженіе* не слѣдуетъ себѣ представлять, какъ уничноженіе всего изданія. Сожженію подвергался обыкновенно лишь одинъ экземпляръ.

тельную силу запрещеннаго плода. Этимъ путемъ парламентъ и королевскій совѣтъ зачастую оказывали лишь услугу книгѣ, которая иначе рисковала пройти незамѣченной и заваляться на складѣ у издателя. „Вотъ еще сожженная книга!“ —пишетъ по поводу подвергшейся этой участи брошюры *le Cathéchisme du citoyen français* парижскій хроникеръ въ апрѣлѣ 1777 г. „Плохая политика—жечь книги. Сожженіе извлекаетъ ихъ изъ праха, въ которомъ имъ, быть можетъ, суждено было сгнить. Вотъ хотя бы этотъ *Катехизисъ*: безъ постигшей его публичной казни никто бы и не подозрѣвалъ о его существованіи. Онъ такъ сухъ, такъ неинтересенъ, такъ плохо написанъ, такъ напичканъ банальностями... Но онъ сожженъ! И сожженіе для книги приблизительно то же, что для писателя—званіе академика, которое, какъ извѣстно, Мидасовъ превращаетъ въ отмѣнныхъ умницъ... Тѣмъ лучше для насъ—говоритъ книгопродавецъ —мы вѣдь и живемъ глупостью писателей и публики“ [1]). На ряду съ плохими, запрещеніямъ и сожженію подвергались конечно и хорошія книги, но онѣ отъ этого тоже мало теряли, какъ показываетъ, напримѣръ, судьба вышедшей въ 1776 г. книги Бонсера *О неудобствахъ феодальныхъ правъ*; она была приговорена парламентомъ къ сожженію; результатомъ было то, что вскорѣ потребовалось новое изданіе [2]). Подобную же исторію видимъ около того же времени съ книгой *le Monarque accompli*, которой парламентскія преслѣдованія создали грандіозную рекламу [3]). Вышедшій въ 1784 г. трехтомный трактатъ Неккера о французскихъ финансахъ „производитъ— сообщаетъ современный хроникеръ—тѣмъ болѣе шума, что генералъ-контролеру (де-Калонну) удалось добиться запрещенія этого изданія“ [4]).

Кромѣ того, цензурныя строгости можно было обойти либо, какъ

---

1) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. IV, p. 292 (12 avril 1777).

2) *Mémoires secrets*, t. X (16 janvier 1777): „Malgré la proscription qu'a fait le parlement de la brochure intitulée *les Inconvénients des droits féodaux*, on en multiplie les éditions, et il en paraît une nouvelle“.

3) *Mémoires secrets*, t. X (19 décembre 1777): *„Le Monarque accompli*... Tel est le titre d'un livre qui, proscrit il y a près de deux ans par le parlement, n'en est devenu que plus recherché“.

4) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XVII, p. 222 (1 janvier 1785): „Son ouvrage (de Necker)... fait d'autant plus de bruit que le contrôleur général a réussi à en faire défendre la publication“.

мы видѣли, при благосклонномъ содѣйствіи самихъ же представителей цензурнаго вѣдомства, либо при помощи того „искусства“, о которомъ только что была рѣчь; а когда ни то, ни другое не удавалось, то къ услугамъ пишущей братіи являлись тайныя типографіи, недостатка въ которыхъ не было, при слабости правительственнаго надзора за этой частью; слабостью этой пользовались и легальныя типографіи для того, чтобы конкуррировать съ тайными въ печатаніи нелегальныхъ сочиненій, въ сочиненіи которыхъ, сказать къ слову, принимали участіе—на ряду съ профессіональными писателями—адвокаты, судьи, члены парламентовъ, а подчасъ и сами королевскіе цензоры [1]), наконецъ—министры [2]) и вплоть до принцевъ королевскаго дома [3]).

Наконецъ, къ услугамъ авторовъ нелегальныхъ сочиненій были типографіи Англіи, Голландіи, Швейцаріи и германскихъ областей, откуда сочиненія эти ввозились во Францію цѣлыми транспортами, благодаря недостаточно бдительному надзору, а иногда, какъ мы видѣли, и при благосклонномъ содѣйствіи самихъ властей до министровъ включительно. Дѣло идетъ не только о какихъ-нибудь мелкихъ брошюрахъ, но и о такихъ объемистыхъ и многотомныхъ изданіяхъ, какъ *Секретные мемуары Башомона*, какъ *Секретная корресподенція* Метра, какъ *Дневникъ революціи, произведенной канцлеромъ Мопу*: эти многотомныя сочиненія, печатавшіяся за границей, находили себѣ такой широкій сбытъ во Франціи, что успѣли выдержать каждое по два и болѣе изданій въ теченіе немногихъ лѣтъ.

XVII.

Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было *правовое* положеніе печати во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, *фактическое* ея положеніе было таково, что какъ литературная, такъ и злободневная пресса достигли въ эту пору небывалаго развитія. Съ

---

1) Таковъ, напримѣръ, Pidansat de Mairobert, censeur royal, secrétaire des commandements du duc de Chartres. авторъ и сотрудникъ многихъ произведеній нелегальной прессы (изданныхъ по большей части за границей).— *Quérard*, la France littéraire, t. VII, 151.

2) Этимъ грѣшилъ, напримѣръ, Морепа.

3) Графъ Провансскій, напримѣръ, принималъ участіе въ кампаніи подпольной прессы, направленной противъ Тюрго (см. ниже, стр. 195).

1757 по 1776 г. вышли въ Женевѣ 43 тома перваго „полнаго собранія сочиненій Вольтера", независимо отъ напечатаннаго въ Парижѣ собранія его сочиненій въ 22 томахъ въ 1757 г. и другихъ аналогичныхъ собраній, вышедшихъ въ Амстердамѣ въ 1764 г. въ 18 томахъ и въ Женевѣ въ тому же году въ 21 томѣ. Въ 1767—1778 г. печатается новое собраніе его сочиненій въ Женевѣ въ 30 томахъ, въ 1770—1780 г. въ Лозаннѣ въ 57 томахъ, въ 1771—1777 г. въ Люттихѣ въ 30 большихъ томахъ, въ семидесятыхъ годахъ въ Нефшателѣ въ 52 томахъ, въ 1775 г. въ Женевѣ въ 40 томахъ, въ томъ же году въ Ліонѣ въ 41 томѣ, въ 1785 году въ Келѣ въ 98 томахъ (напечатанное въ 15.000 экземпляровъ), въ 1785—1789 г. тамъ же въ 70 томахъ (напечатанное въ 28.000 экз.), въ 1784—1790 г. въ Базелѣ—въ 71 томѣ, независимо отъ множества изданій отдѣльныхъ сочиненій того же автора [1]). Излишне пояснять, что огромная часть изданій, напечатанныхъ внѣ Франціи, предназначалась для нея. Собранія сочиненій Руссо, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, выходятъ въ разныхъ мѣстахъ, частью во Франціи, съ промежутками въ два-три года, а въ восьмидесятыхъ годахъ почти ежегодно и даже—нѣсколько изданій одновременно [2]). Менѣе внушительны соотвѣтствующія данныя для другихъ писателей эпохи, но въ общей совокупности они слагаются во солидную величину [3]). Послѣдняя значительно увеличится, если присоединить къ ней колоссальный коллективный трудъ—*Энциклопедію* Дидро и Даламбера; независимо отъ оригинальнаго изданія этого труда во Франціи, вышедшаго въ 1750—1772 г., онъ вышелъ—частью одновременно съ оригинальнымъ—въ нѣсколькихъ перепечаткахъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ за границей [4]). Въ восьмидесятыхъ годахъ стало выходить новое, переработанное и значительно дополненное изданіе *Энциклопедіи*, законченное лишь въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ 166 томахъ) [5]). Прибавимъ, что *Энциклопедія* Дидро и д'Аламбера, имѣв-

---

[1]) См. *Quérard*, la France littéraire, t. X, p. 371—377.

[2]) Ibidem, t. VIII, p. 192 et suiv.

[3]) Данныя эти можно найти у *Quérard*, op. cit.

[4]) Въ Лозаннѣ—по мѣрѣ выхода томовъ оригинальнаго изданія; въ Луккѣ въ 1758—1771 г. въ 23 томахъ, въ Ливорно въ 1770 г. въ 33 томахъ, въ Женевѣ въ 1777 г. (передѣлка), въ Лозаннѣ въ 1778 (тоже), въ Ивердонѣ въ 1778—1780 г. (тоже).—*Petit de Julleville*, op. cit., t. VI, p. 341.

[5]) Подъ названіемъ *Encyclopédie méthodique*. Законченная недавно печатаніемъ *la Grande Encyclopédie*, величайшая изъ новѣйшихъ энциклопе-

шая огромный издательскій успѣхъ [1]), вызвала цѣлый рядъ подражаній [2]).

Что касается въ частности эпохи Людовика XVI, то корифеи литературы „философскаго вѣка", Вольтеръ, Руссо, Дидро, д'Аламберъ, доживали въ это время вечернюю зарю своей жизни на лаврахъ пріобрѣтенной въ предыдущее царствованіе славы. За-то на смѣну отходящему въ вѣчность поколѣнію великихъ „отцовъ" является менѣе богатое крупными величинами но за-то не въ примѣръ болѣе многочисленное поколѣніе „дѣтей". „Число писателей — говоритъ современникъ—размножилось до безконечности при Людовикѣ XVI" [3]). „Вышедшее въ восьмидесятыхъ годахъ изданіе *Альманахъ великихъ людей* показываетъ, какъ огромно во Франціи число людей, одержимыхъ маніей писательства". „Просто поразительна та масса произведеній, начиная мадригаломъ и кончая трагедіей, которыя появляются и исчезаютъ въ столицѣ, подобно тѣмъ насѣкомымъ, которыя рождаются, живутъ и умираютъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ" [4]).

Общая тенденція къ демократизаціи, которою характеризуется культура второй половины восемнадцатаго вѣка, сказалась между прочимъ и на прессѣ. На смѣну нѣсколькимъ „большимъ сеньерамъ" литературы является многочисленная мелкая литературная сошка, которая однако по-своему продолжаетъ дѣло своихъ великихъ отцовъ, популяризируя въ массахъ, пуская въ обращеніе размѣненными на общедоступную мелкую монету *Духъ законовъ* и *Общественный договоръ*, десятки фоліантовъ энциклопедіи и сотни томовъ Вольтера,—приспособляя къ уровню массы идеи „философіи" и пріурочивая ихъ къ животрепещущимъ вопросамъ текущей современности. Въ 1775 г. изъ тайныхъ типографій выходятъ и ходко

дій, по крайней мѣрѣ втрое менѣе, по своимъ размѣрамъ, названной энциклопедіи конца восемнадцатаго вѣка.

[1]) Не смотря на конкурренцію многочисленныхъ заграничныхъ перепечатокъ, уже въ 1769 г., то-есть за три года до окончанія изданія, рыночная цѣна *Энциклопедіи* превысила почти на 50 процентовъ номинальную.—*Petit de Julleville,* op. cit., t. VI, p. 341.

[2]) Напримѣръ, вышедшій въ восьмидесятыхъ годахъ многотомный *Dictionaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen* (экземпляръ этого изданія имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета).

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 155: „Le nombre des écrivains s'est multiplié à l'infini sous le règne de Louis XVI".

[4]) Ibidem, p. 166.

продаются „изъ-подъ полы" (sous le manteau) анонимныя сочиненія *Другъ законовъ* и *Катехизисъ гражданина*[1]), излагающія, по выраженію современнаго хроникера, въ формѣ „доступной для умовъ самыхъ простыхъ и недалекихъ, доктрины, которыя въ *Духѣ законовъ* и *Общественномъ договорѣ* закутаны въ трудную для пониманія метафизику" [2]).

Около того же времени выходятъ: *Записка о важныхъ вопросахъ публичнаго права*[3]) и *Принципы всеобщаго законодательства*, ратующіе за одно изъ основныхъ началъ, провозглашенныхъ „философіей",—за свободу печати [4]).

Большую сенсацію, въ значительной мѣрѣ обязанную торжественному осужденію со стороны парламента, произвела въ 1776 г. книга Ланжюинэ *Совершенный монархъ*, представляющая собою, подъ видомъ панегирика государю-философу (императору Іосифу II), сатиру на французское современное правительство [5]). Въ іюнѣ 1776 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ появленіе анонимнаго *Опыта о деспотизмѣ*; брошюру эту онъ характеризуетъ, какъ „самое гордое сочиненіе, какое только было до сихъ поръ написано объ этомъ предметѣ" [6]).

---

[1]) *L'Ami des lois; Cathéchisme du citoyen, ou Elements du droit public français.—Rocquain,* op. cit., p. 531.

[2]) *Mémoires secrets,* t. IX, p. 134 (15 juin 1776): „Cet ouvrage... met à la portée des plus simples et des plus ineptes une doctrine que *l'Esprit des Lois* et *le Contrat social* avaient noyée dans une métaphysique fort difficile à entendre".

[3]) Подвергшаяся осужденію со стороны королевскаго совѣта въ январѣ 1775 г.—*Isambert,* Recueil, t. XXIII, p. 130. — Сочиненіе это не значится въ спискѣ осужденныхъ книгъ, напечатанномъ Рокэномъ въ приложеніи къ его сочиненію „l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution".

[4]) *Principes de la législation universelle,* 1775. — *Bersot,* op. cit., p. 49.— Въ защиту свободы печати въ томъ же году вышло также сочиненіе аббата Морелле, написанное десять лѣтъ тому назадъ.—Ibidem. Сравн. *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 306.

[5]) *De Lenjuinais,* le Monarque accompli, Lausanne, 1774. Парижскій хроникеръ отмѣчается появленіе этой книги лишь въ маѣ 1776.—*Mémoires secrets,* t. IX, p. 100, 105 (3, 7 mai).—Сравн. *Rocquain,* op. cit., p. 532.

[6]) *Mémoires secrets,* t. IX, p. 140 (22 juin 1776): „Il paraît un *Essai sur le Desposme,* l'ouvrage le plus fier qui ait encore été écrit sur cette matière". Авторомъ этого сочиненія былъ графъ Мирабо. — *Quérard,* la France littéraire, t. VI, p. 155.

Нѣсколько времени спустя вышла анонимная книга, принадлежавшая тому же перу, *О запечатанныхъ приказахъ и государственныхъ тюрьмахъ* [1]). Въ 1780 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ появленіе книги, которая, подъ заглавіемъ *l'Alambic des lois,* предлагаетъ читателямъ теоріи *Духа законовъ* въ переводѣ на языкъ памфлета и въ примѣненіи къ современной политической дѣйствительности [2]). Въ началѣ 1788 г. узнаёмъ о появленіи *Изслѣдованія о происхожденіи религіознаго и политическаго рабства во Франціи* [3]). Въ концѣ того же года выходитъ *Челобитная королю объ уничтоженіи поповъ и монаховъ во Франціи* [4]), и т. д.

XVIII.

Періодическая пресса нѣсколько отстаетъ въ своемъ развитіи отъ прессы книжной; тѣмъ не менѣе, вторая половина восемнадцатаго вѣка, въ особенности же семидесятые и восьмидесятые годы, отмѣчены довольно замѣтнымъ оживленіемъ и въ этой области печати [5]). Дошедшій до насъ списокъ періодическихъ изданій, цир-

---

[1]) Des lettres de cachet et des prisons d'Etat.—*Bersot,* op. cit., p. 49, относитъ это сочиненіе къ 1778 г.; у *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 156, значится 1782 г., безъ обозначенія, первое это изданіе, или нѣтъ.

[2]) L'Alambic des lois, ou Observations de l'ami des Français sur l'homme et sur les lois.—*Mémoires secrets,* t. XV, p. 133 (11—14 avril 1780).

[3]) Recherches sur l'esclavage religieux et politique en France.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XIV, p. 133—134 (14 février 1783).—Въ этомъ памфлетѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующую любопытную фразу: „Qu'il se trouve seulement un roi, qui... réunisse l'âme de Henri IV aux lumières de Charlemagne, et le peuple français sera libre... On peut être libre même sous le gouvernement des rois".

[4]) Requête au roi sur la destruction des prêtres et des moines en France.—*Mémoires secrets,* t. XXIV, p. 90 (23 décembre 1783).

[5]) Съ 1760 г. выходитъ журналъ *le Censeur hébdomadaire;* съ 1764 г.—*Journal de Bruxelles* (первая ежедневная газета), *Gazette littéraire* (1764—1784); съ 1765 г.—*Ephémérides du citoyen, ou Chronique de l'Esprit national* (органъ „экономистовъ", прекратившійся въ 1772 г. и возродившійся въ 1775 г.) и *Journal de l'agriculture, du commerce et des finances;* съ 1770 г — *Portefeuille hébdomaidaire;* съ 1772 г. — *Esprit des Journaux, Journal historique et politique;* съ 1774 г.—*Annales politiques, civiles et littéraires* (de Linguet); съ 1775 г.—*Nouvelles Ephémérides économiques;* съ 1776 г. — *Journal de Monsieur* и *Courrier de l'Europe;* съ 1777 г. — *Journal français;* съ 1779 г.—*Nouvelles de la République des lettres et des arts.*—См. *Hatin,* Histoier de la presse périodique, Paris, 1859, t. III; *Petit de Julleville,* op. cit., t. VI,

кулировавшихъ въ Парижѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, содержитъ сорокъ два названія (въ томъ числѣ пятнадцать иностранныхъ, но исключительно на французскомъ языкѣ) [1].

Сравнивая періодическую прессу второй половины восемнадцатаго вѣка съ тѣмъ, что она представляла собою до этого времени, мы наблюдаемъ крупный шагъ впередъ въ этой области; но конечно эта періодическая пресса занимающей насъ эпохи покажется совершенно ничтожной, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ, что̀ представляетъ собою эта пресса въ настоящее время. Было бы однако большою поспѣшностью дѣлать отсюда заключеніе о слабомъ развитіи злободневной прессы въ изучаемую нами эпоху. Дѣло въ томъ, что злободневная пресса въ ту пору далеко не исчерпывалась періодической журналистикой; послѣдняя поглощала въ себѣ лишь сравнительно незначительную долю первой. Текущая злоба дня находила себѣ главное выраженіе помимо журналовъ и газетъ—въ формѣ летучихъ листковъ [2], афишъ (placards) [3], брошюръ [4], „альманаховъ“ [5], „словарей“ [6], болѣе или менѣе многотомныхъ сборниковъ полу-періоди-

---

p. 519; *Anna Soederhjelm*, op. cit., p. 3; *Calonne*, la Vie agricole, p. 53; *Mémoires secrets*, t. VII (31 octobre 1774); ibidem (3 janvier 1775).

[1] *Hatin*, op. cit., t. III, p. 314—316. По замѣчанію названнаго историка французской періодической прессы, „les journaux étaient devenus, dans le courant du XVIII-e siècle, l'objet d'un mouvement considérable et une excellente affaire“ (ibidem, p. 324).—По словамъ хорошо освѣдомленнаго современника, *le Journal de Paris* давалъ въ восьмидесятыхъ годахъ до ста тысячъ ливровъ чистой прибыли.—*Corespondance littéraire*, t. XIV, p. 162 (цит. по *Иванову*, Политическая роль французскаго театра, стр. 711).

[2] См. выше, стр. 179.

[3] Для примѣра—см. афиши, цитируемыя *Рокэномъ*, l'Esprit révolutionnaire avant la Revolution, p. 330.

[4] Наиболѣе обычная форма тогдашней злободневной прессы, въ которую хорошо укладывалась и публицистическая статья, и небольшой трактатъ по злободневному вопросу, и политическій памфлетъ, и литературная полемика и т. д. Примѣрами могутъ служить многія изъ цитируемыхъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ сочиненій.

[5] Дѣло идетъ здѣсь не о тѣхъ „альманахахъ“ или „календаряхъ“, которые печатались въ большомъ количествѣ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи въ качествѣ ежегодниковъ и адресъ-календарей, а о различныхъ довольно обычныхъ въ ту пору пародіяхъ на такія изданія. Для примѣра: *Almanach des honnêtes gens*, изданный въ 1788 адвокатомъ Марешалемъ.—*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 521.

[6] Одна изъ излюбленныхъ формъ памфлета и пасквиля. Примѣры: *Dic-*

ческаго характера, посвященныхъ либо какому-нибудь выдающемуся событію, привлекающему къ себѣ общественное вниманіе [1]), либо ставящихъ себѣ задачею отражать текущую жизнь, хотя бы и заднимъ числомъ, но съ возможною обстоятельностью [2]).

Сильный толчокъ развитію публицистической прессы, преимущественно памфлетнаго характета, дала „парламентская революція" 1771—1772 г. [3]), вызвавшая сильное возбужденіе въ широкихъ слояхъ французскаго общества; это возбужденіе нашло себѣ выраженіе между прочимъ въ оживленной и даже ожесточенной печатной полемикѣ между защитниками уничтоженныхъ парламентовъ—съ одной стороны и приверженцами „ужаснаго" канцлера—съ другой [4]). Даже возстановленіе парламентовъ въ 1774—1775 г. не могло сразу положить конецъ этой полемикѣ, продолжавшейся, частью заднимъ числомъ, еще нѣкоторое время [5]).

---

tionnaire des philosophes, 1767 (противъ „философовъ"), *Petite Encyclopédie,* 1772 (памфлетъ противъ *Энциклопедіи*).

[1]) Таковы посвященные „парламентской революціи" 1771—1772 г. изданія: *Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. de Maupeou, chancelier de France,* 1774—1776, Londres, 1774—1776, 7 vol.; *Maupeouana, ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou,* Paris, 1775.

[2]) Самое крупное явленіе въ этомъ родѣ представляютъ собою многократно цитированные нами *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France,* извѣстные подъ болѣе короткимъ названіемъ „Мемуаровъ Вашомона" (охватываютъ двадцатипятилѣтіе съ 1762 по 1787 г.); этотъ 36-томный сборникъ выдержалъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ нѣсколько изданій.

[3]) *Flammermont,* le Chancelier Maupeou et les Parlements, Paris, 1885.

[4]) Значительная часть этой полемической литературы частью воспроизведена, частью зарегистрована въ цитированнныхъ выше (черезъ два примѣч. выше) *Journal historique* и *Maupeouana,* а также въ нѣкоторыхъ другихъ, каковы: *les Efforts de la Liberté et du Patriotisme contre le despotisme du Sr. de Maupeou* и *Journal historique du rétablissement de la magistrature.—Mémoires secrets,* t. XXIX (11 novembre 1774); t. IX (3 janvier 1776).

[5]) Напр.: Lettre du chancelier Maupeou à M. de Miromesnil (*Mémoires secrets,* t. VII, 26 décembre 1774); Oraison funèbre de très-hauts et très-puissants seigneurs, les gens tenants les conseils supérieurs en Franse (ibidem, 5 février 1775); Remarques historiques et anecdotiques sur le château de la Bastille (ibidem., 19 mars 1775); le Coup d'oeuil purin, памфлетъ противъ высшаго совѣта въ Руанѣ (ibidem, 27 avril 1775). — Сравн. *Mémoires secrets,* t. IX (2 janvier 1775): „Il paraît une carricature sanglante où MM. du Conseil supérieur de Rouen figurent d'une façon humiliante".

Не успѣла еще улечься эта полемика, какъ перемѣна царствованія въ 1774 г. дала новую тему для публицистики,—той конечно, которая для своего появленія на свѣтъ не спрашивала разрѣшенія королевскихъ цензоровъ [1]).

Въ 1775 г. во главѣ финансоваго вѣдомства становится Тюрго, одинъ изъ столповъ школы „экономистовъ". Его мѣропріятія въ духѣ послѣдней, между прочимъ—мѣры къ освобожденію хлѣбной торговли отъ различныхъ стѣсненій, подогрѣваютъ возникшую въ 1770 году полемику между физіократами, приверженцами свободы хлѣбной торговли, и ихъ противниками [2]). Одни, какъ Неккеръ, выступаютъ противъ „системы Тюрго" открыто [3]), другіе предпочитаютъ дѣйствовать подъ покровомъ анонимности. По мѣрѣ развитія плановъ новаго министра, расширяется и почва для полемической прессы, при чемъ вся дѣятельность Тюрго и его личность становятся мишенью для всевозможныхъ памфлетовъ [4]), летучихъ листковъ [5]),

[1]) Таковы вышедшіе въ маѣ 1775 г. памфлеты: la Vie de Louis XV и la Poule au pot (*Mémoires secrets*, t. VIII (11, 15 mai 1775).

[2]) Подробности объ этомъ можно найти въ книгѣ *Г. Е. Афанасьева*, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Одесса, 1892 (глава XII, *Вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати*). Книга эта вышла также во французской переработкѣ (Paris, 1894).

[3]) *Necker*, De la législation et du commerce des grains, 1775. Брошюра эта выдержала въ короткое время до двадцати изданій.—*Quérard*, la France littéraire, t. VI, p. 393.

[4]) Въ апрѣлѣ 1776 г. былъ выпущенъ герцогомъ Прованскимъ, братомъ короля, злобный памфлетъ противъ Тюрго и „секты экономистовъ" подъ заглавіемъ *le Songe de M. de Maurepas, ou les Machines du gouvernement français* (текстъ его воспроизведенъ у *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. II, p. 107—127).—Въ концѣ того же апрѣля современный хроникеръ замѣчаетъ: „les censeurs de l'administration de M. Turgot ne cessent d'enfanter des satyres contre lui" (*Mémoires secrets*, t. IX, 28 avril 1776).—Въ маѣ 1776 г. хроникеръ отмѣчаетъ: „Outre la plaisanterie des *Trois Maries*, on parle d'une autre intitulée: *les Mannequins*. Le disgrâce de M. Turgot fera percer plus aisément des satyres contre lui" (Ibidem, 30 mai 1776). Текстъ этого памфлета воспроизведенъ въ *Correspondance secrete, politique et littéraire*, t. III, p. 87—110.

[5]) Въ ноябрѣ 1775 г., напр., вышелъ листокъ, представляющій, подъ видомъ списка новыхъ книгъ, пасквиль на Тюрго и „экономистовъ", подъ заглавіемъ: Catalogue des Livres nouveaux qui se trouvent chez l'abbé Roubaud, secrétaire perpétuel de la Franche Loge Economiste sous la protection de M. Turgot, le très vénérable Grand-maître.—*Mémoires secrets*, t. VIII (novembre 1775).—Въ началѣ того же года распространялся въ рукописи листокъ подъ заглавіемъ: Lettre critique contre l'administration de M. Turgot.—*Soulavie*, Mémoires, t. III, p. 431.

эпиграммъ [1]), каррикатуръ [2]), chansons [3]), комедій [4]), при чемъ достается заодно и „сектѣ экономистовъ“ и всей доктринѣ физіократовъ.

Если кратковременное министерство Тюрго ознаменовалось ожесточенной кампаніей прессы, направленной противъ министра-реформатора его многочисленными и сильными противниками, въ рядахъ которыхъ стали парламенты, духовенство, дворянство, дворъ,—то въ болѣе продолжительное министерство Неккера, вокругъ имени послѣдня-

---

1) Въ апрѣлѣ 1776 г. противниками Тюрго была пущена въ обращеніе слѣдующая злая, или лучше сказать—злобная эпиграмма:

Inonder l'Etat de brigands,
Multiplier les mendiants,
De malheurs augmenter la somme,
Et soulever les paysans,
Sont les résultats effrayants
Du système de ce grand homme,
Dont les fous sont les partisans.
Riez, chantez, peuples de France,
Vous recouvrez la liberté;
Quant à votre propriété,
Le Prince en garde la finance,
Et de ce fortuné bienfait
Zéro sera le produit net.

Mémoires secrets, t. XI (16 avril 1776).

2) *Mémoirets secrets,* t. VIII (19 mai 1775): „Les adversaires du système de M. Turgot ont frappé une estampe satyrique pour le tourner en ridicule. Le ministre y est représenté en cabriolet avec M-me la duchesse d'Anville. L'abbé Baudeau, l'abbé Boubaud, le Sr. Dupont, le Sr. de Vaines et autres chefs des Economistes, le tirent et le font rouler sur les tas de blé. La voiture renverse bientôt; le contrôleur général est culbuté, la dame aussi, ses jupes retroussées et présentant son derrière. Au-dessus sont écrits ces mots: *Liberté, liberté, liberté toute entière*“.

3) *Mémoires secrets,* t. IX (10 avril 1776): „Les ennemis de M. Turgot, ne cessent de chercher à répandre de l'odieux ou du ridicule sur ses opérations, sur ses confidents et ses suppôts, même sur sa personne. C'est ce qui a donné lieu à une chanson“...—Судя по изложенію, это не та *chanson,* которая фигурируетъ въ *Recueil Clairambault-Maurepas,* t. IX, p. 100—101, подъ заглавіемъ: *Portrait de Turgot.*

4) Такъ, въ ноябрѣ 1776 г. вышла въ формѣ драмы, сатира, направленная противъ энциклопедистовъ и „экономистовъ“, подъ заглавіемъ *le Bureau d'esprit (Mémoirets secrets,* t. IX (26 novembre, 4 décembre 1776).

го выросла цѣлая полемико-публицистическая литература за и противъ [1]).

Послѣ его отставки въ публицистической прессѣ наступаетъ временное затишье, прерываемое время отъ времени появленіемъ какого-нибудь нецензурнаго памфлета противъ того или другого министра [2]), или противъ существующаго порядка вообще [3]). Это сравнительное затишье было нарушено въ 1784 г. появленіемъ обширнаго трактата Неккера объ управленіи финансами во Франціи [4]).

Не смотря на усилія правительства *замолчать* этотъ трактатъ [5]), въ которомъ стоявшій въ то время во главѣ финансоваго управленія де-Калоннъ увидѣлъ, и не безъ основанія, косвенную критику

---

1) Большая часть этихъ публицистико-полемическихъ произведеній была въ концѣ 1781 г., то-есть послѣ отставки Неккера, перепечатана въ видѣ сборника, подъ заглавіемъ: *Collection complète de tous les ouvrages pour et contre M. Necker,* Utrecht, 1781, 3 vol.—„Полнота“, на которую претендуетъ заглавіе, несомѣнно, лишь относительная. Экземпляръ этого рѣдкаго въ настоящее время изданія имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета. Краткое изложеніе содержанія большей части этихъ произведеній можно найти въ *Mémoires secrets,* t. XIV—XVIII.

2) Напримѣръ, въ маѣ 1783 г. вышелъ рѣзкій пасквиль противъ хранителя печатей Миромениля.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XIV, p. 341 (21 mai 1783): „On a imprimé... une diatribe sanglante contre M. le garde des sceaux“.

3) Такъ, въ концѣ 1783 г. современный хроникеръ отмѣчаетъ появленіе брошюры, заключающей въ себѣ „разсужденія о предѣлахъ власти королей и свободы народовъ“.—*Correspondance secrète,* t. XV, p. 258—259 (1 décembre 1783).—Въ началѣ 1783 г. появляется брошюра, содержащая въ себѣ сатирическое изображеніе современной Франціи, подъ заглавіемъ: le Roi voyageur, ou Examen des abus de l'administration de la Lydie. Краткое изложеніе содержанія этой книжки, написанной въ духѣ „экономистовъ“, даютъ *Mémoires secrets,* t. XXVIII (18 février 1785).

4) *Necker,* De l'administration des finances de la France, Paris, 1784, 3 vol.

5) *Mémoires secrets,* t. XXVIII (14 mars 1785): „Le gouvernement s'obstine à la proscription de l'ouvrage de M. Necker, mais tacitement; il ne veut qu' aucune feuille en parle“. Министры не осмѣливались открыто преслѣдовать сочиненіе Неккера, которое успѣло попасть въ руки короля и произвести на него сильное впечатлѣніе.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII, p. 343 (24 février 1785): „On fait dire au Roi qui a lu et relu son ouvrage (de Necker): il faut que tout le monde ait grand intérêt à donner des torts à M. Necker, car dans ce pays il n'a que moi seul pour ami“.—Сравн. *Lescure,* Correspondance secrète, t. I, p. 338.

своего управленія [1]),—сочиненіе Неккера, взбудоражившее улегшіяся было страсти, бушевавшія вокругъ его имени три-четыре года тому назадъ, послужило сигналомъ къ новой вспышкѣ въ полемико-публицистической прессѣ [2]), которая отъ спеціальныхъ вопросовъ, связанныхъ непосредственно съ сочиненіемъ Неккера, вполнѣ естественно, переходила на болѣе общіе вопросы объ „управленіи", о государственномъ строѣ и гнѣздящихся въ немъ „злоупотребленіяхъ", и т. д. Не смотря на усиленіе строгостей противъ явной и тайной прессы, „никогда еще—говоритъ современный хроникеръ -не выходило такого множества подпольныхъ сатиръ, при чемъ ихъ авторы, за рѣдкими исключеніями, ускользаютъ отъ розысковъ полиціи" [3]).

Въ частности, мишенью „подпольныхъ сатиръ" въ это время сдѣлалась королева [4]). Она уже и до тѣхъ поръ успѣла утратить популярность [5]), а теперь, послѣ отставки Неккера, которую молва приписывала ея проискамъ [6]), Марія Антуанетта успѣла вооружить противъ себя еще болѣе широкіе круги общества, при чемъ ея непопулярность пришлось раздѣлить и ея новому protégé, де-Калонну [7]). Скандальное дѣло съ „ожерельемъ королевы" въ 1786 г. [8]) снова усилило этотъ потокъ „подпольныхъ сатиръ" и злыхъ куплетовъ

---

[1]) Онъ пытался было воспрепятствовать появленію этого трактата въ печати (см. выше, стр. 186, примѣч. 4).

[2]) Современный хроникеръ отмѣчаетъ впрочемъ безуспѣшность направленной противъ Неккера полемики.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 46-47 (21 avril 1785): „Les critiques contre l'ouvrage de M. Necker se multiplient sans aucun succès... Le fameux abbé Baudeau, l'économiste, vendra demain un autre plaidoyer contre M. Necker".

[3]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (7 juin 1785).

[4]) *Correspondance secrète politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (8 juin 1785); *Lescure,* Correspondance secrète, t. I, p. 568—569.

[5]) Такъ, въ февралѣ 1776 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ: „La fureur effrénée des auteurs criminels des couplets redouble, et ils en ont enfanté contre la reine de plus affreux encore s'il est possible. M. le lieutenant général de police est de nouveau aux aguets de ces abominables chansonniers".

[6]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII, 357 (2 mars 1785): „On sait que le roi n'avait consenti à la retraite de M. Necker, que par condescendance pour la reine et pour ses frères".

[7]) *Mémoires secrets,* t. XXX (7 novembre 1785): „Un nouveau *Supplément au Journal de Paris...* est toujours principalement dirigé contre M. de Calonne".—Сравн. ibidem, t. XXX, p. 45 (12 octobre 1785).

[8]) *Funck-Brentano,* l'Affaire du collier, Paris, 1902, 4-e édition.

противъ королевы, при чемъ попутно влетало и королю и министрамъ [1]).

По мѣрѣ приближенія къ 1789 г., все болѣе и болѣе обнаруживается безсиліе правительства—бороться съ все болѣе и болѣе ростущимъ потокомъ подпольной прессы. „Не перестаютъ плодиться—замѣчаетъ современный хроникеръ въ сентябрѣ 1787 г.—памфлеты и каррикатуры", напраленные противъ короля, двора, правительства [2]). Въ концѣ того же мѣсяца „подпольныя произведенія кишатъ" [3]). Затѣянная Ломени-де-Бріеннемъ и Ламуаньономъ новая „парламентская революція", въ маѣ 1788 г. [4]), подлила масла въ огонь. „Мятежныя брошюры, жестокія афиши—пишетъ современный хроникеръ въ первыхъ числахъ іюня 1788 г.—продолжаютъ множиться и возбуждать умы. Строгость полицейскихъ розысковъ лишь озлобляетъ недовольныхъ" [5]). Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца—уже настоящій „потопъ" подпольныхъ произведеній [6]).

Созывъ генеральныхъ штатовъ, сопровождавшійся объявленіемъ свободы печати (въ іюлѣ 1788 г.), естественно, далъ новый и сильный толчекъ развитію публицистической прессы, для которой историческій моментъ открывалъ цѣлое море вопросовъ одинъ другого важнѣе, одинъ другого животрепещущѣе. Оживленіе это продолжаетъ рости

[1]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 172 (16 août 1787): „...on a l'indignité de répandre des écrits et des placards abominables contre le roi et son auguste famille".—Ibidem, p. 183 (15 septembre 1787): „Les diffamations, les bruits calomnieux, les écrits et les carricatures qu'on répand, indignent presque toutes les personnes honnêtes. On vend secrètement un croquis avec cette inscription: *La France malade*. Elle est en effet représentée expirante; on voit sur une table huit palettes de sang que vient de lui tirer M. de Calonne; la Reine tient l'assiette pour recevoir la neuvième palette..."

[2]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 180 (5 septembre 1787): „Les pamphlets et les carricatures vont leur train".

[3]) Ibidem, p. 184 (24 septembre 1787): „Les écrits clandestins ne cessent de pulluler. La *Supplique du peuple au Roi* veut prouver que les réformes dans la maison du Roi sont illusoires", etc.

[4]) *Glasson*, le Parlement de Paris, Paris, 1901, p. 474; *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, Rouen, 1842, t. VII, p. 174—184.

[5]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 263 (7 juin 1788): „Les brochures séditieuses, les placards atroces continuent de se multiplier et d'échauffer les esprits. La rigueur des recherches de la police ne fait qu'aigrir lés mécontents".

[6]) Ibidem, p. 268 (22 juin 1788): „Nous sommes inondés d'écrits. Les plus piquants sont", etc.

вплоть до открытія генеральныхъ штатовъ въ маѣ 1789 г., а съ открытіемъ ихъ еще усиливается. „Лавочки, гдѣ продаются брошюры,—пишетъ прибывшій въ началѣ іюня 1789 г. въ Парижъ англійскій путешественникъ Юнгъ—дѣлаютъ невѣроятные обороты. Я пошелъ въ Пале-Рояль чтобы посмотрѣть новинки и добыть ихъ полный каталогъ. Оказывается, что ежечасно выходятъ новыя произведенія. Сегодня вышло тринадцать, вчера шестнадцать, а всего за послѣднюю недѣлю—92. Мы воображаемъ иногда, что магазины Дебретта и Стокделя въ Лондонѣ переполнены; но они—пустыня по сравненію съ Дессэномъ и нѣкоторыми другими въ Парижѣ: нелегкое дѣло протискаться до прилавка... Потребность читать политическія брошюрю настолько распространилась, что, говорятъ, и въ провинціи всѣ типографіи также завалены работой“ [1]). „Парижъ залитъ потопомъ лжи“—пишетъ въ серединѣ августа 1789 г. пессимистически настроенный парижанинъ. „На улицахъ стонъ стоитъ отъ оглушительныхъ выкрикиваній почти двухъ тысячъ продавцовъ памфлетовъ. Одинъ кричитъ: по два су—*Калоннъ выгнанный изъ Англіи*; другой: по десяти ліаровъ—*Арестованные Полиньяки*; третій объявляетъ *Открытіе заговора аристократовъ*, четвертый—*Исповѣдь графа д'Артуа*, и т. д. Авторы этихъ мерзостей конечно подверглись бы строгому наказанію, не будь въ настоящую минуту такой полной анархіи...“ [2]). „Сотни политическихъ брошюръ всевозможныхъ размѣровъ“—пишетъ около того же времени другой парижскій наблюдатель, настроенный скорѣе иронически, чѣмъ пессимистически,—„день и ночь работаютъ надъ тѣмъ, чтобы помочь администраціи, наставить уму-разуму государей и министровъ, имѣющихъ жестокость не читать сочиненій, спеціально для нихъ написанныхъ... Академіи объявляютъ на соисканіе премій политическія темы... Никогда еще общество (corps social) не имѣло ни болѣе горячихъ, ни болѣе многочисленныхъ друзей“... [3]).

XIX.

Къ прессѣ примыкаетъ *театръ* представляющій собою, такъ сказать, продолженіе на сценѣ того „разговора“, который идетъ въ

1) *Young,* Voyages en France, t. I, p. 183.
2) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 379.
3) *Mercier,* Tableau de Paris, t. X, p. 177.

салонахъ, „литературныхъ синагогахъ“, клубахъ, кафе. Восемнадцатый вѣкъ отмѣченъ замѣтнымъ прогрессомъ и въ этой области. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже размноженіе театровъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи [1]). На ряду съ публичными театрами, появляется масса частныхъ сценъ. Театральная зала (salle de spectacle) становится непремѣнной принадлежностью каждаго сколько-нибудь значительнаго барскаго дома, каждаго новаго интендантскаго „отеля“: уже въ серединѣ восемнадцатаго вѣка въ Парижѣ насчитывается болѣе полутораста различныхъ обществъ, имѣющихъ свои сцены. Двадцать пять лѣтъ спустя увлеченіе театромъ становится настоящей маніей свѣтскаго общества. „Всѣ наши сеньеры—военные, церковные, штатскіе—напоминаютъ группы Бріоше (изобрѣтателя маріонетокъ)“—пишетъ современникъ. „Всѣ они спѣшатъ устраивать въ своихъ домахъ маріонеточные театрики, гдѣ и упражняются въ разыгрываніи комическихъ оперъ во славу и на пользу отечества“. „Страсть устраивать спектакли—пишетъ другой современникъ въ 1775 г.—овладѣла всѣмъ обществомъ; только и разговоровъ, что о маленькихъ театрахъ на дачахъ въ окрестностяхъ Парижа“ [2]). Спектакль на домашней сценѣ, это—обычное завершеніе всякаго параднаго обѣда [3]).

Знатные сеньеры, богатые буржуа и дамы не только устраиваютъ у себя спектакли, но и сами занимаются сочиненіемъ комедій и другихъ театральныхъ пьесъ, привлекая иногда къ сотрудничеству даже своихъ горничныхъ [4]). И не только сочиняютъ пьесы, но и разыгрываютъ ихъ въ качествѣ актеровъ-любителей. Въ послѣдніе годы передъ революціей, по словамъ современника, „всѣ становятся актерами“ [5]). Всѣ—вплоть до графа д'Артуа, „съ большимъ успѣхомъ“ исполняющаго на придворной сценѣ роль Фигаро, —и Маріи-Антуанетты, съ неменьшимъ успѣхомъ подвизающейся на той же сценѣ въ роли горничныхъ и крестьянокъ [6]),—вплоть до молодыхъ аббатовъ, выступающихъ на частныхъ сценахъ и вызывающихъ своимъ артистическимъ исполненіемъ женскихъ ролей

[1]) *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 172.
[3]) Тамъ же, стр. 177.
[4]) Тамъ же, стр. 174.
[5]) Тамъ же, стр. 159.
[6]) Тамъ же, стр. 167.

апплодисменты зрителей, не исключая и присутствующихъ среди нихъ прелатовъ [1]).

Что касается театральной литературы, то, въ противоположность литературѣ семнадцатаго вѣка, разработывавшей общечеловѣческія темы „всѣхъ вѣковъ и народовъ", въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности же во-второй его половинѣ, она начинаетъ тяготѣть къ общественной злобѣ дня и пріобрѣтаетъ до извѣстной степени публицистическій характеръ. Теряя отъ этого въ художественномъ отношеніи, она много выигрываетъ въ качествѣ выразителя общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ—одного изъ факторовъ послѣдняго [2]).

XX.

Являясь отраженіемъ общественныхъ настроеній и однимъ изъ выраженій „общественнаго мнѣнія", пресса, разумѣя подъ этимъ словомъ литературу и публицистику вмѣстѣ, являлась, съ другой стороны, и однимъ изъ первостепенныхъ факторовъ послѣдняго. Вліяніе „философской" литературы на общественное мнѣніе было фактомъ настолько бьющимъ въ глаза, что многіе изъ современниковъ склонны были отождествлять послѣднее съ первой или по крайней мѣрѣ—смотрѣть на общественное мнѣніе, лишь какъ на отраженіе „философіи" [3]).

1) Тамъ же, стр. 176.

2) Подробности—въ названномъ сочиненіи г. Иванова.—Сравн. главу о театрѣ въ XVIII в. Henri Lion'a у *Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 543—635. См. также разборъ названнаго сочиненія И. И. Иванова, напечатанный проф. Н. П. Дашкевичемъ въ *Отчетѣ о VII присужденіи премій митрополита Макарія въ 1897 г.* (отд. оттискъ: С.-Пб. 1902).

3) Напримѣръ: *Bertrand de Molleville,* Histoire de la Révolution, t. I, introduction, p. 48: „Dans ce même temps, s'éleva une secte audacieuse et coupable qui, sous le nom de la *philosophie,* créa une nouvelle puissance dont elle se constitua l'organe, et qu'elle appela *l'opinion publique.*—Сравн. *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 110—111; *M-me de Genlis,* Dictionnaire des étiquettes, t. II, p. 208.—Эту точку зрѣнія усвоили и нѣкоторые изъ историковъ, напр., *Ducros,* les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 187: „Louis XVI ayant résisté à l'opinion des philosophes qui est l'opinion publique", etc. — Сравн. *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 46: „Ни одна философія никогда и нигдѣ не отождествлялась съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ первый разъ это произошло во Франціи".—Что въ дѣйствительности *общественное мнѣніе* не впол-

Пресса являлась, какъ мы видѣли, однимъ изъ факторовъ и вмѣстѣ —однимъ изъ выраженій общественнаго мнѣнія, а общественное мнѣніе—это вѣдь была новая „верховная власть", передъ которой во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка преклоняются всѣ и все, не исключая и представителей государственной власти. И представители прессы, вліяніе которыхъ на общественное мнѣніе чувствовалось и помимо послѣдней [1]), вполнѣ сознаютъ свою силу. Во второмъ изданіи своей *Философской исторіи обѣихъ Индій* аббатъ Рейналь, въ 1774 г., проектируетъ установленіе „европейской республики", въ которой писатели, какъ руководители общественнаго мнѣнія, будутъ руководить и правительствомъ [2]).

Какъ одинъ изъ мощныхъ факторовъ общественнаго мнѣнія, пресса, естественно, даетъ чувствовать свою силу и правительству. Это—фактъ, который бросается въ глаза уже современникамъ. Если при Людовикѣ XIV пресса прислушивается къ камертону двора, то съ середины царствованія его преемника роли совершенно мѣняются: дворъ и правительство начинаютъ съ чувствомъ безпокойства прислушиваться къ голосу прессы [3]). Тѣ драконовскія репрессивныя законодательныя мѣры, въ родѣ пресловутой деклараціи 1757 г., которыя правительство Людовика XV издаетъ противъ прессы, выдаютъ, помимо его воли, испытываемое правительствомъ чувство страха, смѣшанное съ сознаніемъ своего безсилія противъ

нѣ совпадало съ *философіей*, это можно видѣть, напримѣръ, на отношеніи перваго и послѣдней къ парламентамъ, особенно въ эпоху „революціи Мопу", *противъ* которой было тогдашнее *общественное мнѣніе*, хотя *философы*, съ Вольтеромъ во главѣ, были *за* нее.

[1]) Стóитъ, напримѣръ, припомнить хотя бы ту видную роль, которую писатели играли въ салонной жизни. См., напр., *Senac de Meilhan*, le Gouvernement etc., p. 88—89: „...les sociétés dominantes... Les gens de lettres avaient sur ces sociétés un ascendant marqué pour la plupart des objets relatifs au gouvernement".

[2]) *Raynal*, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, Amsterdam, 1770, 4 vol. in-8. (*Quérard*, op. cit., t. VII, p. 473. Цитируемъ по *Petit de Julleville*, Histoire de la Littérature française, t. VI, p. 382).

[3]) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 93: „Sous Louis XIV la supériorité de l'Etat sur la république des lettres et son indépendance des opinions littéraires sont si bien établies... Sous Louis XV, au contraire, la prépondérance de la rédublique des lettres sur le gouvernement est d'une telle influence ..", etc.

надвигающейся, въ лицѣ оппозиціонной прессы, новой и враждебной ему силы. Аналогичное состояніе духа диктовало и правительству Людовика XVI его образъ дѣйствій по отношенію къ Вольтеру, которому оно не хотѣло разрѣшить возвратиться въ Парижъ, но и не рѣшилось воспрепятствовать этому возвращенію: въ лицѣ Вольтера оно видѣло—и не безъ основанія—олицетвореніе силы печатнаго слова, какъ фактора общественнаго мнѣнія, въ эту пору настроеннаго оппозиціонно [1]). Въ царствованіе Людовика XVI пресса является, по замѣчанію современника, силой, соперничающей съ правительствомъ [2]), —и соперничающей по большей части съ успѣхомъ. Одной изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій этого общаго факта является устроенный Парижемъ Вольтеру тріумфальный пріемъ во время его возвращенія послѣ долгихъ лѣтъ изгнанія [3]).

„Проектъ" аббата Рейналя, о которомъ была рѣчь выше, современникамъ его могъ представляться менѣе фантастичнымъ, чѣмъ это кажется намъ. *Фантазія* опиралась въ данномъ случаѣ на вполнѣ *реальный фактъ*,—фактъ необычайно вліятельнаго положенія, котораго достигаютъ писатели во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, и это—до извѣстной степени независимо отъ окружающей то или другое имя громкой славы. „Писательство - говоритъ одинъ изъ второстепенныхъ писателей эпохи,—правда, не даетъ само по себѣ опредѣленнаго общественнаго положенія, но оно замѣняетъ послѣднее для тѣхъ, кто таковаго не имѣетъ; писательство доставляетъ имъ даже такія почести, которыхъ не всегда въ состояніи добиться лица, занимающія болѣе высокое общественное положеніе. Въ настоящее время считается такъ же мало унизительнымъ преклоняться

---

[1]) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 111: „*L'opinion philosohique* l'emportait tellement alors dans les esprits et intimidait à tel point le pouvoir qu'on laissa revenir Voltaire dans son pays sans le lui permettre..."

[2]) *Soulavie*, op. cit., t. VI, p. 94: „Sous Louis XVI, la république des lettres rivalise en quelque sorte, par son influence, son crédit et sa renommée, avec le gouvernement".

[3]) *Rocquain*, op. cit., p. 369; *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 111: „On ne voulut point lui accorder une légère grâce, et on le laissa jouir d'un triomphe éclatant".—*Фонвизинъ*, Письма изъ Франціи, Парижъ 20/31 марта 1778: „Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія" (*Полное собраніе сочиненій*, Москва, 1830, т. II, стр. 27).

передъ умомъ, какъ и передъ красотой" [1]). Если такъ дѣло обстояло въ серединѣ столѣтія (приведенныя слова относятся къ 1751 г.), то четверть вѣка спустя „быть писателемъ уже означало занимать видное положеніе въ государствѣ" [2]).

„Таланты, умъ, артистическая извѣстность—говоритъ другой современникъ Людовика XVI—доставляли человѣку лестное вниманіе. Эти счастливые дары природы ставили людей безъ роду безъ племени почти на равную ногу съ знатными сеньерами и наиболѣе почетными лицами" [3]). Зачастую къ писателямъ—говоритъ другой современникъ—относились даже съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ лицамъ высокопоставленнымъ [4]). Знатныя барыни отличаютъ ихъ особеннымъ вниманіемъ, лица высокопоставленныя ищутъ ихъ общества [5]).

Придворная знать, по выраженію современника изъ числа представителей послѣдней, „фрондировала противъ Версаля и ухаживала за *Энциклопедіей*". „Мы предпочитали—говоритъ онъ—слово похвалы д'Аламбера или Дидро самой отмѣнной милости какого-либо государя" [6]). Это говоритъ одинъ изъ придворныхъ Версаля! Какъ далеко это отъ того времени, когда „милость государя" была верхомъ достижимаго на землѣ счастья не только для придворнаго, но даже и для человѣка „достигшаго высокаго положенія и популярности своими талантами" [7]). Теперь старинные дворянскіе гербы склоняются передъ „писателями безъ предковъ" [8]). Передъ ними

[1]) *Duclos*, Considérations sur les moeurs de ce siècle, Paris, 1751: „Les lettres ne donnent pas précisément un état, mais elles en tiennent lieu à ceux qui n'en ont pas d'autre, et leur procurent des distinctions que des gens qui leur sont supérieurs par le rang n'obtiendraient pas toujours".

[2]) *De Barante*, op. cit., p. 311: „Etre écrivain, c'était occuper un rang dans l'Etat".

[3]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 121.

[4]) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 95: „Les écrivains... jouissaient... d'une considération supérieure, à plusieurs égards, à celle des grands de la monarchie".

[5]) *Taine*, les Origines, t. I, p. 409.

[6]) *Segur*, Mémoires, t. I, p. 97: „On frondait les puissances de Versailles, et on faisait sa cour à celles de l'Encyclopédie. Nous préférions un mot d'éloge de d'Alembert, de Diderot, à la faveur la plus signalée d'un prince".

[7]) См. выше, стр. 6.

[8]) *Senac de Meilhan*, op. cit., p. 125: „L'homme de lettres, sans aïeux, recherché des grands, des hommes en place, des riches... était distingué, comblé d'éloges dans les plus brillantes sociétés..."

опускаются троны, за ними ухаживаютъ коронованныя особы [1]). Во Франціи, правда, Людовикъ XV, инстинктивно не долюбливавшій „новаго духа", не жаловалъ литературы, которая была пропитана этимъ духомъ; за-то M-me de-Pompadour, „умѣвшая понять современную силу общественнаго мнѣнія, не отказывала въ своемъ вниманіи писателямъ и артистамъ", въ обществѣ которыхъ, собиравшемся у придворнаго врача Кенэ, она охотно проводила время [2]), а человѣкъ, стоявшій въ это царствованіе въ теченіе многихъ лѣтъ во главѣ управленія по дѣламъ печати (Мальзербъ), былъ „другомъ философіи" и благожелательнымъ покровителемъ писателей. Онъ мечталъ даже, какъ сообщаетъ современникъ, „сдѣлать Парижъ столицей писателей всего міра", „новыми Ѳивами, куда стекалась бы дань со всего міра черезъ ихъ сто воротъ". „Парижъ долженъ былъ стать центромъ научной и художественной жизни"; въ Парижѣ долженъ былъ, по его мысли, издаваться особый періодическій органъ, „который бы служилъ каналомъ для всѣхъ знаній" [3]).

Людовикъ XVI, которому, точно въ насмѣшку, судьба послала цѣлый рядъ министровъ—частью писателей, частью причастныхъ къ литературѣ, тоже нельзя сказать, чтобы очень жаловалъ „литературную республику". Тѣмъ не менѣе, и онъ и его правительство въ лицѣ министровъ, даже и тѣхъ, что вполнѣ раздѣляли въ данномъ отношеніи настроеніе своего государя, признавало однако нужнымъ считаться съ представителями литературы. Ежегодно золотой дождь—хотя, правда, и не особенно обильный—орошаетъ литературную ниву черезъ „каналъ" генеральнаго контроля [4]). Въ восьмидесятыхъ годахъ министръ двора баронъ де-Бретёйль и директоръ главнаго управленія по дѣламъ печати ле-Нуаръ „не пренебрегаютъ никакимъ средствомъ, для того чтобы поощрить ученыхъ и писателей". „Первый—сообщаетъ современный хроникеръ—предполагаетъ приглашать разъ въ недѣлю къ своему столу по два

[1]) *Desnoiresterres,* Voltaire et Frédéric, Paris, 1870; *Ch. de Larivière,* Catherine II et la Révolution française, Paris, 1895; *Petit le Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 111 et suiv.

[2]) *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 164.

[3]) *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. II, p. 320.

[4]) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-e partie, t. I, 268 (9 mars 1786): „Au moment où doivent se décerner les grâces accordées par S. M., Mr. le Contrôleur général aura à examiner plus de huit cents mémoires à l'appui des demandes qui lui sont adressées".

члена отъ Французской Академіи, отъ Академіи наукъ и отъ Академіи изящной словесности, а также по дьа профессора отъ Королевскаго коллежа, для того, чтобы такимъ путемъ лучше быть освѣдомленнымъ относительно того, на кого правительство должно распространять свое благоволеніе“ [1]).

XXI.

Вліяніе прессы на правительство въ занимающую насъ эпоху можно прослѣдить и въ отдѣльныхъ актахъ послѣдняго. Можно даже сказать, что многіе изъ правительственныхъ актовъ первостепенной важности были подсказаны прессой. Законодательной отмѣнѣ натуральной дорожной повинности, сначала въ 1776 г. при Тюрго, потомъ въ 1787 г. при де-Калоннѣ, предшествовали продолжительные и оживленные дебаты объ этомъ вопросѣ въ прессѣ, которой, можно сказать, принадлежитъ дѣйствительная честь почина этой важной реформы [2]).

Съ реформой провинціальной администраціи, намѣченной въ видѣ частичнаго опыта въ концѣ семидесятыхъ годовъ и проведенной окончательно въ 1787 г., связана точно также довольно значительная публицистическая литература, не оставшаяся безъ вліянія на законодательное рѣшеніе вопроса [3]); послѣднее является какъ бы отвѣтомъ на desiderata, высказанныя подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ прессѣ.

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII, p. 309 (3 février 1785).

[2]) Одинъ изъ первыхъ заговорилъ противъ натуральной дорожной повинности маркизъ Мирабо въ пятидесятыхъ годахъ въ своемъ *Другѣ людей (Lettre sur les corvées);* въ семидесятыхъ годахъ объ этомъ предметѣ писалъ аббатъ Бодо (*Mémoire sur les corvées servant de réplique à leurs apologistes,* 1775); въ восьмидесятыхъ годахъ годахъ—Кондорсэ *(Sur l'abolition des corvées, Oeuvres,* t. XI), Dupré de Saint-Maur (*Mémoire sur l'administration des corvees,* 1784), Chaumont de la Galaisière (*Mémoire sur les corvées,* 1785); de Pemmereuil (*Des corvées, nouvel examen de cette question,* 1787) и мн. др.

[3]) Кромѣ болѣе извѣстныхъ въ исторической литературѣ сочиненій маркиза Мирабо (все въ томъ же *Другѣ людей*) и Ле-Троня (*De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt,* 1779), по этому вопросу было написано, особенно въ восьмидесятыхъ годахъ, много частью анонимныхъ трактатовъ и брошюръ, обширная коллекція которыхъ имѣется въ парижской Національной библіотекѣ (въ отдѣлахъ Lb 39 и Lf 95).

Вопросъ о протестантахъ точно также долгое время дебатировался въ прессѣ, прежде чѣмъ получить законодательное рѣшеніе въ формѣ эдикта 1787 г.,—и опять-таки въ смыслѣ удовлетворенія высказаннымъ прессою пожеланіямъ [1]). Мало того, пресса до извѣстной степени оказывала вліяніе на судьбы министровъ. Предшествовавшая паденію Тюрго въ 1776 г. ожесточенная травля его въ прессѣ [2]), несомнѣнно, не осталась безъ вліянія на судьбу его, какъ министра. То же самое можно сказать и о Неккерѣ, противъ котораго точно также была организована его противниками настоящая кампанія прессы, не сразу прекратившаяся и послѣ его отставки въ 1781 г. [3]).

Итакъ, каково бы ни было *легальное положеніе* прессы въ занимающую насъ эпоху во Франціи, *фактическая роль* ея очень значительна и какъ фактора общественнаго мнѣнія и какъ его выразителя. Тѣ легальныя стѣсненія, которыми она была окружена, не помѣшали ей сдѣлаться „универсальнымъ орудіемъ, которымъ каждый считалъ необходимымъ вооружиться" [4]).

„Вооружиться" имъ считало для себя необходимымъ и правительство, какъ въ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться при ознакомленіи съ офиціальной и офиціозной прессой эпохи [5]).

XXII.

Если мы обратимся теперь къ непосредственнымъ органамъ правительства, провинціальнымъ интендантамъ, и посмотримъ, въ ка-

[1]) *Bonifas,* le Mariage des protestants depuis la Réforme jusqu'à 1789, Paris, 1901.—Приложенный къ сочиненію библіографическій указатель даетъ перечень около ста сочиненій, посвященный этому вопросу, начиная съ 1761 г. и до 1787—даты эдикта о протестантахъ. Перечень этотъ однако еще не полонъ; такъ, въ числѣ первыхъ печатныхъ произведеній по этому вопросу пропущена *Lettre de M. l'Intendant de**** à Mgr l'évêque d' Alais, напечатанная въ 1751 г. лангдокскимъ интендантомъ Гиньяръ-де-Сенъ-При*—Сравн. также: *Courpron,* Essai sur l'histoire du protestantisme en Aunis et Saintonge, 1685—1787, Cahors, 1902; *Robert-Labarthe,* Histoire du protestantisme dans le Haut-Languedoc, le Bas-Quercy et le comté de Foix, de 1685 à 1789, 2 vol.

[2]) См. выше, стр. 78

[3]) См. выше, стр. 78—79.

[4]) *De Barante,* De la littérature française pendant le XVIII-e siècle, Paris, 1824, p. 311: „La littérature était regardée comme l'instrument universel, dont chacun croyait nécessaire de s'armer".

[5]) См. выше, стр. 30—42.

комъ отношеніи стояли они къ „новой верховной власти“ въ лицѣ общественнаго мнѣнія, которое такъ осязательно давало чувствовать свою силу правительству,—то мы найдемъ, что и относительно интендантовъ дѣло обстояло, mutatis mutandis, такимъ же приблизительно образомъ. Правда, у провинціальныхъ администраторовъ, стоявшихъ болѣе или менѣе въ тѣни для той „публики“, которая главнымъ образомъ „дѣлала общественное мнѣніе“ [1]), мы, естественно, не видимъ столь же яркихъ проявленій вліянія послѣдняго, какъ это имѣетъ мѣсто относительно центральной власти; тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ знакомствѣ съ административной дѣятельностью интендантовъ, мы найдемъ, что вліяніе общественнаго мнѣнія на послѣднюю, хотя и не бросающееся въ глаза, было тѣмъ не менѣе глубоко и серьезно.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь, *интенданты, какъ мы видѣли, по своему происхожденію и своему соціальному положенію, принадлежали, какъ и министры, къ тому же самому „государственному дворянству“, которое въ изучаемую пору составляло и главный контингентъ той „просвѣщенной публики“, которая наполняла собою парижскіе салоны.* Рѣдкій интендантъ—парижанинъ по рожденію, но почти каждый—парижанинъ по своему воспитанію, по своимъ вкусамъ, по своимъ семейнымъ и служебнымъ связямъ. Общій всѣмъ парижанамъ недугъ—тоска по Парижу—не чуждъ и интендантамъ, даже и провинціаламъ по своему рожденію. Тяготѣніе къ Парижу—одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ перемѣщеній интендантовъ. Иной съ радостью перемѣняетъ лучшее интендантство на худшее, но болѣе близкое къ Парижу, куда его тянетъ неодолимая сила. Почти каждый интендантъ—дóма въ Парижѣ,—быть можетъ, подъ часъ болѣе дома, чѣмъ въ „своей провинціи“: тамъ у него только казенный „отель“, подъ одной крышей съ канцеляріями; здѣсь, въ Парижѣ, почти всегда—собственный домъ, по сосѣдству съ какимъ-нибудь „салономъ“, гдѣ „просвѣщенный магистратъ“ чувствуетъ себя своимъ среди „просвѣщенныхъ“ дамъ, свѣтскихъ людей, литераторовъ, артистовъ и т. д. Удивительно ли послѣ этого, что интенданту нелегко бываетъ вырваться изъ Парижа, разъ

[1]) На что не безъ грусти указываетъ одинъ изъ интендантовъ (Сенакъ-де-Мейльянъ) въ офиціальной рѣчи своей передъ провинціальнымъ собраніемъ въ 1787 г.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provisoire de la province de Hainaut,* Paris, 1788.—*Pièces justificatives,* p. 214.

тамъ очутившись; не смотря на то, что на это косо посматриваетъ высшее начальство, интендантъ иной разъ засиживается тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ подъ рядъ. Въ чемъ же заключалась столь неодолимо притягательная для „просвѣщеннаго человѣка" сила Парижа? Въ чемъ, какъ не въ той доведенной до высшей степени утонченности, блестящей и жизнерадостной салонно-свѣтской общественности, которая, постепенно дезаристократизируясь, мельчая и дробясь, сдѣлалась въ послѣдніе годы стараго порядка достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ „публики"? И не въ этой ли „достигшей своего совершенства" свѣтской жизни [1]) заключался главный элементъ той *douceur de vivre* и вмѣстѣ—разгадка того „очарованія" парижской жизни, о которыхъ любили на старости лѣтъ вспоминать впослѣдствіи люди, въ зрѣлые годы принимавшіе участіе въ парижской свѣтской жизни въ послѣднюю пору стараго порядка [2])?

Homme du monde, интендантъ нерѣдко и *homme de lettres*. Дѣйствительно, среди интендантовъ занимающей насъ эпохи, мы встрѣчаемъ немало лицъ, не только состоящихъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ „литературной республикой", но и принадлежащихъ къ числу „гражданъ" послѣдней. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей-экономистовъ и мыслителей своего времени принадлежитъ къ числу интендантовъ этой эпохи. На немъ мы, однако, не будемъ останавливаться отчасти потому, что Тюрго—мы разумѣемъ именно его—представляетъ собою слишкомъ выдающееся въ этомъ отношеніи и пожалуй до извѣстной степени исключительное явленіе; во-вторыхъ—потому, что его дѣятельность, какъ интенданта, всего лишь нѣсколькими мѣсяцами принадлежитъ времени Людовика XVI; наконецъ—потому еще, что физіономія Тюрго, и какъ администратора, и какъ писателя, слишкомъ хорошо выяснена въ исторической литературѣ, чтобы представлялась надобность останавли-

[1]) *Taine*, les Origines, t. I, p. 163: „Par cette détente universelle, la vie mondaine est devenue parfaite".

[2]) „Quiconque n'a pas vecu alors, n'a pas connu la douceur de vivre"—говорилъ впослѣдствіи Таллейранъ, вспоминая о послѣднихъ годахъ передъ 1789 г. О томъ же времени г-жа де-Сталь высказывалась такъ: „Les étrangers ne sauraient cencevoir le charme et l'éclat tant vanté de la société de Paris, s'ils n'ont vu la France que depuis vingt ans; mais on peut dire avec vérité que jamais cette société n'a été aussi brillante et aussi sérieuse tout ensemble que pendant les trois ou quatre premières années de la révolution, à compter de 1788 à la fin de 1791".

ваться здѣсь болѣе обстоятельно на этой исторической личности [1]).

Если оставить въ сторонѣ Тюрго, то первенствующее мѣсто среди интендантовъ-писателей слѣдуетъ отвести Сенакъ-де-Мейльяну и Оже-де-Монтіону.

XXIII.

Интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ является въ извѣстномъ смыслѣ типичнымъ представителемъ *gens de lettres* второй половины восемнадцатаго вѣка: всесторонній и вмѣстѣ поверхностный, все знающій, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, готовый писать обо всемъ съ одинаковымъ блескомъ и остроуміемъ; кумиръ вѣка, *esprit*—его кумиръ [2]). Излишне прибавлять, что съ юности онъ—поклонникъ Вольтера. Восемнадцатилѣтнимъ юнцомъ будущій интендантъ совершаетъ па-

[1]) Біографіи Тюрго: *Dupont de Nemours,* Mémoire sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, Philadelphie, 1782, 2 vol.; *Dupuy,* Eloge historique de M. Turgot, 1782; *Condorcet,* Vie de M. Turgot, 1786; *Tallandier,* Eloge de M. Turgot, Limoges, 1814; *Monjean,* Notice sur la vie et les ouvrages de Turgot, Paris, 1844; *Daire,* Notice sur la vie et les ouvrages de Turgot, Paris, 1844; *Dareste,* Eloge de Turgot, Paris, 1846; *Bouchot,* Eloge de Turgot, Paris, 1846; *Baudrillart,* Eloge de Turgot (*Revue des deux Mondes,* 1846).—Тюрго, какъ писатель и администраторъ: *d'Argout,* Du ministère de Turgot, Paris, 1840; *Муравьевъ,* Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, Москва, 1858. *d'Hugues,* Essai sur l'administration de Turgot, dans la généralité de Limoges, Paris, 1859; *Batbie,* Turgot, philosophe, économiste et administrateur, Paris, 1861; *Tissot,* Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages, Paris, 1862; *Mastier,* Turgot, sa vie et sa doctrine, Paris, 1862; *de Larcy,* Louis XVI et Turgot, d'après des documents inédits, Paris, 1866; *Scheel,* Turgot als Nationaloekonom (*Zeitschr. für d. ges. Staatswissenschaft,* 1868); *Foncin,* Essai sur le ministère de Turgot, Paris, 1876; *Treich-Laplène,* Turgot dans le Haut-Limousin (*Bulletin de la Société scientifique,* etc., Brive, 1879); *Gerlier,* Voltaire, Turgot, et les franchises du pays de Gex, Genève, 1883; *Афанасьевъ,* Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Одесса, 1884; *Nourrisson,* Trois révolutionnaires: Turgot, Necker, Bailly, Paris, 1885; *Neymarck,* Turgot et ses doctrines, Paris, 1885, 2 vol.; *Kriegsmann,* Turgot bit zu seiner Berufung ins Ministerium, Wandsbeck, 1885; *Say,* Turgot, Paris, 1887; *Waelès,* Turgot als Pädagog, Bonn, 1901; *Lafarge,* l'Agriculture en Limousin au XVIII siècle et l'intendance de Turgot, Paris, 1902; *Carré,* Turgot et le rappel des Parlements (*Séances et travaux de l'Acad. de sciences m. et. p.,* 1902).

[2]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XV, p. 393 (5 février 1784): „L'auteur du *Tableau de Paris*... On peut lui reprocher d'avoir voulu y mettre trop d'esprit: *c'est le défaut du siècle.*—Сравн. *Lettres persanes,* 48: „...qui n'a pas d'esprit pour parler, mais qui *parle pour avoir de l'esprit*".

ломничество въ Délices на поклоненіе этому литературному божеству и адресуетъ Вольтеру стихотворное посланіе, на которое тотъ отвѣчаетъ въ обычномъ своемъ тонѣ преувеличенныхъ похвалъ, изъ-подъ которыхъ сквозитъ саркастическая усмѣшечка [1]). Переписка будущаго интенданта съ патріархомъ философіи продолжалась болѣе или менѣе регулярно въ теченіе пяти-шести лѣтъ, и въ 1760 г., напримѣръ, Вольтеръ пишетъ своему поклоннику: „Сочиняйте въ прозѣ или стихахъ, занимайтесь философіей или практической дѣятельностью,—вы достигнете успѣха въ вашихъ начинаніяхъ“ [2]).

Любопытно слѣдующее автобіографическое признаніе Сенакъ-де-Мейльяна, сдѣланное имъ на склонѣ своей жизни: „вплоть до созыва собранія нотаблей (въ 1787 г.) я было всецѣло поглощенъ литературой, удовольствіями и работой на благо людей“ [3]). Замѣтьте: *литература*—на первомъ мѣстѣ и „благо людей“ на послѣднемъ: характерное признаніе въ устахъ бывшаго администратора, и вмѣстѣ—характерный примѣръ завоеванія „администраціи“ „литературой“—явленіе новое въ исторіи „стараго порядка“.

Впрочемъ, прежде чѣмъ искать литературной извѣстности, Сенакъ довольствовался репутаціей *homme du monde* и *homme d'esprit*. Парижскій „свѣтъ“ съ его *bureaux d'esprit* былъ настоящей стихіей валансьеннскаго интенданта, въ которую онъ спѣшилъ окунуться всякій разъ, какъ представлялась возможность покинуть „свою провинцію“.

Не смотря на свой ранній интересъ къ литературѣ, Сенакъ-де-Мейльянъ выступилъ на литературное поприще лишь тридцать лѣтъ спустя послѣ своихъ первыхъ рукописныхъ опытовъ „въ прозѣ и стихахъ“, удостоившихся столь лестнаго поощренія со стороны

[1]) Отвѣтъ Вольтера на присылъ юнаго Сенакъ-де-Мейльяна начинается слѣдующими словами: „Je n'ai guère reçu, Monsieur, en ma vie, ni de lettres plus agréables que celles dont vous m'avez honoré, ni de plus jolis vers que les votres“.—*Legrand,* Senac de Meilhan, p. 10.

[2]) „Faites de la prose ou des vers, Monsieur, donnez-vous à la philosophie ou aux affaires, vous réussirez à ce que vous entreprendrez“ (4 juillet 1760). — Ibidem, p. 12, 13.

[3]) „Le goût des lettres et l'amour d'une vie voluptueuse amortirent en peu de temps mon ambition et jusqu'à l'assemblée des Notables, je ne fus occupé que des lettres, de mes plaisirs et du bien que je pouvais faire aux hommes“.—*Senac de Meilhan,* l'Emigré, Brunswick, 1797, 4 vol. (цит. по *Legrand,* op. cit. p. 17).

Вольтера. Какъ истый питомецъ парижскихъ салоновъ, пятидесятилѣтній администраторъ и аспирантъ на постъ министра и роль спасителя отечества [1]); онъ дебютируетъ на поприщѣ литературы мистификаціей, которая была бы изумительна въ наше время, но которая была совершенно въ духѣ того времени, помѣшаннаго на esprit. Въ 1786 г. появилась и успѣла обратить на себя вниманіе книга подъ заглавіемъ: *Мемуары принцессы пфальцской Анны Ганзагъ* [2]). Какой-то нѣмецъ принялъ въ серьезъ эти „Мемуары" нѣмецкой принцессы и перевелъ ихъ даже на нѣмецкій языкъ [3]); у французской публики нюхъ оказался тоньше: она не позволила себя одурачить литературнымъ фокусомъ. Оставалось разгадать таинственнаго автора. Въ гипотезахъ не было недостатка; называли, между прочимъ, Рюльера, Таллейрана, Неккера и другихъ патентованныхъ *hommes d'esprit*; тѣмъ пріятнѣе было автору самому помочь раскрыть свое инкогнито, что̀ онъ и не замедлилъ сдѣлать, убѣдившись въ литературномъ успѣхѣ своей нѣсколько запоздалой пробы пера. Поддѣльные мемуары предназначались, повидимому, служить пробнымъ шаромъ, потому что вслѣдъ за этой литературной продѣлкой Сенакъ-де-Мейльянъ выпустилъ въ слѣдующемъ году одинъ вслѣдъ за другимъ два большихъ и на этотъ разъ серьезныхъ трактата: *Размышленія объ умѣ и нравахъ* [4]) и *Размышленія о богатствѣ и роскоши* [5]).

Оба сочиненія представляютъ собою не что иное, какъ упражненія въ остроумничаньи на „моральныя" темы, послѣднее—съ изрядной примѣсью „экономіи". Оба были во вкусѣ эпохи и имѣли успѣхъ въ парижскихъ салонахъ [6]), хотя Гриммъ остался недоволенъ

---

1) *Sainte-Beuve*, Causeries du Lundi, Paris, 1855, t. X, p. 78: A la mort de Louis XV, il semble s'être dit: „Mon père était le premier médecin du feu roi, je serai le premier médecin de la France".

2) *Senac de Meilhan*, Mémoires d'Anne de Gonzague, princesse Palatine, Londres et Paris, 1786.—Экземпляръ этой книги имѣется въ Воронцовской библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ рубрикой: 2. 8. 7. 14.

3) Нѣмецкій переводъ вышелъ въ Halle въ 1787 г.—*Legrand*, op. cit., p. 53.

4) Considérations sur l'esprit et les mœurs, Londres et Paris, 1787, in-8.

5) Considérations sur les richesses et le luxe, Paris et Amsterdam, 1787.—Въ дѣйствительности книга была отпечатана въ Валансьеннѣ. Біографъ Сенакъ-де-Мейльяна Лескюръ (въ предисловіи къ сочиненію Сенакъ-де-Мейльяна *le Gouvernement, les mœurs*, etc., p. 25) считаетъ это произведеніе Сенака вторымъ, другой же біографъ, Легранъ (op. cit., p. 54) считаетъ его третьимъ и, ка̀жется, съ бо̀льшимъ правомъ.

6) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 240 (21 mars 1788): „On parle

первымъ изъ названныхъ сочиненій. Признавая въ авторѣ „un homme de beaucoup d'esprit“, онъ полагаетъ, тѣмъ не менѣе, что сочиненіе это „принесетъ гораздо болѣе вреда его честолюбивымъ планамъ[1]), чѣмъ прибавитъ что-либо къ его литературной репутаціи“. Въ сочиненіи валансьеннскаго интенданта литературный критикъ находитъ „массу замѣчаній, не соотвѣтствующихъ по своему характеру ни солидности его возраста, ни серьезности занимаемаго имъ положенія и еще менѣе — того положенія, къ которому онъ стремится“ [2]).

Приговоръ современнаго критика грѣшитъ явною односторонностью, и новѣйшій критикъ, въ лицѣ Сентъ-Бёва, даетъ названному произведенію Сенака болѣе вѣрную оцѣнку. Быть можетъ, нѣсколько рискованно ставить автора *Considérations sur l'esprit et les mœurs* въ параллель съ Ларошфуко и Лабрюйэромъ, какъ это дѣлаетъ Сентъ-Бёвъ, но послѣдній очень мѣтко указываетъ именно на ту сторону сочиненія Сенакъ-де-Мейльяна, которая составляетъ, несомнѣнно, его главную цѣнность. При всей его погонѣ за краснымъ словцомъ, при всемъ его равнодушіи къ правдѣ ради правды, эта правда пробивается между строкъ, безъ вѣдома автора, можно сказать—противъ его воли. „Моралистъ времени Людовика XVI, въ моментъ, когда дореволюціонная цивилизація достигла своего предѣльнаго развитія“, онъ нѣкоторымъ образомъ рисуетъ передъ нами картину „французской монархіи наканунѣ ея конца“ [3]).

Что касается *Размышленій о богатствѣ и роскоши*, то здѣсь остроуміе, въ которомъ никто не отказывалъ Сенаку, оказывается на службѣ у „тщеславія“, въ которомъ его упрекали, можно сказать, всѣ. Сенакъ былъ увѣренъ въ своемъ провиденціальномъ назначеніи „спасти Францію“ въ качествѣ министра финансовъ, и не могъ про-

beaucoup de trois ouvrages nouveaux. L'un est intitulé *Considérations sur les mœurs*“...

[1]) Намекъ на стремленіе Сенакъ-де-Мейльяна получить постъ министра финансовъ.

[2]) „Quoique l'ouvrage... soit assurément celui d'un homme de beaucoup d'esprit, il y a lieu de croire qu'il ajoutera moins à la réputaition littéraire de l'auteur qu'il ne pourra nuire à l'ambition de ses projets; on y a trouvé une foule de remarques dont le caractère ne convient ni à la gravité de son âge, ni à celle de son état, encore moins à celle de la place où l'on sait qu'il aspire“.— *Grimm*, Correspondance littéraire, t. XIV (цит. по *Legrand*, op. cit., p. 55).

[3]) *Sainte-Beuve*, Causeries du Lundi, t. X, p. 74, 82, 86.

стить Неккеру, что онъ „перебилъ“ у него мѣсто; еще менѣе могъ онъ простить послѣднему тѣ лавры, которые тотъ стяжалъ своимъ трактатомъ о французскихъ финансахъ. *Размышленія о богатствѣ и роскоши* должны были служить противовѣсомъ трактату Неккера, и съ одной стороны—доказать несостоятельность идей послѣдняго, а съ другой—показать urbi et orbi, какой финансовый геній скрывается въ авторѣ *Размышленій*. По удачному замѣчанію Сентъ-Бёва, Сенакъ-де-Мейльянъ выступалъ съ этой книгой „передъ общественнымъ мнѣніемъ въ качествѣ кандидата на постъ министра финансовъ“ [1]). Однако претензіи непризнаннаго государственнаго генія далеко не встрѣтили того пріема, на который, быть можетъ, разсчитывалъ авторъ послѣ успѣха своей литературной продѣлки. „Репутація остроумнаго человѣка и государственнаго дѣятеля—замѣчаетъ Гриммъ въ своей *Литературной корреспонденціи*,—повидимому, не удовлетворяетъ тщеславія этого молодого магистрата [2]); онъ заявляетъ еще притязаніе на репутацію солиднаго ученаго; мы опасаемся однако, чтобы его ученыя выкладки не были заподозрѣны въ такомъ же верхоглядствѣ, какъ и его политико-экономическія разсужденія“ [3]).

Ученость автора, дѣйствительно, не изъ солидныхъ; но во всякомъ случаѣ книга валансьеннскаго интенданта свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ сочиненіями Вольтера, котораго онъ охотно цитируетъ,—съ *Духомъ законовъ* Монтескье, котораго цитируетъ еще чаще [4]), а также—съ ученіемъ современныхъ ему „экономистовъ“, идеи которыхъ ему служатъ въ качествѣ аргументовъ противъ Неккера. „Свобода есть факторъ роста народонаселенія“ [5]). „Ростъ народонаселенія есть одно изъ средствъ противъ нищеты“ [6]). Вслѣдъ за физіократами, авторъ высказывается, въ противоположность оппортунистическимъ воззрѣніямъ Неккера, за безусловную свободу хлѣбной торговли [7]). Валансьеннскій интендантъ вполнѣ

---

[1]) *Sainte-Beuve,* op. cit., t. X, p. 81.

[2]) „Молодому магистрату“ было въ ту пору за пятьдесятъ лѣтъ. Врядъ ли тутъ ошибка, скорѣе—иронія.

[3]) *Grimm,* Correspondance littéraire, t. XV, p. 113—115.

[4]) Изъ древнихъ авторъ цитируетъ Плинія и Аристотеля.

[5]) *Senac de Meilhan,* Considérations sur les richesses et le luxe, p. 29.

[6]) „C'est pour remédier à la misère qu'il est à désirer que la population s'accroisse“.—Ibidem, p. 33.

[7]) Ibidem, p. 299—300.

раздѣляетъ также преклоненіе физіократовъ передъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Фридрихъ II Прусскій въ его глазахъ—идеалъ государя. „Слава своего вѣка, величайшій изъ государственныхъ людей со времени Цезаря, этотъ государь пользуется безграничной властью... Ему можно бы воздвигнуть, какъ Траяну, тріумфальную арку съ надписью: *Providentissimo principi*“ [1]).

Революція не прервала литературной карьеры бывшаго интенданта, она дала ей лишь новое направленіе. Въ 1790 г. онъ выпустилъ, по обыкновенію безъ обозначенія своего имени, брошюру *О началахъ и причинахъ французской революціи* [2]).

Эта маленькая книжка, прошедшая почти незамѣченною въ свое время и не попавшая въ литературную исторію Франціи по своей литературной незначительности, была, быть можетъ, лучшимъ изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ до этой минуты изъ-подъ пера Сенакъ-де-Мейльяна. То, что написано было имъ до тѣхъ поръ, все это было *сочинено* въ худшемъ смыслѣ этого слова. Это была первая изъ его книгъ, которая была написана не съ тѣмъ, чтобы блеснуть своимъ остроуміемъ или проложить дорогу своимъ честолюбивымъ стремленіямъ; въ ней было то, чего не доставало прежнимъ сочиненіямъ Сенакъ-де-Мейльяна: *искренность*. Нельзя сказать, чтобы книжка эта была написана горячо: этого трудно было ожидать отъ Сенакъ-де-Мейльяна и ранѣе, въ особенности же теперь, когда ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ; она поражаетъ, напротивъ, своимъ спокойнымъ тономъ, слишкомъ спокойнымъ для человѣка, пишущаго о той самой революціи, которая разбила его жизнь. Написанная *sine ira et studio*, книга Сенакъ-де-Мейльяна далека и отъ той близорукости, какою по большей части отличаются сужденія современниковъ о революціи. И это, быть можетъ, потому, что изложилъ здѣсь авторъ не сочиненное „изъ головы“ или вычитанное изъ книгъ, а *пережитое*, передуманное и перечувствованное. Благодаря этому, совершенно независимо отъ своихъ литературныхъ

[1]) „Un souverain, la gloire de son siècle..., le plus grand homme depuis César, jouit d'une autorité sans bornes. La plus grande économie règne dans l'administration de ses revenus... Aucun détail n'est indigne de lui, et on pourrait lui élever, comme à Trajan, un arc de triomphe avec l'inscription: *Providentissimo principi*“.—Ibidem, p. 317—318.

[2]) *Senac de Meilhan,* Des principes et des causes de la révolution en France, Londres et Paris, 1790; Saint-Pétersbourg, 1791.

достоинствъ и недостатковъ, книжка Сенакъ-де-Мейльяна представляетъ собою большой историческій интересъ. Интересны сужденія бывшаго валансьеннскаго интенданта, между прочимъ, и потому, что въ своихъ общихъ взглядахъ на революцію онъ до извѣстной степени предвосхищаетъ взглядъ на нее одного изъ новѣйшихъ историковъ революціи. „Французская революція является революціей человѣческаго ума. Царство религіозныхъ идей миновало; возрождается, повидимому, царство свободы. Но у древнихъ свобода коренилась въ сердцѣ, это была страсть; любовь къ свободѣ, проявляющаяся въ настоящій моментъ, имѣетъ свои корни въ умѣ, она раціоналистична и систематична" [1]). Какъ легко видѣть, идея Тэна о „классическомъ духѣ" и его роли въ исторіи революціи выражена здѣсь только въ другихъ словахъ.

Во всякомъ случаѣ въ этой книгѣ о революціи, написанной человѣкомъ, потерпѣвшимъ отъ нея, мы напрасно бы стали искать гнѣвныхъ филиппикъ противъ послѣдней, равно какъ и стремленія защищать во чтобы то ни стало старый порядокъ, съ которымъ были связаны у автора и его лучшія воспоминанія и его завѣтныя мечты. Въ этомъ отношеніи бытописатель-современникъ оказывается несравненно объективнѣе многихъ новѣйшихъ историковъ революціи. Вліяніе *esprit* восемнадцатаго вѣка сказалось здѣсь лучшей его стороной, — той стороной, которую можно назвать интеллектуальнымъ тактомъ.

Сочиненіе о французской революціи свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о рѣдкомъ самообладаніи, съ какимъ отнесся къ совершившемуся перевороту этотъ столь потерпѣвшій отъ него человѣкъ. Событія нисколько не нарушили равновѣсія его духа, и лучшее тому свидѣтельство—въ томъ, что Сенакъ-де-Мейльянъ выпустилъ въ томъ же 1790 г. небольшой разсказъ *Два кузена, подлинная исторія*, который Сентъ-Бёвъ находитъ „очень остроумнымъ и изящнымъ по своей идеѣ" [2]).

[1]) Ibidem, p. 102: „La révolution de la France semble être celle de l'esprit humain. Le règne des idées religieuses est passé, celui de la liberté paraît renaître. Mais chez les anciens, l'amour de la liberté avait ses racines dans le cœur, c'était une passion; celui qui éclate en ce moment a sa racine dans l'esprit, il est raisonné et systématique".—Въ деталяхъ, впрочемъ, авторъ далеко не выдерживаетъ этого философско-историческаго полета и раздѣляетъ до извѣстной степени близорукость другихъ современниковъ революціи.

[2]) *Senac de Meilhan*, Les deux Cousins, histoire véritable.—*Lescure*, op. cit., p. 43.

Однако время остроумничанья прошло, приходилось думать уже о своей безопасности, и Сенакъ-де-Мейльянъ, вмѣстѣ съ интендантствомъ, покинулъ и Францію, куда ему, какъ „эмигранту“, не суждено было болѣе возвратиться, такъ какъ не удалось дожить до реставраціи. Лѣтомъ 1790 г. мы его видимъ въ Англіи. Впечатлѣнія, испытанныя здѣсь бывшимъ французскимъ администраторомъ, не лишены характерности. „Каждый гражданинъ живетъ здѣсь въ самой полной безопасности и съ полнымъ правомъ смотритъ на себя, какъ на дѣятельную частицу правительственной машины. Знать, пользуясь уваженіемъ народа, въ то же время лишена возможности его угнетать...“ Не менѣе интересно заключеніе, къ которому приходитъ бывшій валансьеннскій интендантъ: „Роль, которую играетъ въ Европѣ англійская нація, свидѣтельствуетъ въ пользу ея государственнаго строя“ [1]).

Въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемся съ Сенакомъ въ Германіи, гдѣ онъ выпускаетъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ *Философскіе и литературные наброски* [2]), выборки изъ своихъ прежнихъ сочиненій. Вслѣдъ затѣмъ Сенакъ-де-Мейльянъ переноситъ театръ своей дѣятельности въ Россію: въ 1792 г. мы его находимъ въ Петербургѣ, въ толпѣ „знатныхъ иностранцевъ“, околачивающихъ пороги екатерининскихъ дворцовъ, въ чаяніи щедротъ „сѣверной Семирамиды“ [3]). Насыщенная полувосточной лестью атмосфера петербург-

---

[1]) „Chaque citoyen vit dans la sécurité la plus profonde et se croit avec raison une partie active de la machine du gouvernement. Les grands, honorés du peuple, ne peuvent jamais l'opprimer... Le rôle que joue dans l'Europe la nation anglaise dépose en faveur de sa constitution“.—*Legrand,* op. cit., p. 78–79.

[2]) *Senac de Meilhan,* Mélanges de philosophie et de littérature.—*Lescure,* op. cit., p. 44.

[3]) Утвержденіе Сентъ-Бёва, вообще слишкомъ пристрастнаго въ пользу Сенакъ-де-Мейльяна, что онъ былъ приглашенъ Екатериной, опровергается опубликованными въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго Общества* (томъ 42, 1885 г.) письмами Екатерины и другихъ лицъ касательно Сенакъ-де-Мейльяна.—См. объ этомъ также: *Майковъ,* Сношенія Екатерины II съ Неккеромъ и Сенакъ-де-Мейльяномъ (*Русская Старина,* т. 85 (1896), стр. 145—161); *кн. Оболенскій,* Сенакъ-де-Мейльянъ, французскій эмигрантъ восемнадцатаго вѣка и его отношенія къ Россіи (*Русскій Архивъ,* 1866 г., стр. 422—459); *Ch. de Larivière,* Cathérine II et la Révolution française, Paris, 1895, 272—355; *Pingaud,* les Français en Russie et les Russes en France, Paris, 1886.

скаго двора, видимо, сбила съ толку бывшаго французскаго „магистрата“, судя по тому плачевному состоянію, въ какомъ очутился здѣсь его, казалось бы, столь испытанный французскій *esprit*. Достаточно сказать, что первымъ литературнымъ произведеніемъ, которымъ онъ дебютировалъ на берегахъ Невы, было то самое *Письмо о Россіи* [1]), о которомъ не могутъ говорить, не краснѣя за его автора, біографы Сенакъ-де-Мейльяна. Остается лишь удивляться, какъ, безспорно до той поры остроумный и несомнѣнно неглупый человѣкъ, да вдобавокъ не лишенный опытности писатель, могъ не краснѣя преподносить читателю свою грубую лесть Екатеринѣ, столь же наглую по существу, сколько лубочную по формѣ [2]).

Во всякомъ случаѣ чувство мѣры и чувство такта до такой степени измѣнили на берегахъ Невы человѣку, который пріобрѣлъ себѣ репутацію „остроумнаго“ на берегахъ Сены, что послѣ изложеннаго литературнаго дебюта, Сенакъ-де-Мейльянъ не нашелъ ничего болѣе подходящаго, какъ предложить Екатеринѣ свои услуги въ качествѣ историографа Россіи. Онъ предлагалъ ни болѣе ни менѣе, какъ написать исторію Россіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ... это ни слова не зная по-русски, не говоря уже о незнаніи страны и народа... Впрочемъ, для „просвѣщеннаго человѣка“ восемнадцатаго вѣка, съ его „классическимъ умомъ“ и представленіемъ о „человѣкѣ вообще“, подобная идея могла представляться столь же естественной, сколько намъ, людямъ двадцатаго столѣтія, она кажется чудовищной. Екатеринѣ ничего не оставалось, какъ дать понять самозванному россійскому исторіографу всю несообразность его претензій, а послѣднему—ретироваться изъ страны, не оправдавшей его надеждъ. Чтобы позолотить пилюлю, Екатерина предложила ему, по обыкновенію, щедрую „пенсію“, которую Сенакъ-де-Мейльянъ имѣлъ без-

[1]) Lettre à madame de*** sur la Russie, Paris, 1792.—Перепечатано въ *Oeuvres philosophiques*.

[2]) Именно—въ формѣ параллели между „великой Екатериной“ и римскимъ храмомъ св. Петра. „Храмъ св. Петра соединяетъ въ себѣ всѣ роды архитектуры: Екатерина соединяетъ съ прелестями самой обворожительной женщины—мужество и энергію великаго человѣка. Храмъ св. Петра непроницаемъ для атмосферныхъ перемѣнъ: внутри его лѣтомъ не жарко, зимой не холодно. Умъ Екатерины такого прочнаго закала, что его не въ состояніи сломить неудачи, какъ не можеть ослѣплять успѣхъ... Храмъ св. Петра внушаетъ религіозное чувство: онъ вызываетъ ощущеніе необъятности. Екатерина вызываетъ точно такое же чувство...“

тактность или слабость принять. Послѣ этого мы видимъ Сенакъ-де-Мейльяна снова въ Германіи. Оставивъ окончательно въ покоѣ русскую исторію, бывшій валансьеннскій интендантъ находитъ здѣсь болѣе подходящій выходъ своимъ литературнымъ порывамъ. Въ 1795 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ въ Гамбургѣ, подъ заглавіемъ *Философскихъ и литературныхъ сочиненій* [1]), переработку своихъ *Considérations sur les moeurs* и *Mélanges de philosophie et de littérature*, а также новое сочиненіе *О правительствѣ, нравахъ и общественныхъ отношеніяхъ во Франціи передъ революціей* [2]).

Въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій Сенакъ-де-Мейльянъ попалъ снова въ свою настоящую стихію: какъ въ своей книгѣ о французской революціи, такъ еще болѣе въ этомъ довольно объемистомъ трактатѣ, ему приходится не *сочинять*, а лишь излагать вещи, хорошо ему извѣстныя по личнымъ наблюденіямъ, воспоминаніямъ, по собственному опыту. Это рядъ очерковъ, если и не дающихъ цѣльной картины старой Франціи, то рисующихъ болѣе или менѣе отчетливо нѣкоторыя изъ ея сторонъ. Естественно, что человѣкъ, у котораго, можно сказать, все въ жизни было связано съ той старой Франціей, говоритъ о ней съ симпатіей; но эта симпатія не доходитъ до пристрастія, которое бы заставляло автора закрывать глаза на отрицательныя стороны предмета. Этихъ отрицательныхъ сторонъ Сенакъ-де-Мейльянъ ничуть не думаетъ замалчивать, и опять-таки этотъ бытописатель изъ „людей стараго порядка" оказывается несравненно ближе къ исторической объективности, чѣмъ многіе изъ новѣйшихъ историковъ.

Во введеніи Сенакъ-де-Мейльянъ снова заявляетъ себя поклонникомъ „англійской конституціи", которую беретъ подъ свою защиту противъ Руссо [3]). Въ первой главѣ, посвященной характеристикѣ „придворныхъ нравовъ при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI", авторъ рисуетъ ихъ словами Монтескье: „Тщеславіе въ праздности,

[1]) Oeuvres philosophiques et littéraires, Hambourg, 1795, 2 vol. petit in-8.

[2]) Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution, Hambourg, 1795, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lb 2/18.—Сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью, сочиненіе это было переиздано Лескюромъ (Paris, 1862).

[3]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs, etc., éd. Lescure, p. 77: „On conteste au peuple Anglais d'être libre: et un écrivain célèbre, J.-J. Rousseau prétend", etc.

низость въ высокомѣріи, желаніе обогатиться безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, презрѣніе къ долгу гражданина, страхъ передъ добродѣтелью государя и чаянія отъ его слабостей—вотъ основныя черты моральной физіономіи большинства придворныхъ“ [1]).

Послѣ „короля и королевы“, которымъ посвящена вторая и, вопреки возможнымъ ожиданіямъ, очень мало содержательная глава, Сенакъ переходитъ къ тремъ сословіямъ. Здѣсь онъ дѣлаетъ ретроспективный упрекъ правительству Людовика XVI за то, что у него не хватило рѣшимости покончить разъ навсегда съ отжившею привилегіей, въ силу которой самое богатое изъ всѣхъ сословій, духовенство, не считалось обязаннымъ нести податного бремени въ пользу государства [2]). Дворянинъ, но не изъ старинныхъ, а главное—„просвѣщенный человѣкъ“, Сенакъ не раздѣляетъ „старыхъ предразсудковъ“, въ силу которыхъ дворяне старинныхъ родовъ старались отмежеваться отъ болѣе молодого дворянства“ [3]). Изображеніе положенія третьяго сословія грѣшитъ у автора явнымъ излишествомъ розовыхъ тоновъ, поскольку дѣло идетъ о третьемъ сословіи вообще; но въ сущности онъ имѣетъ въ виду лишь верхніе слои послѣдняго, входящіе въ составъ того, что мы условились называть государственнымъ дворянствомъ [4]). Отмѣтивъ въ особой главѣ „сближеніе между отдѣльными сословіями“ [5]), авторъ переходитъ къ парламентамъ, и, что замѣчательно, въ сужденіяхъ, бывшаго интенданта о нихъ нѣтъ ни горечи, ни предубѣжденія. Напротивъ, бывшій интендантъ отмѣчаетъ съ нескрываемой симпатіей „мужественное сопротивленіе“ высшихъ трибуналовъ „произволу правительственной власти“ и ихъ часто успѣшную „борьбу противъ министровъ-деспотовъ“ [6]).

Въ слѣдующей главѣ, трактующей объ „администраціи“, въ особенности интересно отмѣтить сужденіе объ интендантахъ со стороны

1) Ibidem, p. 90.
2) Ibidem, p. 105.
3) Ibidem, p. 108.
4) Ibidem, p. 111—120.
5) Ibidem, p. 121—127.
6) „Les Parlements, et dans quelques circonstances les Chambres des comptes et les Cours des aides ont opposé une courageuse résistance aux entreprises de l'autorité arbitraire, et ont été officacement secondés dans cette lutte contre des ministres despotes, par les moeurs et les usages fortifiés de l'opinion, qui a toujours eu un grand pouvoir en France“.—Ibidem, p. 131.

одного изъ ихъ среды. „Ихъ часто упрекали въ злоупотребленіи властью и въ суровости по отношенію къ податному населенію. Возможно, что нѣкоторые изъ нихъ заслуживали подобнаго упрека, да и существуетъ ли вообще такое учрежденіе, которое было бы совершенно застраховано отъ злоупотребленій? Подъ управленіемъ Кольбера интенданты осуществляли свою власть съ суровымъ деспотизмомъ и въ этомъ случаѣ они лишь слѣдовали тѣмъ указаніямъ и предписаніямъ, которыя исходили отъ этого знаменитаго государственнаго человѣка. Блескъ его управленія заслонилъ собою возмутительную фискальность послѣдняго." Таковъ приговоръ, произносимый интендантовъ „просвѣщеннаго вѣка" надъ интендантами эпохи Кольбера. Къ счастью, это время „варварскаго деспотизма" далеко; настало другое время, когда „интенданты, *направляемые общественнымъ мнѣніемъ, стали стараться болѣе отличиться своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ населенію, чѣмъ рабскимъ подчиненіемъ министерской волѣ*. Въ перепискѣ большей части этихъ магистратовъ можно найти краснорѣчивыя ходатайства въ пользу народа, подкрѣпленныя глубокимъ знаніемъ дѣла" [1]... Если въ чемъ можно упрекнуть нѣсколькихъ изъ нихъ, то это „ни мздоимство, ни злоупотребленіе властью, а скорѣе—небрежность и легкомысліе" [2]... Что касается послѣднихъ словъ („небрежность и легкомысліе"), то они сами собой напрашиваются на замѣчаніе: „parlez pour vous, Monsieur": какъ автобіографическое признаніе, они безспорно цѣнны; какъ историческое свидѣтельство, въ той общей формѣ, въ которой они здѣсь фигурируютъ, они нуждаются въ оговоркахъ, какъ это увидимъ ниже.

Защищая въ слѣдующей главѣ продажность судебныхъ должностей, авторъ однако не можетъ удержаться, чтобы не отдать дани „болѣзни вѣка", о которой говоритъ современный писатель [3]. Анекдотъ, который онъ по этому поводу передаетъ, не особенно вяжется съ основнымъ тезисомъ автора, но въ немъ tant d'esprit! „Кто же будетъ покупать эти должности?" замѣтилъ Людовикъ XIV генералъ-контролеру, который, въ качествѣ одного изъ новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, проектировалъ учредить цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ и частью смѣхотворныхъ должностей. „Ваше

[1]) Ibidem, p. 141.
[2]) Ibidem, p. 141.
[3]) См. выше, стр. 93, примѣч. 2.

Величество—возразилъ министръ—забываетъ объ одной изъ лучшихъ прерогативъ французскихъ королей, а состоитъ она въ томъ, что всякій разъ какъ король учреждаетъ новую должность, Господь-Богъ въ тотъ же моментъ создаетъ дурака, готоваго ее купить"[1]).

Глава о *lettres de cachet,* написанная бывшимъ интендантомъ, представляетъ собою особый интересъ. Начало этого „злоупотребленія" (abus) авторъ связываетъ съ религіозными преслѣдованіями эпохи религіозныхъ войнъ, когда „богословское изувѣрство и духъ сектантства не знали себѣ границъ". „Фанатизмъ, это—одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней человѣческаго духа, и жизнь и свобода—ничто въ глазахъ фанатика, увѣреннаго въ томъ, что онъ мститъ за небо. Множество гражданъ были лишены свободы въ силу произвольныхъ приказовъ". Но вотъ, „философіи суждено было увидѣть, какъ ея усилія въ пользу гуманности мало-по-малу увѣнчались успѣхомъ, благодаря прогрессу духа терпимости", и съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI, „злоупотребленія", связанныя съ запечатанными приказами, если не исчезли совершенно, то значительно сократились [2]).

Изъ остальныхъ главъ занимающаго насъ сочиненія наибольшій интересъ представляютъ характеристики нѣсколькихъ выдающихся современниковъ Сенакъ-де-Мейльяна, въ томъ числѣ министровъ Морепà, Тюрго и Неккера. Къ Морепà онъ относится иронически, къ Неккеру враждебно, къ Тюрго восторженно—конечно, насколько послѣднее вообще доступно темпераменту Сенакъ-де-Мейльяна [3]).

Въ 1797 г. Сенакъ-де-Мейльянъ напечаталъ въ Брауншвейгѣ большой романъ въ письмахъ подъ заглавіемъ *Эмигрантъ* [4]), въ ко-

[1]) *Senac de Meilhan,* op. cit., p. 149.

[2]) Ibidem, p. 151.

[3]) Ibidem, p. 186 et suiv.

[4]) L'Emigré, Brunswisk, 1797, 4 vol.—Лескюръ ошибочно указываетъ Гамбургъ, какъ мѣсто изданія. Біографъ Сенакъ-де-Мейльяна Легранъ говоритъ, что это сочиненіе „aujourd'hui à peu près introuvable en France" (*Legrand,* op. cit., p. 86) и самъ онъ пользовался экземпляромъ, который ссудилъ ему Сентъ-Бёвъ. Экземпляръ этого крайне рѣдкаго теперь изданія имѣется въ библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ рубрикой 49/740. Недавно это сочиненіе Сенакъ-де-Мейльяна было переиздано, правда, съ нѣкоторыми сокращеніями (Paris, Fontemoing, 1904). Мы не раздѣляемъ нѣсколько восторженнаго сужденія Леграна объ этой книгѣ, которую онъ называетъ „oeuvre la plus curieuse et la plus remarquable de Senac", и думаетъ, что „elle serait certainement plus célèbre, si elle était plus connue" (ibid., p. 86).

торомъ элементъ вымысла переплетается съ автобіографическими воспоминаніями и наблюденіями. Повидимому, книга эта не имѣла успѣха въ свое время, быть можетъ, потому, что къ тому времени успѣли сильно порѣдѣть ряды той „публики", для которой Сенакъ привыкъ писать. Съ точки зрѣнія историческаго интереса, остается только пожалѣть, что видный представитель отжившаго стараго порядка и очевидецъ интересной эпохи перелома въ исторіи Франціи и Европы, Сенакъ-де-Мейльянъ предпочелъ простому и правдивому изложенію своихъ воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій въ формѣ мемуаровъ—форму романа, которая дѣлала необходимымъ внесеніе элемента вымысла.

Эмигрантъ былъ послѣднимъ сочиненіемъ Сенакъ-де-Мейльяна, вышедшимъ въ свѣтъ при жизни автора. Десять лѣтъ спустя послѣ его смерти (въ 1803 г.), однимъ изъ его друзей была издана, по оставленнымъ Сенакъ-де-Мейльяномъ рукописямъ, книжка подъ заглавіемъ *Портреты и характеристика выдающихся личностей конца восемнадцатаго вѣка* [1]). Эти очерки представляли собою естественное дополненіе къ изданному при жизни автора сочиненію *О правительствѣ* и, вѣроятно, были написаны около того же времени [2]).

XXIV.

Монтіонъ дебютировалъ въ литературѣ уже по завершеніи своей карьеры интенданта, въ бытность свою государственнымъ совѣтникомъ, сочиненіемъ на конкурсную тему, объявленную французской Академіей: *Похвала канцлеру де-л'Опиталю* [3]). Имѣя своими конкуррентами Кондорсэ, Гара и аббата Реми, Монтіонъ былъ удостоенъ за свое сочиненіе второй дополнительной преміи. Но для насъ интереснѣе не столько та или другая степень успѣха лавреата, сколько идеи и взгляды бывшаго интенданта. Для характеристики послѣднихъ достаточно привести нѣсколько наиболѣе характерныхъ вы-

[1]) Portraits et caractères des personnages distingués de la fin du XVIII-e siècle, Paris, 1813, in-8.

[2]) Портреты и характеристики" переизданы Лескюромъ въ приложеніи къ сочиненію „О правительствѣ", въ 1862 г.

[3]) *Montyon,* Eloge de Michel de l'Hôpital, chancelier de France. Discours qui a obtenu le second accessit au prix de l'Académie française en 1777, Paris, 1777, 59 p. in- 8. Экземпляръ этой книги имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета подъ рубрикой XV 159.

держекъ. Въ своемъ сочиненіи авторъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ новѣйшею политическою литературой, не исключая и англійской. Такъ, на стр. 10 онъ цитируетъ Локка: именно—его выраженіе, что „не существуетъ истинной свободы въ странѣ, гдѣ нѣтъ закона“ [1]). На слѣдующей страницѣ читаемъ такое разсужденіе: „Какова бы ни была форма правленія, человѣкъ подчиненный власти, на существованіе которой онъ даетъ свое согласіе, можетъ и долженъ быть свободенъ; единственною цѣлью всякаго политическаго общества является благополучіе составляющихъ его индивидуумовъ. Короли, императоры, государи, магистраты всѣхъ странъ! Вотъ гдѣ начало вашей власти, *вотъ гдѣ основаніе вашихъ прерогативъ; все остальное—узурпація и злоупотребленіе. Противъ этого закона общественнаго договора не имѣютъ силы ни давность, ни прецеденты: природа не дозволяетъ отказа отъ своихъ правъ и не допускаетъ ихъ прекращенія въ силу давности*“ [2]). Разсужденіе это нужно автору для того, чтобы сказать, что „л'Опиталь былъ первымъ во Франціи, кто доказалъ, что онъ знаетъ *права человѣчества, являющіяся объектомъ и вмѣстѣ—предѣломъ власти*“ [3]). На стр. 22 бывшій интендантъ обращается къ своимъ читателямъ: „Французы, хотите ли быть свободны и счастливы? Храните чистоту нравовъ“ [4]). Говоря о возбужденіи религіозныхъ страстей въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда жилъ л'Опиталь, авторъ выражается такъ: „*Болѣе опасный, чѣмъ Римъ, чѣмъ Медичи и Филиппъ, религіозный фанатизмъ привелъ націю въ состояніе умопомраченія*“. А вотъ одна изъ заключительныхъ фразъ сочиненія государственнаго совѣтника: „Да послужитъ настоящая похвала ободреніемъ для тѣхъ *трусливыхъ и робкихъ судей, которые трепещутъ передъ придвор-*

[1]) „Dans un pays où il n'y a pas de lois, il n'y a point de véritable liberté“.

[2]) „Dans toute forme de gouvernement, l'homme soumis à un pouvoir dont il a consenti l'existence, peut et doit être libre; et il n'est point de société politique dont l'objet ne soit le bonheur des individus qui la composent. Rois, empereurs, souverains, magistrats de tous les pays, voilà votre origine et les titres de vos prérogatives; le reste est usurpation est abus. *Contre cette loi des pactes, les temps et les exemples ne sont rien, et la nature ne permet pas qu'on renonce à ses droits, ni qu'on prescrive contre elle*“.

[3]) „C'est l'Hôpital qui, le premier en France, parut connaître *les droits de l'humanité, l'objet et les limites de la puissance*“...

[4]) „Français, voulez-vous être libres et heureux? Ayez les moeurs“ (p30).

ными и не имѣютъ достаточно мужества, чтобы быть магистратами" [1]).

Въ слѣдующемъ году вышелъ въ свѣтъ объемистый трактатъ Монтіона подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія и размышленія о народонаселеніи Франціи* [2]). Лучшій изъ новѣйшихъ знатоковъ французской демографіи, академикъ Левассёръ, отзывается объ этомъ сочиненіи, какъ о „замѣчательномъ, въ одно и то же время наиболѣе общемъ и наиболѣе точномъ изъ всѣхъ появившихся до тѣхъ поръ статистическихъ трудовъ" [3]).

[1]) „Puisse encore cet éloge toucher ces juges lâches et timides, qui craignent des courtisans et n'osent être des magistrats" (p. 52).

[2]) Recherches et Considérations sur la population de la France, Paris, 1778. Авторъ предпосылаетъ своему сочиненію *Посланіе къ королю* (*Epître à un Roi*, 12 novembre 1774). Здѣсь читаемъ между прочимъ: „Если существуетъ въ настоящее время во вселенной такой государь, поведеніе котораго отмѣчено любовью къ человѣчеству, уваженіемъ къ правамъ націи и каждаго изъ подданныхъ,—горячимъ желаніемъ видѣть людей покорными законамъ, множащимися и счастливыми; государь, всѣ публичные акты котораго были бы актами благотворительности,—то ему я посвящаю это сочиненіе". Такой государь существуетъ, но нѣтъ нужды называть его имя. „Читатель будетъ произносить это имя и призывать его всякій разъ, какъ встрѣтится съ видами общественнаго блага, съ мыслями объ административныхъ улучшеніяхъ, съ проектами, направленными къ благополучію человѣчества и націи".

[3]) *Levasseur,* la Population française, Paris, 1889, t. I, p. 158.—Левассёръ, вслѣдъ за библіографомъ Girault de Saint-Fargeau, считаетъ авторомъ этого сочиненія Moheau, имя котораго, дѣйствительно, стоитъ на обложкѣ книги. Однако есть вѣскія основанія для того, чтобы считать Moheau, который былъ личнымъ секретаремъ Монтіона и ни ранѣе, ни позднѣе ничѣмъ не заявилъ себя въ печати, простымъ *prête-nom,* что было вполнѣ въ литературныхъ нравахъ эпохи. Что такъ же именно представляли себѣ дѣло хорошо освѣдомленные современники, это видно изъ того, что *Journal des Savants,* въ маѣ 1779 г. категорически приписываетъ названный трактатъ Монтіону, противъ чего не думаютъ протестовать ни Монтіонъ, ни Moheau. Наконецъ, одному изъ новѣйшихъ біографовъ Монтіона (*Labour,* M. de Montyon, Paris, 1880, p. 183) посчастливилось найти въ его бумагахъ „отрывочные листки, покрытые цифрами и вычисленіями, относящимися къ настоящему сочиненію", и написанные рукою Монтіона. Все это взятое вмѣстѣ обязываетъ насъ присоединиться къ мнѣнію Лабура, считающаго Монтіона настоящимъ авторомъ *Изслѣдованій о народонаселеніи.* Что секретарь его могъ принимать то или другое активное участіе въ этой работѣ, это вполнѣ допустимо и вполнѣ естественно, но участвовалъ онъ тутъ, безъ сомнѣнія, „non ut architectus, sed ut faber".

Изданіе своего трактата авторъ мотивируетъ высказаннымъ нѣкоторыми изъ близкихъ ему лицъ убѣжденіемъ въ пользѣ его „для человѣчества, для отечества, для промышленности“; издать въ свѣтъ свое сочиненіе побудили его „эти идеи общественнаго блага“.

Приведемъ нѣсколько изъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ этого трактата.

„Есть государи, сердце которыхъ глухо къ голосу природы, и окружающее ихъ суетное подобострастіе заставило ихъ забыть, что ихъ подданные суть существа имъ подобныя, часто даже болѣе высокія по своему характеру, нравственности, уму и познаніямъ“ [1]).

„Наиболѣе благопріятная для населенія форма правленія есть, безспорно, та, гдѣ власть законодательная, власть судебная и исполнительная, начала дѣйствія и сопротивленія такъ распредѣлены и скомбинированы, что одинъ изъ этихъ факторовъ служитъ противовѣсомъ другому, чѣмъ обезпечивается каждому гражданину безопасное, свободное и счастливое существованіе“ [2]).

Въ качествѣ канцлера графа д'Артуа, Монтіонъ составилъ въ томъ же году *Записку* отъ имени графа д'Артуа, князя де-Кондэ и герцога Бурбонскаго,—которая была напечатана [3]).

Послѣдняя присужденная въ восемнадцатомъ вѣкѣ французскою Академіей премія выпала на долю Монтіона за сочиненіе на тему *О послѣдствіяхъ открытія Америки для Европы, въ политическомъ, нравственномъ и торговомъ отношеніяхъ* [4]).

Послѣ революціи, въ изгнаніи, въ качествѣ „эмигранта“, Монтіонъ продолжалъ свою литературно-публицистическую дѣятельность. Въ 1796 г. вышелъ въ Лондонѣ его *Докладъ королю Людовику XVIII*, являющійся отвѣтомъ на вышедшее передъ тѣмъ сочиненіе бывшаго министра де-Калонна [5]). Сочиненіе, въ которомъ Монтіонъ выступилъ поборникомъ легитимно-либеральныхъ идей и высказы-

---

1) Ibidem, p. 10.

2) Ibidem, p. 56. Въ этихъ словахъ нетрудно распознать одну изъ основныхъ идей „Духа Законовъ“.

3) Mémoire présenté au roi au nom de MM. le comte d'Artois, le prince de Condé et le duc de Bourbon, Paris, 1778.

4) Les conséquences qui ont résulté pour l'Europe de la découverte de l'Amérique, relativement à la politique, à la morale et au commerce.—*Labour*, op. cit., p. 185.

5) Rapport fait à S. M. Louis XVIII sur le principe de la monarchie française, contre le *Tableau de l'Europe* de M. de Calonne, Londres, 1796, in-8.

вался за необходимость крупныхъ реформъ въ „старомъ порядкѣ“, „злоупотребленій“ котораго онъ не думалъ ни скрывать, ни защищать, не могло конечно понравиться большинству эмигрантовъ, раздѣлявшихъ въ сущности тотъ взглядъ на старый порядокъ, который съ восхитительною наивностью былъ высказанъ г-жей де-Монрегаръ. Въ отвѣтъ на толки о „злоупотребленіяхъ“ при старомъ порядкѣ, она возразила: „Но эти злоупотребленія,—вѣдь въ этомъ-то и была главная прелесть стараго порядка“! [1]). Сочиненіе Монтіона было поэтому осуждено въ эмигрантскихъ кругахъ, какъ не достаточно „монархическое“.

Въ 1801 г. Монтіонъ получилъ отъ стокгольмской Академіи премію за сочиненіе на объявленную ею на конкурсъ тему: *Оцѣнка восемнадцатаго вѣка* [2]). Пять лѣтъ спустя онъ печатаетъ новое сочиненіе, написанное на заданную на конкурсъ Королевскимъ обществомъ въ Геттингенѣ тему о *Вліяніи различныхъ видовъ налоговъ на нравственность, дѣятельность и промышленность народовъ* [3]). Въ 1808 г. онъ пишетъ *Похвалу Корнелю*, опять на тему, объявленную на конкурсъ Французскимъ Институтомъ; впрочемъ, какъ эмигрантъ, онъ былъ устраненъ отъ конкурса [4]). Два года спустя Монтіонъ издаетъ свою компиляцію по статистикѣ Тонкина [5]). Свою довольно плодовитую, какъ видно изъ предыдущаго, литературную дѣятельность бывшій интендантъ закончилъ вышедшей въ 1812 г. книгой *Замѣтокъ о наиболѣе знаменитыхъ министрахъ финансовъ Франціи* [6]); это, безспорно, самая интересная изъ остав-

[1]) *Bardoux*, le Comte de Montlosier et les constitutionnels, Paris, 1880 (цит. по *Labour*, op. cit., p. 187).

[2]) Quel jugement doit être porté sur le XVIII-e siècle? Сочиненіе это, повидимому, не было напечатано; Лабуръ говоритъ о немъ какъ-то глухо.

[3]) Quelle influence ont les diverses espèces d'impôt sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples?—*Franclin*, Eloge de M. de Montyon, Paris, 1834, p. 87.

[4]) Eloge de Corneille.—*Labour*, op. cit., p. 196.—Это сочиненіе Монтіона фигурируетъ въ числѣ изданныхъ Дэромъ „сочиненій главнѣйшихъ экономистовъ“ (Paris, 1848, t. II, p. 369—498).

[5]) De l'état actuel du Tonquin, de la Conchinchine, etc., notes de M. de la Bissachère, rédigées par M. de Montyon, Londres, 1810.—*Franclin*, op. cit., p. 87.

[6]) Particularités et observations sur les ministres des finances de France les plus célèbres, depuis 1660 jusqu'au 1791, Paris, 1812, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lf 19/3.

ленныхъ Монтіономъ книгъ; въ особенности интересны характеристики современныхъ ему министровъ, дѣятельность которыхъ онъ имѣлъ возможность наблюдать не только въ качествѣ посторонняго зрителя, но и какъ человѣкъ, самъ игравшій роль одного изъ многочисленныхъ колесъ въ той же административной машинѣ, центральную часть которой составляли „министры финансовъ". Въ характеристикахъ отдѣльныхъ министровъ, отмѣченныхъ незауряднымъ литературнымъ мастерствомъ, въ особенности поражаетъ спокойный, объективный тонъ и искреннее желаніе быть справедливымъ даже къ тѣмъ лицамъ, которыя явно несимпатичны автору[1]).

XXV.

Интендантъ графъ д'Агэ былъ выбранъ въ 1774 г. въ число членовъ Амьенской академіи. Вступительная рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ засѣданіи академіи, представлявшая собою первое произведеніе интенданта, была посвящена вопросу о *Пользѣ наукъ и искусствъ*[2]). Ораторъ начинаетъ съ историческаго обзора человѣческой цивилизаціи, и подойдя къ современной ему эпохѣ, заканчиваетъ панегирикомъ новѣйшему просвѣщенію и его представителямъ, во главѣ которыхъ онъ ставитъ Вольтера и Бюффона[3]). Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1782 г., графъ д'Агэ напечаталъ другую, читанную имъ въ Амьенской академіи, *Рѣчь о выгодахъ внутренняго судоходства*[4]). По этому случаю интендантъ удостоился высшей чести, ка-

[1]) Такъ, о несимпатичномъ ему аббатѣ Террэ авторъ замѣчаетъ: „Comme on doit être juste même envers ceux qui ne l'ont point été, il faut reconnaître que quelque ignorante, quelque perverse qu'ait été l'administration de l'abbé Terray, elle a été bien moins nuisible que celle de plusieurs de ses successeurs" (*Particularités et Observations*, p. 173).—Въ общей оцѣнкѣ дѣятельности министровъ Людовика XVI Монтіонъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей; сравнивая ихъ съ министрами эпохи Людовика XIV, онъ находитъ, что „leurs principes n'ont point été aussi sages, et leurs dispositions n'ont pas été aussi bien combinées, les plans adoptés n'ont point été aussi constamment et aussi fidèlement suivis" (ibidem, p. 354).

[2]) Discours prononcé à la séance publique de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts d'Amiens, par M. d'Agay, intendant de la province, sur l'utilité des sciences et des arts, Amiens (1774), 24 p. in-4.

[3]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralite d'Amiens, Paris 1865, p. 374.

[4]) Discours prononcé le 25 août 1782, sur les avantages de la navigation intérieure, auquel on a joint la carte de communication de la mer Méditerranée

кой только могъ себѣ ожидать въ ту пору писатель, это—похвалы со стороны „фернейскаго патріарха". Это въ первый разъ—писалъ ему Вольтеръ—, что магистратъ, стоящій во главѣ провинціи, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и во главѣ всѣхъ изящныхъ искусствъ, которымъ оказываетъ покровительство не только своимъ вліяніемъ, но и своимъ краснорѣчіемъ. „Вы украшаете—продолжаетъ Вольтеръ въ эмфатическомъ стилѣ того времени—вѣкъ славный всѣми полезными искусствами; счастливы тѣ, что предаются имъ подъ вашимъ наблюденіемъ". Изрядную долю этихъ явно преувеличенныхъ похвалъ слѣдуетъ отнести частью на счетъ желанія Вольтера не остаться въ долгу у автора за его вступительную академическую рѣчь, частью просто на счетъ привычной тому времени гиперболичности стиля, въ особенности, когда дѣло шло о похвалѣ или о порицаніи [1]). Но въ извѣстной мѣрѣ похвала Вольтера могла быть искренняя, такъ какъ авторъ заявилъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ „философіи", высказавъ попутно изрядную „просвѣщенность" [2]).

Въ своей *Запискѣ* о реформѣ дорожной повинности, напечатанной въ 1784 г., интендантъ Шомонъ-де-ла-Галезьеръ высказалъ мысли, которыя были въ свое время дороги Тюрго, „экономистамъ" и вообще „философамъ" [3]).

То же самое можно сказать о двухъ посвященныхъ тому же вопросу печатныхъ сочиненіяхъ полемическаго характера, принадлежащихъ перу интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора [4]).

avec la mer du Nord, par le canal projeté en Bourgogne et par les canaux de Picardie.—Авторъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько пышныхъ словъ, во вкусѣ эпохи о „культѣ наукъ и искусствъ, очищенномъ разумомъ души чувствительной къ интересамъ общества".

[1]) Типичные образцы гиперболическаго стиля эпохи представляютъ собою, напримѣръ, тѣ рѣчи, которыми привѣтствовали различныя депутаціи возвратившихся изъ ссылки членовъ парламентовъ въ октябрѣ 1788 г., причемъ эти послѣдніе возвеличивались какъ „отцы отечества", а по адресу только что вышедшихъ въ отставку министровъ Ламуаньона и Ломени-де-Бріенна формулировались характеристики въ родѣ слѣдующей: „En vain des monstres tyranniques vomissaient sur vos pas leur écume empestée..." (*Détails de ce qui s'est passé à Pau à la rentrée du Parlement, 14 octobre 1788.—Bibliothèque nat.,* **Lb** 39/656, in-8).

[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 375: „Ses écrits sont remplis d'érudition et d'idées neuves...; ils se ressentent des audaces philosophiques qui troublaient toutes les consciences et jetaient le vague dans les idées".

[3]) См. выше, стр. 35.

[4]) См. ниже, стр. 122—130.

Интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ, „большой экономистъ“ и не безъ писательскихъ претензій[1]), кромѣ своего *Отчета*, опубликованнаго въ 1790 г.[2]), напечаталъ въ молодые годы *Руководство для желающихъ писать книги*[3]).

Бывшій интендантъ, а впослѣдствіи министръ Бертранъ-де-Молльвилль извѣстенъ, какъ писатель, своими *Мемуарами*[4]) и *Исторіей французской революціи*[5]).

Интендантъ Лепелльтье-де-Морфонтэнь[6]) и бывшій интендантъ Кордье-де-Лонэ[7]) пробуютъ свои литературныя силы на поприщѣ изящной словесности, хотя, какъ кажется, и безъ особаго успѣха. Кордье-де-Лонэ, кромѣ того, заявилъ себя—еще до назначенія на должность интенданта--переводомъ Иліады, который имѣлъ въ свое время значительный успѣхъ: онъ выдержалъ не менѣе пяти изданій[8]).

Интенданты д'Энь и Бернаръ-де-Баллэнвиллье также пробовали свое перо на поприщѣ изящной литературы, хотя, правда, лишь въ качествѣ переводчиковъ. Первый перевелъ съ англійскаго *Эклоги* Попа и *Экономію человѣческой жизни* Додслея[9]). Второй перевелъ *Оды* Горація и его же *Поэтическое искусство*[10]).

---

[1]) Compte de l'administration, par M. Raymond de Saint-Sauveur, intendant de Roussillon, 1790, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lk 2/1492.

[2]) Agenda des auteurs, ou Calepin littéraire à l'usage de ceux qui veulent faire des livres, Paris, 1755, in-12.

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXVI (19 juillet 1784). Extrait d'une lettre de Prades en Roussillon, du 27 juin: „M. Raymond de Saint-Sauveur, notre intendant, est un grand économiste. Il a d'autre côté beaucoup de prétentions à l'esprit“.

[4]) *Bertand de Molleville,* Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la dernière année de Louis XVI, Londres, 1797, 3 vol. Переиздано въ 1823 г. въ двухъ томахъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ: Mémoires particuliers pour servir à l'histoire de la fin du règne de Lous XVI.

[5]) Histoire de la Révolution de France, Paris, 1801—1803, 14 vol.

[6]) *„Mizrim, ou le Sage de la cour, histoire égyptienne,* est un roman moral allégorique, qui n'a rien de neuf au fond, ni de piquant dans la forme... On attribue cet ouvrage à M. Pelletier de Morfontaine, intendant de Soissons...“—*Mémoires secrets*, t. XXII (14 février 1783).

[7]) *Cordier de Launay*, la Voeuve de Catane, roman, Berlin, 1803.

[8]) Первое изданіе вышло въ 1782 г. въ двухъ томахъ—*Quérard,* la France littéraire, t. IV, p. 125.

[9]) *Quérard,* op. cit., t. I, p. 20; t. VII, p. 277.

[10]) *Quérard,* op. cit., t. IV, p. 131—132.

Къ числу интендантовъ, такъ или иначе причастныхъ къ „литературной республикѣ“, слѣдуетъ присоединить и имя де-Калонна, о которомъ намъ приходилось уже упоминать, какъ о министрѣ [1]).

XXVI.

Писатель или нѣтъ, во всякомъ случаѣ интендантъ—человѣкъ стоящій на уровнѣ современнаго образованія. Это непремѣнно человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, такъ какъ университетскій дипломъ по юридическимъ наукамъ считался однимъ изъ необходимыхъ условій для полученія тѣхъ парламентскихъ должностей, которыя являлись преддверіемъ интендантства. Юристъ по своему спеціальному образованію, интендантъ второй половины восемнадцатаго вѣка является часто человѣкомъ образованнымъ въ широкомъ смыслѣ, съ живымъ интересомъ къ литературѣ, къ искусству, къ наукѣ, къ „философіи“. Къ „литературной республикѣ“ онъ имѣетъ прикосновеніе, если не какъ писатель—что тоже не представляетъ собою, какъ мы видѣли, исключенія –, то во всякомъ случаѣ какъ читатель. Въ библіотекѣ „просвѣщеннаго администратора“ мы найдемъ, рядомъ съ *Потеряннымъ раемъ* и *Освобожденнымъ Іерусалимомъ*, *Хромого черта* и *Разсказы* Мармонтеля; рядомъ съ *Георгиками* Вергилія и *Лѣтописью* Тацита, *Духъ законовъ* Монтескье и *Общественный договоръ* Руссо; рядомъ съ *Альманахомъ маркизовъ* *Энциклопедію* Дидро; рядомъ съ *Комическимъ романомъ* и *Искусствомъ любви*, *Chimie hydraulique* и *Récréations physiques*; а по части періодической прессы, кромѣ мѣстной *Газеты* или *Журнала*, а также официозной *Gazette de France*, интендантъ позволяетъ себѣ подъ часъ роскошь иностранной газеты [2]).

Интендантовъ встрѣчаемъ въ числѣ членовъ различныхъ ученыхъ обществъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ. Беарнскій интендантъ Бертранъ-де-Бушпоръ состоялъ дѣйствительнымъ, а позднѣе почетнымъ членомъ королевской академіи въ Мецѣ [3]). Амьенскій интендантъ д'Агэ былъ выбранъ мѣстною Академіей въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ [4]). Интендантъ д'Энь былъ членомъ берлинской Академіи и находился въ близкихъ отношені-

---

[1]) См выше, стр. 59, примѣч. 4.

[2]) *Archives historiques de la Gironde*, t. XXXIV (1899). Livre des dépenses de M. Dupré de Saint-Maur.

[3]) *Bégin*, Biographie de la Moselle, Metz, 1829, t. II, p. 118–128.

[4]) См. выше, стр. 111.

яхъ съ кружкомъ барона Гольбаха, который былъ женатъ на его сестрѣ [1]). Въ бумагахъ турскаго интенданта дю-Клюзеля его новѣйшій историкъ нашелъ такую замѣтку, предназначенную для свѣдѣнія его секретаря: „Должны прибыть чрезъ Ліонъ книги, посылаемыя мнѣ Вольтеромъ; слѣдуетъ мнѣ ихъ переслать немедленно“ [2]). Отсюда видно, что дю-Клюзель находился также въ перепискѣ съ Вольтеромъ, какъ впрочемъ и нѣкоторые другіе интенданты [3]).

Какъ бы то ни было, интендантъ, по своему образованію, какъ и по рожденію и воспитанію, принадлежитъ къ образованному обществу, къ тому public eclairé, который является настоящимъ носителемъ „общественнаго мнѣнія“.

XXVII.

Своихъ ближайшихъ помощниковъ, секретарей и субделегатовъ, „просвѣщенный администраторъ“, естественно, стремится выбирать также среди „просвѣщенныхъ“ людей. Какъ мы видѣли, это были по большей части судейскіе и адвокаты, слѣдовательно—лица съ „факультетскимъ“, юридическимъ, образованіемъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ не только людей интересующихся наукой и литературой, но и вносящихъ въ послѣднія посильную долю своего активнаго участія.

Таковъ—первый секретарь амьенскаго интенданта графа д'Агэ, Демо, коллега интенданта по амьенской Академіи, которой оба они состояли членами,—и „лавреатъ“ послѣдней, награжденный „преміей краснорѣчія“ за *Похвалу Ж. Ж. Руссо* [4]).

Таковъ—субделегатъ того же интенданта, Можандръ, также членъ амьенской Академіи, и также награжденный послѣднею въ 1775 г. такою же преміей за *Похвалу Ашери, съ историческими примѣчаніями* [5]).

---

[1]) По сообщенію турскаго архивиста, M. Louis de Grandmaison.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 94 (цит. по *Dumas,* la Généralité de Tours au XVIII-e siècle, p. 17).

[3]) Сенакъ-де-Мейльянъ, д'Энь, д'Агэ и др.

[4]) *Demaux,* Eloge de J. J. Rousseau, discours qui a remporté le prix d'éloquence à l'académie d'Amiens en 1778, Amiens, s. d.—*Boyer de Sainte-Suzanne,* les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 376—561.

[5]) *Maugendre,* Eloge de dom Acheri, avec des notes historiques, qui a remporté le prix d'éloquence, au jugement de l'Académie d'Amiens, en l'année 1775, Amiens, 1775. Авторъ, родившійся въ Реннѣ въ 1758 г., былъ въ моментъ

Таковъ—везульскій субделегатъ безансонскаго интендантства, Мирудо, напечатавшій нѣсколько сочиненій по агрономіи, статистикѣ и исторіи своего округа [1]).

Таковъ—бургскій субделегатъ дижонскаго интендантства, Тома Рибу, членъ многихъ провинціальнымъ академій и авторъ многочисленныхъ археологическихъ и публицистическихъ сочиненій [2]).

Таковъ—тулузскій субделегатъ лангдокскаго интендантства, Жанъ Рейналъ, адвокатъ тулузскаго парламента, бывшій тулузскій капитулъ (членъ городского управленія), членъ королевской Академіи наукъ, надписей и изящной словесности въ Тулузѣ и мѣстный историкъ [3]).

Таковъ — орильякскій субделегатъ овернскаго интендантства, Пажѐсъ, членъ многихъ провинціальныхъ Академій, „неутомимый компиляторъ и романистъ", будущій „историкъ", публицистъ и поэтъ революціи [4]),

---

полученія преміи семнадцатилѣтнимъ „студентомъ философіи" —*Quérard,* la France littéraire, t. V, p. 634; *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 376.

1) *Miroudot de Saint-Ferjeux,* Essai sur l'agriculture du comté de Bourgogne, Lyon, 1762; Mémoires pour servir à l'histoire de la ville de Vesoul en Franche-Comté, Yverdon, 1779; Mémoire sur le bailliage de Vesoul, Besançon, 1774; Description statistique du village d'Aumont.—*Inventaire des archives départementales de la Haute-Saône,* introduction, p. V; *Quérard,* la France littéraire, t. VI p. 163.

2) Tomas Riboud, procureur du roi au bailliage de Bresse, plus tard président honoraire de la Cour royale de Lyon, etc.; membre de la Société d'émulation de Bourg-en-Bresse, des académies de Bordeaux, Dijon, Lyon, etc.—*Quérard,* la France littéraire, t. VIII, p. 10; *Bibliographie générale des travaux historiques et archéologiques,* Paris, t. I, p. 1 et suiv.; *Almanach de Bourgogne.*—Сравн. *Pièces justificatives,* Nrs. 61, 252.

3) *Jean Raynal,* Histoire de la ville de Toulouse, Toulouse, 1759.—„Noble Jean Raynal, écuyer, avocat au parlement de Toulouse, ancien capitoul, membre de l'Académie royale des sciences, inscriptions et belles lettres de Toulouse subdélégué de l'intendant de Languedoc, né à Toulouse en 1723, mort au village d'Argeliers (Aude), le 28 juillet 1807" —*Quérard,* la France littéraire, t. VII, p. 475. Сравн. *Archives départementales de la Haute-Garonne,* C 56.

4) François-Xavier Pagès, né à Aurillac en 1745, lieutenant particulier au bailliage en 1772, lieutenant de maire en 1773, avocat au parlement en 1776, subdélégué depuis 1778, mort à Paris, le 21 décembre 1802. Въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ 1789 г. сочинилъ поэму *la Révolution, ou les Ordres réunis,* которую посвятилъ муниципальному совѣту своего родного города Орильяка; основалъ въ концѣ 1790 г. газету *le Cantaliste,* позднѣе написалъ поэму *la France républicaine, ou le Miroir de la Révolution française.* Наибольшимъ, хотя и мало заслуженнымъ (какъ это выяснено въ недавнее

XXVIII.

Послѣ всего, что намъ теперь извѣстно, для насъ становится очевиднымъ, что *вліяніе общественнаго мнѣнія на провинціальную администрацію, въ лицѣ интендантовъ и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, было, въ занимающую насъ эпоху, не только естественно, но и неизбѣжно.* Этотъ апріорный выводъ какъ нельзя болѣе подтверждается, какъ свидѣтельствами наблюдательныхъ современниковъ—между прочимъ изъ числа самихъ же интендантовъ—, такъ и данными конкретной исторической дѣйствительности.

Что касается свидѣтельствъ современниковъ-интендантовъ, то припомнимъ прежде всего приведенныя выше слова Сенакъ-де-Мейльяна. По его наблюденію, какъ мы видѣли, *общественное мнѣніе является тѣмъ факторомъ, которому интендантство, въ лицѣ своихъ представителей, обязано было своей метаморфозой.* Метаморфоза эта заключается, по его наблюденію, въ томъ, что изъ „рабски-покорныхъ“ орудій „министерской воли“, „осуществлявшихъ свою власть съ суровымъ деспотизмомъ“—таковы интенданты времени Кольбера,—послѣдніе превращаются въ „гуманныхъ“ адмистраторовъ, не боящихся, гдѣ нужно, вступиться за интересы „народа“, даже противъ „министерской воли“. Помимо заключающагося въ приведенныхъ словахъ Сенакъ-де-Мейльяна свидѣтельства, слова эти являются характернымъ знаменіемъ времени, наглядно подтверждающимъ заключающееся въ нихъ свидѣтельство. Развѣ не характерны въ устахъ интенданта времени Людовика XVI—какъ этотъ суровый приговоръ надъ интендантами эпохи Кольбера за ихъ „варварскій деспотизмъ“ и „рабскую покорность министерской волѣ“,

---

время А. Бреттомъ въ статьѣ, заглавіе которой приведено въ концѣ этого примѣчанія) извѣстностью пользовался Пажесъ въ качествѣ историка революціи, благодаря двумъ объемистымъ сочиненіямъ: Histoire secrète de la Révolution française, Paris, 1796—1802, 7 vol. in-4, и Tableaux historiques de la Révolution française, ouvrage orné de 222 gravures, Paris, 1791—1804, 3 vol. in-fol. (роскошное изданіе, стоившее по подпискѣ 678 фр. за экземпляръ, но совершенно лишенное всякой цѣнности въ научномъ отношеніи).—*Quérard,* la France littéraire, t. VI, p. 547—548; *Armand Brette,* l'Historien Pagès, à propos d'un manuscrit de la Bibliothèque nationale (*Révolution française,* t. XXX [1896], p. 320—332); *Delmas,* Notice sur Pagès dans la *Révolution française,* t. XXXIII (1897), p. 553—555.

такъ и косвенная похвала себѣ и своимъ коллегамъ за ихъ „гуманное отношеніе къ народу“ и „полезныя начинанія“. Разстояніе, отдѣляющее время Людовика XVI отъ эпохи Кольбера, становится здѣсь наглядной, почти осязательной величиной. Въ приведенныхъ словахъ бывшаго интенданта Людовика XVI охарактиризованы коротко не только двѣ хронологически разобщенныя эпохи, но можно сказать—два различныхъ административныхъ міросозерцанія. Въ чемъ же разгадка такой глубокой матаморфозы? Сенакъ-де-Мейльянъ самъ же и даетъ намъ ключъ къ ней: это—*вліяніе общественнаго мнѣнія*.

Къ сожалѣнію, онъ ограничивается лишь приведеннымъ лаконическимъ замѣчаніемъ, представляющимъ собою почти афоризмъ. Во всякомъ случаѣ афоризмъ этотъ не изъ тѣхъ, что „сочиняются изъ головы“, а изъ тѣхъ, что подсказываются живою дѣйствительностью и удачно выражаютъ, въ сжатой формѣ, результатъ многочисленныхъ и многообразныхъ впечатлѣній и наблюденій. Въ своихъ сочиненіяхъ Сенакъ-де-Мейльянъ, какъ мы видѣли, въ полной мѣрѣ отдалъ дань слабости своего вѣка, которую сами современники характеризуютъ, какъ *manie de l'esprit;* и самъ Сенакъ-де-Мейльянъ чистосердечно—опять-таки совершенно въ духѣ своего времени—признается въ ней [1]); но въ данномъ случаѣ *l'homme d'esprit* оказывается, какъ увидимъ, просто тонкимъ наблюдателемъ и правдивымъ свидѣтелемъ.

Свидѣтельство Сенакъ-де-Мейльяна почти буквально совпадаетъ съ завѣреніемъ его бывшаго „собрата“, эльзасскаго интенданта Шомонъ-де-ла-Галезьера. Свою офиціальную рѣчь при открытіи эльзасскаго провинціальнаго собранія онъ начинаетъ слѣдующимъ вступленіемъ: „Обстоятельство, ради котораго мы здѣсь собрались, составитъ незабвенную эпоху въ лѣтописяхъ нашего вѣка и нашей націи. Государственный строй не можетъ оставаться разъ навсегда установленнымъ и неизмѣннымъ. Время, успѣхи просвѣщенія, перемѣны въ правахъ и идеяхъ неизбѣжнымъ образомъ приводятъ къ кореннымъ измѣненіямъ въ правительственной системѣ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ мало по малу зрѣли во всѣхъ головахъ патріотическія идеи; въ настоящую минуту каждый гражданинъ же-

---

[1]) „C'est que rien, disait M. Senac de Meilhan, parlant de lui-même, n'a jamais fait effet sur moi comme vrai, mais comme bien trouvé“.—*Sainte-Beuve,* Causeries du Lundi, Paris, 1855, t. X, p. 81.

лаетъ внести свою долю активнаго участія въ общую работу на благо общее. Такое настроеніе заслуживаетъ всяческаго поощренія. Король, желающій благоденствія своихъ подданныхъ, не можетъ лучшимъ образомъ выполнить свою задачу, какъ изъявляя свое согласіе на ихъ активное участіе въ этомъ дѣлѣ. *Уже давно администрація уступила импульсу того всеобщаго движенія, которое охватило націю подъ вліяніемъ прогресса знаній.* Правительственныя пружины, дѣйствовавшія въ былое время во мракѣ, въ настоящее время раскрыты и на глазахъ у всего народа". Далѣе интендантъ отмѣчаетъ, что установленіемъ провинціальныхъ собраній *король выполняетъ задушевныя пожеланія націи*". Опытъ аналогичныхъ учрежденій въ Берри и Верхней Гюэни показалъ, что они „пріобрѣли *довѣріе народа*". „Это уже само по себѣ великое пріобрѣтеніе, даже въ томъ случѣ, если бы это довѣріе обусловливалось извѣстною предвзятою тенденціею; но въ данномъ слѣчаѣ *общественное мнѣніе* основано на разумѣ и справедливости" [1]).

XXIX.

Въ самомъ дѣлѣ, будемъ ли мы разсматривать отдѣльные акты дѣятельности инденданиовъ, попытаемся ли схватить общія руководящія идеи послѣдней,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы найдемъ, что *общественное мнѣніе являлось для интендантовъ вполнѣ реальною силой, которая въ значительной мѣрѣ, дѣйствительно, „направляла" ихъ дѣятельность.*

Въ апрѣлѣ 1775 г. реймскій субделегатъ Полонсо опубликовалъ въ своемъ субделегатствѣ слѣдующее „объявленіе объ отбываніи дорожной повинности": „Въ виду предстоящаго коронованія короля въ Реймсѣ.., необходима крайняя быстрота и строжайшая аккуратность въ выполненіи дорожной повинности; а посему мы предваряемъ всѣхъ сельскихъ обывателей нашего округа, подлежащихъ названной повинности, что они имѣютъ явиться въ назначенные дни

---

[1]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale d'Alsace,* Strasbourg, 1787, in-4 (*Bibliothèque nat.,* Lk 15/3): „L'administration a cédé depuis longtemps à l'impulsion de ce mouvement général que le progrès des connaissances a imprimé à la Nation... Le Roi comble les voeux de la Nation... Ce serait déjà un grand avantage, quand cette confiance n'aurait pour base que la prévention; mais ici l'opinion publique est fondée sur la raison et sur la justice".

и часы въ тѣ рабочіе пункты, которые имъ будутъ назначены. Въ случаѣ же, если окажутся ослушники, то списокъ таковыхъ немедленно долженъ мнѣ быть представленъ десятникомъ, для неукоснительнаго принятія противъ такихъ ослушниковъ принудительныхъ мѣръ до тюремнаго заключенія включительно, при чемъ не исполненныя работы будутъ сданы съ торговъ на ихъ страхъ и на ихъ счетъ". Субделегатъ спѣшитъ послать, при соотвѣтствующемъ письмѣ, печатный экземпляръ своего шедевра — начальству, въ лицѣ шалонскаго интенданта, отъ котораго, надо думать, ожидалъ заслуженной похвалы за свою распорядительность и усердіе по службѣ. Такую похвалу онъ, по всей вѣроятности, и не проминулъ бы получить — двадцатью-тридцатью годами раньше, но въ концѣ апрѣля 1775 г. это было *поздно*, и отвѣтъ начальства долженъ былъ показать черезчуръ распорядительному субделегату, до какой степени онъ опоздалъ съ своею распорядительностью. „Я прочиталъ ваше объявленіе— пишетъ ему сухо интендантъ — и усматриваю изъ него, что вы объявляете величайшія строгости противъ подлежащихъ отбыванію дорожной повинности лицъ. Признаюсь, я не могу одобрить подобнаго объявленія, въ особенности въ настоящее время, когда мы находимся въ печальномъ положеніи по случаю дороговизны хлѣба, что должно, вмѣсто усиленія строгости, побуждать насъ къ наивозможно мягкому отношенію къ населенію... Въ виду этого, прошу васъ задержать по возможности всѣ экземпляры вашего объявленія. *Было бы въ высшей степени непріятно, если бы оно получило огласку* и попало въ руки лицъ, могущихъ дать ему неблагопріятное истолкованіе" [1]).

Въ обсуждавшемся въ 1778 г. вопросѣ о перемѣнахъ въ территоріальномъ составѣ ошскаго интендантства, мѣстный интендантъ Дуэ-де-ла-Буллэ находитъ необходимымъ считаться въ данномъ случаѣ съ *„мнѣніемъ народонаселенія"*, на что съ удареніемъ указываетъ въ своемъ официальномъ письмѣ къ министру [2]).

Беарнскій интендантъ ле-Камюсъ-де-Невилль, въ своемъ донесеніи генералъ-контролеру отъ 23-го ноября 1784 г., высказываетъ

---

[1]) *Archives départementales de la Marne,* C 1549. Текстъ см. въ *Pièces justificatives,* Nrs. 236—237.

[2]) *Archives nationales,* H 1411. Douet de la Boullaye à Necker. 26 janvier 1778: „A ces divers effets du démembrement il faut ajouter *l'opinion des peuples"*. Текстъ этого письма напечатанъ цѣликомъ въ *Pièces justificatives,* Nr. 15.

свои соображенія о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ „конституціи“ входящей въ составъ его интендантства маленькой области Лабуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ практическое осуществленіе этихъ преобразованій „несвоевременнымъ“, въ виду того, что послѣднія „произвели бы, несомнѣнно, *неблагопріятное впечатлѣніе на мѣстное населеніе*“ [1]).

Другой беарнскій интендантъ, Бертранъ-не-Бушпорнъ, въ своемъ письмѣ къ генералъ-контролеру въ октябрѣ 1786 г., настаиваетъ на необходимости *„поставить общественное мнѣніе въ извѣстность* относительно употребленія суммъ“, ассигнованныхъ мѣстными штатами на произвоизводство различныхъ общественныхъ работъ въ предѣлахъ области [2]).

По примѣру министровъ, интенданты прибѣгаютъ при случаѣ къ печатному слову, какъ орудію воздѣйствія на общественное мнѣніе—какъ мѣстныхъ такъ и болѣе широкихъ круговъ. Такъ, въ 1785 г. бретанскій интендантъ Бертранъ-де-Молльвилль издаетъ, съ одобренія министра, анонимную брошюру (имъ, или по его внушеніямъ сочиненную), въ цѣляхъ дискредитировать въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи непріятную правительству и интенданту партію въ средѣ бретанскихъ штатовъ [3]).

Но особенно характерна въ данномъ случаѣ надѣлавшая въ свое время много шума печатная полемика бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора съ мѣстнымъ парламентомъ, о которой намъ уже раньше пришлось вскользь упомянуть по другому поводу [4]), и которая заслуживаетъ того, чтобы, здѣсь остановиться на ней болѣе обстоятельно [5]).

---

[1]) *Archives départementales des Basses-Pyrénées,* C 453. Le Camus de Neville à Calonne, 23 novembre 1784: „Je ne proposerai cependant aucun changement pour le moment, *on indisposerait certainement le pays...*“

[2]) *Archives nationales,* H 80. Bertrand de Boucheporn à Calonne, octobre 1786: „Je le désire vivement pour le motif dont j'ai rendu comte.. et afin de *fixer l'opinion publique sur l'emploi des fonds dont il a été disposé*“.

[3]) *Ch. de Calan,* la Bretagne sous Louis XVI, Vannes, 1896, p. 53—54.—Тотъ же интендантъ, въ своей „инструкціи субделегатамъ“, указываетъ имъ на „общественную признательность“, какъ на наиболѣе „почетную награду“ за ихъ усердную службу.—*Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 8.—*Pièces justificatives,* Nr. 34.

[4]) По поводу характеристики отношеній между интендантами и парламентами, см. т. I. стр. 464.

[5]) Источники, изъ которыхъ почерпнуты относящіяся къ излагаемому ниже эпизоду подробности, слѣдующіе: *Bachaumont,* Mémoires secrets, t. XXV—

XXX.

На мѣсто назначеннаго въ 1776 году генералъ-контролеромъ де-Клюньи, въ Бордо былъ присланъ, въ качествѣ интенданта, Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, занимавшій до того уже двѣнадцать лѣтъ такую же должность въ Буржѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неспокойныхъ администраторовъ новаго типа, которые, подобно его сверстнику, лимузенскому „собрату“ Тюрго, не умѣли ладить съ людьми, для которыхъ все обстоитъ благополучно, лишь бы не нарушали установившихся, привычныхъ и удобныхъ имъ порядковъ. Съ перемѣной интенданта пошли разныя болѣе или менѣе непріятныя новшества. Однимъ изъ такихъ новшествъ была затѣянная новымъ интендантомъ реформа дорожной повинности.

Реформа, которую затѣялъ бордоскій интендантъ, была въ сущности попыткой осуществить въ предѣлахъ подвѣдомственной ему провинціи то, что гораздо ранѣе было сдѣлано интендантомъ Тюрго въ лиможскомъ генеральствѣ, а потомъ тѣмъ же Тюрго-министромъ во всемъ королевствѣ. Реформа эта, заключавшаяся въ замѣнѣ крайне тягостной для сельскаго населенія и крайне неравномѣрно ложившейся на населеніе натуральной повинности—умѣренной и равномѣрно распредѣленной податью, была большимъ облегченіемъ для крестьянской массы, но за-то задѣвала интересы привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Какъ извѣстно, Тюрго палъ прежде, чѣмъ его реформы имѣли время перейти изъ бумаги въ живую дѣйствительность. Однако, прежній порядокъ дорожной повинности сдѣлался уже настолько ненавистнымъ, что явившееся на смѣну Тюрго реакціонное министерство въ лицѣ де-Клюньи не рѣшилось возратиться purement et simplement къ прежнему порядку и предоставило провинціальнымъ интендантамъ вводить въ своихъ интендантствахъ, по своему усмотрѣнію, факультативную замѣну натуральной повинности соотвѣтствующей прибавкой къ основной подати

XXVIII; *Corespondance cecrète, politique et littéraire; Encyclopédie méthodique, Finances,* t. I. p. 714 et. suiv.; Lettre d'un Subdelégué de Guyenne à M. le duc de*** relativement aux corvées, 1784; Mémoire important sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne et Observations sur les Remontances du parlement de Bordeaux du 13 mai 1784, par Monsieur Dupré de Saint-Maur, intendant de Guyenne (*Bibliotèque nat.,* Lf 93—21); *Archives nationales,* H 1429, 1444.

(тальѣ). Однимъ изъ первыхъ актовъ дѣятельности Сенъ-Мора въ новомъ интендантствѣ было объявленное имъ сельскому населенію приглашеніе—воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ выкупа натуральной дорожной повинности. На приглашеніе интенданта отозвалось большинство сельскихъ общинъ, которыя нашли для себя болѣе выгоднымъ денежную приплату къ тальѣ въ размѣрѣ одной трети послѣдней, чѣмъ выполненіе повинности натуральнымъ способомъ. Но выгодный для крестьянской массы населенія новый порядокъ оказался, напротивъ, невыгоднымъ для крупныхъ помѣщиковъ, на земли которыхъ приплата къ тальѣ, которую платили ихъ арендаторы, ложилась новымъ бременемъ, неизбѣжно отзывавшимся на пониженіи арендной платы... Буря благороднаго негодованія поднялась противъ интенданта-новатора. Выразителемъ настроенія разгнѣванныхъ помѣщиковъ выступилъ, какъ и слѣдовало ожидать, мѣстный парламентъ, тѣсно связанный съ мѣстной землевладѣльческой аристократіей, къ которой и самъ принадлежалъ почти цѣликомъ по своему личному составу.

Кампанія была открыта постановленіемъ парламента 2-го іюля 1779 г. Исходя изъ того положенія, что прибавка къ тальѣ въ замѣнъ натуральной повинности есть новый налогъ, а для введенія всякаго новаго налога требуется соотвѣтствующій законодательный актъ, занесенный предварительно въ парламентскіе реестры, парламентъ объявлялъ введенный интендантомъ порядокъ незаконнымъ и предписывалъ всѣмъ сельскимъ общинамъ безъ исключенія возвратиться къ прежнему порядку—натуральнаго выполненія дорожной повинности.

Это распоряженіе парламента было кассировано королевскимъ совѣтомъ (постановленіе 18-го іюля того же года). Выражая свое неудовольствіе поступкомъ парламента, король категорически запрещалъ ему на будущее время вмѣшиваться прямо или косвенно въ вопросъ о дорожной повинности, „вѣдѣніе котораго его величество оставляетъ исключительно за собой и своимъ совѣтомъ“.

Парламентъ отвѣтилъ „представленіями“, въ которыхъ настаивалъ на отмѣнѣ введеннаго интендантомъ порядка. Представленія были оставлены безъ послѣдствій. Парламентъ однако отнюдь не думалъ считать свое дѣло проиграннымъ. Лѣтомъ 1780 г. онъ нарядилъ секретное слѣдствіе надъ дѣйствіями низшихъ органовъ интендантской администраціи, поскольку она касалась дорожной повинности. Изъ тщательно собранныхъ и искусно сгруппированныхъ жа-

лобъ былъ составленъ болѣе или менѣе эффектный букетъ, который и былъ преподнесенъ королю въ слѣдующемъ ноябрѣ (постановленіе парламента 22-го ноября 1780 г.).

Отвѣтомъ было постановленіе совѣта отъ 13-го іюля 1781 г., въ которомъ отъ имени короля выражалось порицаніе „процедурѣ секретнаго слѣдствія“, къ которой счелъ себя въ правѣ прибѣгнуть парламентъ, и предписывалось заинтересованнымъ сторонамъ „передать документы и записки государственному совѣтнику Жоли-де-Флери, члену финансоваго совѣта, для представленія имъ соотвѣтствующаго доклада“.

Наступило затишье, и введенный интендантомъ порядокъ продолжалъ мирно развиваться, не смотря на глухое противодѣйствіе парламента. Но затишье оказалось лишь кратковременнымъ перемиріемъ. Въ 1783 г. къ введенному интендантомъ порядку пожелали присоединиться и нѣсколько общинъ тѣхъ округовъ, гдѣ талья была не *личной*, а *вещной*, то-есть пріурочена не къ лицу, а къ землѣ. Для этихъ общинъ интендантомъ былъ изданъ 3-го марта 1783 г. спеціальный „ордоннансъ“. Въ силу послѣдняго, замѣнявшая натуральную повинность денежная подать раскладывалась не только между плательщиками тальи, но также и между плательщиками поголовной подати (capitation). Послѣдняя особенность обусловливалась, очевидно, тѣмъ, что иначе отъ несенія дорожной повинности оказалась бы освобожденной цѣлая категорія лицъ, которая въ округахъ съ личной тальей эту повинность несла. Какъ бы то ни было, это новое проявленіе „произвола“ со стороны интенданта подало поводъ парламенту возобновить противъ него прерванную было борьбу, которая на этотъ разъ приняла болѣе острый и ожесточенный характеръ. 27-го марта 1784 г. парламентъ принялъ постановленіе, которымъ, предавая рѣзкому осужденію введенную интендантомъ „систему произвола“, предписывалъ нарядить новое слѣдствіе надъ этой частью интендантскаго управленія. Слѣдствіе это было въ полномъ ходу, когда 17-го апрѣля послѣдовало постановленіе королевскаго совѣта, которымъ кассировалось постановленіе парламента и вся начатая имъ слѣдственная процедура. Но парламентъ, видимо, рѣшилъ ни передъ чѣмъ не останавливаться, чтобы доконать испортившаго ему столько крови интенданта; 28-го того же апрѣля парламентъ принялъ постановленіе, которымъ „подтверждалось“ только что кассированное королевскимъ совѣтомъ постановленіе 27-го марта; вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ издалъ приказъ

объ арестѣ перваго секретаря интендантства, который „спасся бѣгствомъ“ въ Парижъ; одинъ изъ субделегатовъ былъ вызванъ парламентомъ въ качествѣ обвиняемаго въ различныхъ злоупотребленіяхъ по дѣламъ дорожной повинности. Вслѣдъ затѣмъ, 13-го мая того же года, парламентъ постановилъ отправить королю обширныя „представленія“ по поводу „чудовищнаго накопленія притѣсненій, учиненныхъ интендантомъ въ виду установленной имъ системы дорожной подати“ На этотъ разъ парламентъ не ограничился представленіемъ своихъ remontrances королю, но отпечаталъ ихъ и принялъ мѣры къ наивозможно болѣе широкому распространенію ихъ среди публики. Попытка дискредитировать администратора передъ правительствомъ не удалась – надо было попытаться дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи. Въ видахъ достиженія болѣе вѣрнаго результата, рядомъ съ печатными представленіями была пущена въ ходъ устная сплетня, или, какъ выражается современный хроникеръ, „довольно забавный анекдотъ, не имѣющій, правда, никакого отношенія къ дѣлу, но бросающій тѣнь на частную жизнь и нравы г. интенданта“ [1]).

Выждавъ эффекта своихъ „представленій“, адресовавшихся въ сущности болѣе къ „публикѣ“, чѣмъ къ королю, и находя его вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ видамъ, парламентъ выпустилъ, три недѣли спустя, „вторичныя представленія“ (7-го іюня 1784 г.), въ которыхъ окончательно добивалъ поверженнаго во прахъ противника; къ нимъ былъ приложенъ докладъ слѣдственной комиссіи парламента, въ которомъ приводилась „масса возмутительныхъ вещей“. Насколько были основательны эти обвиненія, преднамѣренная тенденціозность которыхъ была слишкомъ очевидна, но провѣрить которыя не имѣла возможности та „публика“, къ которой фактически адресовались „представленія“ парламента,—мы не можемъ сказать; но во всякомъ случаѣ цѣль, къ которой стремился парламентъ, была достигнута: вокругъ имени непріятнаго администратора была создана „скандальная извѣстность“, оно сдѣлалось достояніемъ различныхъ „секретныхъ мемуаровъ“ и „секретныхъ корреспонденцій“,

---

[1]) *Mémoires secrets,* t. XXV (4 mai 1784): „On a découvert qu'il menait avec lui dans ses tournées une fille, déguisée tantôt en dragon, tantôt en abbé, tantôt en capucin“. Сплетня, характеризующая скорѣе нравы тогдашняго общества и легковѣріе парижскихъ хроникеровъ, чѣмъ „частную жизнь“ интенданта, которому въ то время было, сказать кстати, подъ шестьдесятъ лѣтъ.

объектомъ салонныхъ сплетенъ и „остроумныхъ“ комментаріевъ въ столичныхъ bureaux d'esprit. Интендантство, какъ учрежденіе, не пользовалось популярностью; въ Парижѣ интендантами вовсе не интересовались, о дѣятельности ихъ имѣли очень смутныя представленія, но ихъ недолюбливали, а потому всякая направленная противъ нихъ—коллективно ли, или индивидуально—выходка, будь то парламентскія „представленія“, или идущая изъ провинціи сплетня,—встрѣчала всегда благосклонный пріемъ. У Сенъ-Мора вдобавокъ не было, повидимому, сильныхъ связей при дворѣ или въ правительственныхъ сферахъ, для того чтобы продолжать борьбу съ парламентомъ. Торжество послѣдняго было полное: Сенъ-Моръ ушелъ, не чувствуя силъ оставаться долѣе на своемъ боевомъ посту. Но уходя, онъ рѣшилъ защищаться противъ своего врага его же оружіемъ—печатнымъ словомъ, и это, быть можетъ, самый интересный моментъ во всей этой маленькой, но богатой перипетіями исторіи. Это, насколько намъ извѣстно, первый случай непосредственнаго обращенія къ общественному мнѣнію со стороны одного изъ провинціальныхъ администраторовъ до-революціонной Франціи.

Сначала интендантъ выступилъ въ печати подъ псевдонимомъ „одного субделегата Гюэпп“, въ формѣ открытаго письма къ третьему лицу [1]. Вслѣдъ затѣмъ онъ выпустилъ уже подъ своимъ именемъ объемистую брошюру, подъ заглавіемъ *Mémoire important sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne et Observations sur les Remontrances du Parlement de Bordeaux* [2]. Брошюра эта, которой интендантъ постарался дать столь же широкое распространеніе, какъ и парламентъ своихъ „представленіямъ“, открывается личнымъ обращеніемъ интенданта къ королю [3]), въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: „Обвиненный однимъ изъ вашихъ парламентовъ, въ его представленіяхъ, опубликованныхъ и распространенныхъ съ нескрываемымъ намѣреніемъ придать имъ наиболѣе широкую огласку, я долженъ предста-

---

1) Lettre d'un Subdélégué de la généralité de Guyenne à M. le Duc de*** relativement aux corvées, 1784, p. in-4. Въ Національной библіотекѣ имѣется одинъ экземпляръ этой брошюры.

2) Экземпляръ этой брошюры имѣется въ парижской Національной библіотекѣ: Lf 93—21, in-4.

3) Это своеобразное открытое письмо интенданта къ королю было нами воспроизведено цѣликомъ въ первомъ томѣ нашей „Провинціальной администраціи“, въ примѣчаніи на стран. 251.

вить свое оправданіе вамъ, государь; я долженъ его представить вашему народу; я долженъ, наконецъ, его представить самому себѣ".

Стараясь соблюдать въ своемъ отвѣтѣ на обвиненія парламента умѣренный тонъ, Сенъ-Моръ платитъ ему по существу тою же монетой; оправдываясь отъ взводимыхъ на него обвиненій, онъ съ своей стороны высказываетъ по адресу парламента самыя тяжкія обвиненія и все это съ тою ужасающею прямолинейностью, на какую только былъ способенъ языкъ того времени [1].

Интересно однако, насколько была достигнута интендантомъ основная цѣль его выступленія въ печати—реабилитація его образа дѣйствій въ общественномъ мнѣніи.

Какъ и слѣдовало ожидать, тѣ общественные круги, которые стояли близко къ парламентской магистратурѣ, остались и послѣ публичной защиты Сенъ-Мора при своемъ прежнемъ враждебномъ къ интенданту „мнѣніи", выразителемъ котораго для насъ является хроникеръ „секретныхъ мемуаровъ" [2]. За-то интенданту, выступившему по пути, намѣченному въ свое время „министромъ-патріотомъ", какъ называетъ Сенъ-Моръ въ своей брошюрѣ—Тюрго [3], удалось

---

[1]) Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ этого любопытнаго документа: „Peut-être, au reste, cet événement ne sera-t-il point en pure perte pour l'Etat. Peut être le parlement aura-t-il rendu à la province, à la France entière un service essentiel, dont il est lui-même bien loin de se douter. La fermentation à laquelle il a donné lieu, et qui n'a pas tardé à se propager, ne peut manquer d'accélérer de beaucoup l'instant où le gouvernement sera forcé de prendre un parti général et uniforme sur l'article de la confection et entretien des chemins. Mais le voeu peu réfléchi du Parlement (le rétablissement de la corvée en nature) ne s'accomplira point. S'il est analogue aux désirs de quelques gens aisés, il blesse trop ouvertement les intérêts de la classe indigente". „La plupart des griefs dont on se plaint ont été l'effet nécessaire ou le résultat des contrariétés que le service des corvées a éprouvées depuis 1777, et de la résistance continuelle que la classe des gens riches a apportée à l'exécution du nouveau système". „Dès le premier moment, les tribunaux de la Guyenne ont pris parti dans cette espèce de guerre entre les riches et les pauvres"...

[2]) *Mémoires secrets*, t. XXVIII (30 janvier 1785): „La publicité de cet arrêté (du Parlement) était d'autant plus nécessaire que le mémoire de M. Dupré de Saint-Maur, imprimé et répandu avec profusion, accumule contre le Parlement les accusations les plus graves et les plus calomnieuses". .—Ibidem, t. XXVIII (7 février 1785): „En supposant même la vérité de tout ce qu'avance le commissaire déparli, on ne le juge pas pleinement justifié".

[3]) *Mémoire important*, etc.: „Permettons-nous donc de penser qu'on reviendra plutôt au plan de ce ministre partiote, qui, s'il existait encore, serait sin-

вполнѣ завоевать симпатіи тѣхъ общественныхъ круговъ, которые находились подъ вліяніемъ „философовъ-экономистовъ“; эти симпатіи къ администратору, потерпѣвшему неудачу въ своихъ начинаніяхъ въ духѣ Тюрго, нашли себѣ отголосокъ въ обширной статьѣ, посвященной натуральной дорожной повинности въ вышедшей въ восьмидесятыхъ годахъ *Методической Энциклопедіи*, представляющей собою, какъ было выше замѣчено, переработанное и значительно дополненное изданіе знаменитой *Энциклопедіи* Дидро и д'Аламбера [1]).

Непосредственными результатами столкновенія Сенъ-Мора съ бордоскимъ парламентомъ были: отставка его, какъ интенданта, разборъ его дѣла въ особой комиссіи королевскаго совѣта, окончившійся его реабилитаціей, выразившейся реальнымъ образомъ въ назначеніи Сенъ-Мора государственнымъ совѣтникомъ. Но благодаря той широкой огласкѣ, которую получило это дѣло, и благодаря вліянію заинтересованнаго имъ общественнаго мнѣнія, оно оказалось чреватымъ гораздо болѣе крупными результатами, чѣмъ этого можно было ожидать. Съ одной стороны, это дѣло дало новый толчокъ оппозиціонному движенію противъ всего существующаго правительственнаго режима и вмѣстѣ съ тѣмъ снова разбудило задремавшую было мысль-мечту о генеральныхъ штатахъ; въ своемъ „посланіи къ королю“, опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе, по поводу все того же дѣла, въ январѣ 1785 г., бордоскій парламентъ впервые „даетъ понять королю необходимость возстановить старинныя торжественныя собранія, генеральные штаты, слишкомъ уже долго не созывавшіеся—настоящій и единственный путь къ возстановленію прочности ослабѣвшихъ пружинъ монархіи“ [2]). Съ другой стороны, публичная полемика между интендантомъ и парламентомъ по поводу вопроса о реформѣ дорожной повинности снова выдвинула на сцену этотъ, казалось, заглохшій, но въ сущности лишь замятый послѣ неосуществившейся попытки Тюрго, вопросъ. И вотъ, въ то самое

---

gulièrement surpris d'en voir l'exécution presque indispensablement amenée par des moyens si éloignés de la sagesse de ceux qu'il avait présentés à la Nation“.

[1]) *Encyclopédie méthodique, Finances,* t. I, p. 691—717 (art. *Corvée,* signé Grivel).—См. выше, стр. 71, примѣч. 5.

[2]) *Mémoires secrets*, t. XXVIII (29 janvier 1785): „...Le Parlement fait sentir au roi la nécessité de rétablir ces assemblées antiques et solennelles, trop longtemps suspendues, les Etats généraux, véritable et unique moyen de remonter les ressorts de la monarchie, dans un relâchement général“.

время, какъ бордоскій парламентъ „давалъ понять королю" необходимость созыва генеральныхъ штатовъ, правительство, въ лицѣ генералъ-контролера де-Калонна, поставило вопросъ о замѣнѣ натуральной дорожной повинности соотвѣтствующей податью на обсужденіе особой комиссіи изъ интендантовъ. Заключенія, къ которымъ пришла послѣдняя, были формулированы въ той „запискѣ", составленной интендантомъ ла-Галезьеромъ, о которой мы уже упоминали въ другой связи. Въ іюлѣ слѣдующаго года была созвана де-Калонномъ новая комиссія изъ интендантовъ для окончательной выработки проекта реформы, а въ ноябрѣ того же года послѣдовало „постановленіе совѣта о замѣнѣ, въ видѣ опыта въ теченіе трехъ лѣтъ, натуральной дорожной повинности денежной податью" [1]); но до истеченія трехъ лѣтъ, въ іюнѣ слѣдующаго года, эта временная мѣра получила значеніе окончательной реформы [2]). Это было торжество идеи „министра-патріота" и вмѣстѣ—великое нравственное удовлетвореніе для продолжателя и поборника ея, бывшаго бордоскаго интенданта.

Такъ завершилась эта маленькая административная драма, о которой можно сказать, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней является *общественное мнѣніе*.

Подведемъ итоги.

Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ особенности же въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ во Франціи необычайно вліятельную роль; въ признаніи этого факта сходятся современники самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и идейныхъ настроеній. „Общественное мнѣніе", которое современниками понималось, какъ „мнѣніе націи", начиная съ семидесятыхъ годовъ, получаетъ право гражданства даже въ офиціальномъ языкѣ администраціи.

---

[1]) *Arrêt du conseil qui ordonne l'essai, pendant trois ans, de la conversion de la corvée en une prestation en argent,* 6 novembre 1786.—*Archives nationales,* H 1429.

[2]) *Déclaration pour la conversion de la corvée en une prestation en argent,* 27 juin 1787.—*Isambert,* Recueil général, t. XXVIII, p. 374—376.

Общественное мнѣніе становится силой, вліяніе которой испытываютъ на себѣ, и съ которой находятъ нужнымъ считаться парламенты, городскіе муниципалитеты, провинціальные штаты и другія корпораціи, равно какъ и частныя лица. Но что особенно важно, воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, частью сознательно, частью безсознательно, начинаетъ испытывать на себѣ и правительство. Вліяніе общественнаго мнѣнія сказывается, какъ въ освобожденіи, такъ и въ замѣщеніи министерскихъ вакансій; оно сказывается равнымъ образомъ и въ отдѣльныхъ актахъ правительственной дѣятельности.

Общественное мнѣніе становится силой, съ которой само правительство находитъ нужнымъ считаться самымъ серьезнымъ образомъ. Отсюда—необычайное развитіе въ занимающую насъ эпоху — *офиціальной* и *полуофиціальной прессы.*

На ряду съ этимъ явленіемъ, другимъ важнымъ симптомомъ роста общественнаго мнѣнія и его могущества является постепенная эмансипація „города“ отъ „двора“, Парижа отъ Версаля. Если было время, когда „дворъ“ давалъ тонъ „городу“, то теперь—наоборотъ, первый начинаетъ внимательно прислушиваться къ камертону послѣдняго.

Спрашивается однако, какъ могло достигнуть столь вліятельной роли общественное мнѣніе въ тогдашней Франціи, лишенной свободы публичнаго слова, въ особенности—слова печатнаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ та роль, которую игралъ во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ *разговоръ.*

Сдѣлавшись предметомъ спеціальной культуры — въ *салонахъ*, разговоръ уже давно получилъ во Франціи значеніе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ общественности. Съ демократизаціей салонной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, разговоръ не только ничего не потерялъ въ своемъ значеніи, а напротивъ—пріобрѣлъ еще бóльшую силу въ качествѣ одной изъ общественныхъ функцій. Салоны, писательскіе кружки, англійскіе клубы, парижскіе кафе, эти постоянные очаги общественнаго разговора, представляли собою одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ выработки общественнаго мнѣнія. Въ то же время они являлись посредниками между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, такъ какъ въ занимающую насъ эпоху между правительственными кругами—съ одной стороны и обществомъ—съ другой не было чего-либо похожаго на глухую стѣну: люди, которые толпились въ парижскихъ салонахъ, литературныхъ кружкахъ и клубахъ, и люди, которые занимали министерскіе ка-

бинеты и наполняли министерскія канцеляріи, принадлежали, за немногими исключеніями, къ одной и той же соціальной семьѣ, а зачастую это были одни и тѣ же люди.

Салоны же и подобные имъ кружки являлись однимъ изъ главныхъ орудій, при помощи которыхъ общество оказывало свое воздѣйствіе на *печать*, которая въ значительной мѣрѣ являлась лишь отраженіемъ живого разговора салоновъ, клубовъ, кафе, и т. д.

Печать тѣмъ удобнѣе могла отражать этотъ разговоръ, что, не смотря на отсутствіе легальной свободы, она пользовалась довольно широкою свободой фактической, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ количественный ростъ прессы во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, такъ и характеръ ея произведеній въ эту пору. За предѣлами же этой фактической свободы оставался широкій просторъ для нелегальной прессы (особенно заграничной), которая получаетъ самое широкое развитіе въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

Такимъ образомъ, существовавшія легальныя стѣсненія отнюдь не мѣшали прессѣ играть роль одного изъ важнѣйшихъ факторовъ общественнаго мнѣнія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести также *театръ*, представлявшій собою какъ бы продолженіе на сценѣ того „разговора", который шелъ въ салонахъ, литературныхъ кружкахъ, клубахъ, кафе и т. д.

Какъ одинъ изъ мощныхъ факторовъ общественнаго мнѣнія, пресса, естественно, даетъ чувствовать свою силу и правительству. Вліяніе прессы на правительство въ занимающую насъ эпоху можно прослѣдить во многихъ актахъ послѣдняго; можно даже сказать, что многіе изъ правительственныхъ актовъ первостепенной важности были подсказаны прессой.

Вліяніе общественнаго мнѣнія распространяется и на провинціальную администрацію въ лицѣ интендантовъ. И это совершенно естественно, въ виду того, что послѣдніе, и по своему происхожденію и по своему соціальному положенію, принадлежали, какъ и министры, къ тому же самому государственному дворянству, которое въ занимающую насъ пору составляло и главный контингентъ той „просвѣщенной публики", которая наполняла собою и парижскіе салоны и ряды „литературной республики": *homme du monde*, министръ или интендантъ нерѣдко и *homme de lettres*. Дѣйствительно, многіе изъ министровъ и интендантовъ эпохи не чужды литературѣ, какъ не чужды ей и нѣкоторые изъ ихъ ближайшихъ помощниковъ и подчиненныхъ. Писатель или нѣтъ, но во всякомъ

случаѣ администраторъ этого времени—человѣкъ, стоящій на уровнѣ современной образованности. Это обыкновенно—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, интересующійся литературой, а подъ часъ и наукой.

При такихъ условіяхъ, вліяніе общественнаго мнѣнія на администрацію вообще и въ частности на провинціальную администрацію, въ лицѣ интендантовъ и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, представляется уже a priori не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ. Этотъ апріорный выводъ вполнѣ подтверждается и a posteriori. Общественное мнѣніе, дѣйствительно, является, по признанію одного изъ интендантовъ, тѣмъ факторомъ, которому интендантство, въ лицѣ своихъ представителей, обязано было своей метаморфозой. Вліяніе общественнаго мнѣнія можно прослѣдить и на отдѣльныхъ актахъ административной дѣятельности интендантовъ. Дѣло бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора можетъ служить одною изъ иллюстрацій той роли, какую играетъ общественное мнѣніе въ провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка.

Примѣчаніе.—Часто встрѣчающаяся въ примѣчаніяхъ ссылка на *Pièces justificatives* имѣетъ въ виду нашу книгу, полное заглавіе которой читатель найдетъ на оборотѣ обложки.—Въ примѣчаніи въ самомъ началѣ настоящаго очерка цифру 1910 слѣдуетъ исправить на 1904.

Цѣна 75 к.

